

Учредитель: Бурятский государственный университет

ЕВРАЗИЙСТВО И МИР
The Journal of Eurasia and World
Научный журнал

2 / 2013

Журнал издается
с 2013 года

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-47539 от 30.11.2011 г.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
International editorial council

С.В. Калмыков , д-р пед. наук (председатель) (Улан-Удэ, Россия)	S.V. Kalmykov , dr. pedagogy sci. (chairman) (Ulan-Ude, Russia)
И.И. Осинский , д-р филос. наук (зам. председателя) (Улан-Удэ, Россия)	I.I. Osinsky , dr. of philosophy sci. (deputy chairman) (Ulan-Ude, Russia)
Е.М. Бабосов , д-р филос. наук (Минск, Белоруссия)	E.M. Babosov , dr. of philosophy sci. (Minsk, Belarus)
А.О. Бороноев , д-р филос. наук (Санкт-Петербург, Россия)	A.O. Boronoev , dr. of philosophy sci. (St. Petersburg, Russia)
А. Исаенко , д-р ист. наук (Бун, США)	A. Isaenko , dr. of history sci. (Boone, USA)
К. Косела , д-р гуманитар. наук (Варшава, Польша)	K. Kosela , dr. of the humanities (Warsaw, Poland)
Я. Леонски , д-р гуманитар. наук (Щецин, Польша)	Ya. Leonsky , dr. of the humanities (Szczecin, Poland)
В.В. Миронов , д-р филос. наук (Москва, Россия)	V.V. Mironov , dr. of philosophy sci. (Moscow, Russia)
П.Ю. Саух , д-р филос. наук (Житомир, Украина)	P. Yu. Saukh , dr. of philosophy sci. (Zhitomir, Ukraine)
Ю.И. Скуратов , д-р юр. наук (Москва, Россия)	Yu. I. Skuratov , dr. of jurisprudence (Moscow, Russia)
Ж.Т. Тощенко , д-р филос. наук (Москва, Россия)	Zh.T. Toshchenko , dr. of philosophy sci. (Moscow, Russia)
Д. Улзийсайхан , д-р филос. наук (Улан-Батор, Монголия)	D. Ulziysaykhan , dr. of philosophy sci. (Ulan-Bator, Mongolia)
К.Х. Ханазаров , д-р филос. наук (Ташкент, Узбекистан)	K.Kh. Khanazarov , dr. of philosophy sci. (Tashkent, Uzbekistan)
Ч. Байчунь , д-р филос. наук (Пекин, Китай)	Zh. Baichun , dr. of philosophy sci. (Beijing, China)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Editorial board

И.И. Осинский , д-р филос. наук (гл. редактор)	I.I. Osinsky , dr. of philosophy sci. (editor-in-chief)
Э.Д. Дагбаев , д-р социол. наук (зам. гл. редактора)	E.D. Dagbaev , dr. of sociology sci. (deputy editor-in-chief)
О.Ж. Гончикдоржиева , канд. социол. наук (отв. секретарь)	O.Zh. Gonchikdorzhieva , cand. of sociology sci. (executive secretary)
Л.Л. Абаева , д-р ист. наук	L.L. Abaeva , dr. of history sci.
И.С. Болдонова , д-р филос. наук	I.S. Boldonova , dr. of philosophy sci.
В.В. Мантатов , д-р филос. наук	V.V. Mantatov , dr. of philosophy sci.
А.Н. Постников , д-р филос. наук	A.N. Postnikov , dr. of philosophy sci.
Д.Ш. Цырендоржиева , д-р филос. наук	D.Sh. Tsyrendorzhieva , dr. of philosophy sci.
П.А. Чукреев , д-р социол. наук	P.A. Chukreev , dr. of sociology sci.

Адрес редакции: 670000, г. Улан-Удэ,
ул. Смолина, 24 а, к. 0315
Тел.: (3012)297160 добавочный 660
E-mail: intelligence2007@rambler.ru

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а
Тел.: (3012)21-95-57
E-mail: riobsu@gmail.com

© Бурятский госуниверситет, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Чебунин А.В.</i>	Феномен евразийства.....	4
<i>Кошмилло О.К.</i>	Учение раннего буддизма о сущности и природе человека.....	18
<i>Строева Г.Н.</i>	Философско-экономические аспекты символизации космоса в античном ритуале и досократической философии: онтологический анализ.....	30
<i>Осинский П.И.</i>	Стратегии адаптации трудовых мигрантов из Китая.....	43
<i>Никиторович Е.</i>	Квадрига власти: размышляя о теории мирового развития Майкла Манна.....	55
<i>Мантатов В.В.</i>	Специфика интеллигентности человека пограничья в контексте современных требований многокультурности.....	74
<i>Очирова В.М.</i>	Социалистический проект устойчивого развития общества: теория и практика.....	85
<i>Петрова Е.В.</i>	Россия в поисках пути развития (по материалам социологических исследований в республиках Сибири).....	107
<i>Истомина О.Б.</i>	Особенности этносоциальной стратификации в республиках Сибири.....	119
<i>Косела К.</i>	Репрезентация и интерпретация языка в условиях глобализации.....	131
	Патриотизм учеников – поражение воспитательной системы польской школы.....	142
 РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ		
<i>Осинский П.И., Бадмаева М.В.</i>	«Диалектика межэтнических коммуникаций» о книге О.Б. Истоминой «Языковые контакты: сущность, формы, тенденции (региональный аспект)». – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2012.....	165

CONTENTS

<i>Popkov Yu.V., Tyugashev E.A. Chebunin A.V.</i>	The eurasian phenomenon.....	4
<i>Koshmilo O.K.</i>	The teaching of early buddhism about the basis and nature of a person.....	18
<i>Stroeve G.N.</i>	Philosophic-economical aspects symbolisation of space in antique ritual and dosokratic philosophy: the ontologic analysis.....	30
<i>Osinskiy P.I.</i>	Strategy of adaptation of labour migrants from China.....	43
<i>Nikitorovich E.</i>	The quadriga of power: reflecting on Michael Mann's theory of the world history....	55
<i>Mantatov V.V.</i>	Specific factors influencing human intelligence in border regions in the context of the contemporary demands of multiculturalism....	74
<i>Ochirova V.M.</i>	Socialist project for sustainable development of society: theory and practice.....	85
<i>Petrova E.V.</i>	Russia in search of direction and development (based on sociological research conducted in the Siberian republics).....	107
<i>Istomina O.B.</i>	Peculiarities of the ethnic and social stratification in Siberian republics.....	119
<i>Kosela K.</i>	Representation and language interpretation in the conditions of globalization.....	131
	Patriotic pupils: setbacks for the educational system of Poland.....	142
	BOOK REVIEW	
<i>Osinskiy P.I., Badmaeva M.V.</i>	«The dialectic of multiethnic communication (a review of O.B. Istominy's «Linguistic contacts: essence, forms, tendencies (and their regional aspect)». – Ulan-Ude: Buryat state university publishing department, 2012.....	165

ФЕНОМЕН ЕВРАЗИЙСТВА

В статье обосновывается философский статус идейного наследия классиков евразийства, метадисциплинарность евразийского дискурса, а само евразийство рассматривается как духовно-практическое явление. Аргументируется целесообразность выделения в рамках континента Евразии Внутренней и Внешней Евразии. Акцентируется внимание на географическом, антропологическом и социально-гуманистическом аспектах генезиса евразийской проблемы. Приводятся конкретные примеры соотношения практики и теории в евразийском процессе в разных исторических формациях евразийской культуры.

Ключевые слова: *евразийство, Евразия, Внутренняя Евразия, Внешняя Евразия, евразийская культура, евразийские межэтнические группы.*

Yu. V. Popkov, E. A. Tyugashev
Novosibirsk

THE EURASIAN PHENOMENON

The article reassesses the philosophical status and ideological legacy of the classic works proclaiming the «Eurasian idea». It examines the multidisciplinary nature of Eurasian accounts and examines them as both a spiritual and practical phenomenon. The author argues that its diffusion throughout inner and outer Eurasia is both viable and worthwhile. The author pays special attention to the geographical, anthropological, social and humanistic aspects that provoked the examination of specifically «Eurasian» problems. In addition, the author gives concrete examples relating to the theory and practice of the «Eurasian process» throughout the various historical formations of Eurasian culture.

Key words: *Eurasia, inner and outer Eurasia, theory and practice of eurazian, Eurasian culture, Eurasian interethnic groups.*

Концепция евразийства, относительно недавно вошедшая в научный оборот, стала весьма популярной. В то же время она вызвала и вызывает немало нареканий. Оппоненты евразийского учения склонны

подчеркивать его внутреннюю противоречивость, моменты несоответствия действительности, порой квалифицируя это учение в целом как проявление иллюзорного сознания.

Наиболее критично оценивает евразийство В.Л. Каганский. С его точки зрения, евразийское учение есть «поздняя разновидность географического детерминизма, где сплелись просвещение и романтизм, культ почвы и натуры, интеллектуальная вера в объяснительное всемогущество земного места и мистика Земли» [5, с. 205]. Автор выводит евразийство за пределы науки. Вместе с тем он признает: «Евразийство все чаще фигурирует как очевидная научная основа политики России, даже в либеральных изданиях» [4, с. 414].

Популярность евразийства в широких научных кругах, как представляется, опровергает оценку его со стороны В.Л. Каганского как всего лишь мифа. Факты таковы, что основателем евразийства является группа широко известных и талантливых исследователей, а современное научное сообщество проявляет заметный интерес к евразийству. Этот интерес В.Л. Каганский объясняет тем, что евразийство было воспринято как источник «культурно значимых вопросов» [4, с. 416].

Но именно в выдвижении многих новых вопросов виделась историческая правда евразийцев. Как писал Г.В. Флоровский, евразийская правда – это «правда вопросов, не правда ответов, правда проблем, а не решений» [13, с. 237].

Вряд ли на этом основании стоит говорить о духовной неудаче евразийства. Хорошо известно, что, например, философия есть такой тип духовной деятельности, который особенно результативен в постановке вопросов, хотя не может похвастаться общеубедительными ответами на них.

Философский статус евразийства обычно устанавливается его отнесением к предметной области философии истории. Такой категоризации не противоречат оценки евразийства как духовного феномена, сочетающего элементы утопии и мифа, мистики и религии, романтизма и науки. Заметим, что не менее сложную мировоззренческую структуру имеют учения многих всемирно признанных философов – Платона, Гегеля, Маркса.

По-видимому, в любом явлении общественного сознания могут быть выделены различные мировоззренческие измерения, актуализируемые в конкретном социально-практическом контексте. В этом плане мы никогда не сможем сказать о каком-либо тексте как исключительно философском. Любой философский текст может быть интерпретирован

и как произведение литературы, рассмотрен в горизонтах утопического или религиозного сознания, научного мышления и т.п. Философское позиционирование учений и их текстов определяется доминантами мышления, восходящими к культурной традиции, эксплицированными познавательными установками и характером интерпретаций.

Евразийство с его стремлением к постановке вопросов, с его девизами «Познай самого себя!» и «Будь самым собой!», бесспорно, имеет философский статус.

В рамках социально-философского позиционирования евразийство противопоставляло себя философии прогресса, философии воинствующего политицизма и философии воинствующего экономизма. Себя же евразийство в лице его представителей понимало: на уровне онтологии – как философию организационной идеи, на уровне социальной философии – как философию подчиненной экономики и подчиненного права.

Философский статус евразийства выражен и в его философском языке. Необычность и смысловая насыщенность этого языка не только придают евразийству интеллектуальное обаяние, но и позволяют говорить об особой концептосфере евразийства [10].

Так, евразийцы придали отдельным известным терминам специфические значения, нехарактерные для других философских учений. Это в особенности относится к терминам «культура» и «личность», на основе которых сконструированы сложные терминологические ряды (например: «культуро-личность», «зачаточная личность», «потенциальная личность», «симфоническая личность», «периодическая личность» и др.).

Кроме того, евразийство – это одно из немногих философских направлений, выработавшее собственную терминологию. Оригинальными являются термины «благая метафизика» и «злая метафизика», «покойное движение» и др.

В евразийстве также наблюдается нормальный для любого философского учения процесс «категоризации» (придание категориального статуса) терминов конкретных наук. Так, образованы, например, важные для философско-исторической онтологии евразийства категории «диалектический этатизм» и «механический этатизм».

Наиболее важное значение для евразийства имеет термин «Евразия», смысловая многозначность которого настолько велика, что его уже нельзя рассматривать лишь как геологический или физико-

географический термин. Пожалуй, можно говорить о «философизации» этого термина, предпринятой евразийцами в рамках геософии как особой отрасли философии.

Поскольку использование термина «Евразия» маркирует евразийство, то обратимся к анализу его смысла. Как известно, значение термина «Евразия», введенное австрийским геологом Э. Зюссом, классическое евразийство признало устаревшим. П.Н. Савицкий предложил ограничить объем понятия «Евразия» срединным миром Старого Света [11, с. 299-300].

Соответственно, было предложено уточнить термины «Европа» и «Азия». П.Н. Савицкий ограничил Европу с востока черноморско-балтийским перешейком. Как следствие, Восточная Европа (в прежнем значении) становилась Западной Евразией. К Азии Савицкий относил только Восточную, Юго-Восточную, Малую, Южную и Переднюю Азию. А Центральная Азия (в прежнем значении термина «Азия») – была исключена из состава Азии (в новом значении этого термина). Собственно, Центральную Азию стало вообще невозможным выделять.

В итоге, согласно Савицкому, материк («Евразия» в прежнем значении термина) стал представляться как состоящий из трех «континентов» (в новом значении) – из Азии, Евразии и Европы.

Ограничивая объем понятия «Евразия», Савицкий полагал, что он уточняет термин. Но для того, чтобы говорить об уточнении, необходимо было первоначально продемонстрировать неопределенность в употреблении термина. В своих работах он не привел каких-либо фактов, свидетельствующих о многозначности употребления термина «Евразия» в современном ему научном языке, следовательно, не уточнил значения терминов «Азия», «Европа» и «Евразия», а просто придал им другие значения.

«Уточняя» содержание географических терминов, Савицкий попутно осуществил метафоризацию ряда других терминов. Евразию (в новом значении) он характеризует и как часть света, и как континент, и как материк, и как «материк-океан», и как «океан-материк».

Оценивая сегодня результативность произведенной Савицким коррекции терминов, можно констатировать, что в науке она признания не получила. Термин «Евразия» по-прежнему используется по Э. Зюссу.

Чем это объяснить? Очевидно, что «уточнение» терминов породило новые трудности. Так, без топонима остался материк Евразия (в прежнем значении термина). Термины «Средняя Азия» и «Центральная

Азия» исчезли. Оказалось, что Азия в новом значении термина состоит из множества «Азий», слабо связанных между собой и объединенных по неизвестному основанию.

Очевидно, что Савицкий не уточнил географическую терминологию, а, наоборот, внес в нее неоправданную неопределенность. Хотя он настаивал на выделении Евразии (в новом значении) как особого географического региона, для физической географии его инновация никакого значения не имела. Как следствие, произведенная географическая локализация Евразии (в новом значении термина) не могла оказаться устойчивой даже в его собственном учении.

Примечательно, что Савицкий отнес к евразийским культурам также культуру эллинистическую и византийскую (восточно-средиземноморскую) [11, с. 83]. Данные культуры не локализируются в срединном мире Старого Света. Следовательно, отнесение указанных культур к евразийским культурам осуществлено не на основании введенного Савицким географического критерия, а на принципиально ином основании.

Кроме того, Савицкий отождествил Евразию с Россией как «государством-материком»: «Таким образом, в общем и целом, с отклонениями в обе стороны, границы Евразии совпадают с границами Русской Империи» [11, с. 37].

Но о тождестве России и Евразии Савицкий также высказывался противоречиво. С одной стороны, он утверждал, что Евразия – это возглавляемый Россией особый культурный мир [11, с. 43], а с другой – Россия у него является не «главой» евразийского культурного мира, а его «торсом» [11, с. 298]. Очевидно, что в антропоморфной репрезентации Евразии «глава» и «торс» представляют разные части ее тела.

Если понимать Евразию по Савицкому, то сегодня ее тождество с Россией оказалось под вопросом. Согласно Савицкому, Евразия есть область степной и пустынной полосы от Карпат до Хингана вместе с горным ее обрамлением на юге и лесной и тундровой зонами с севера [11, с. 300]. Но, если в начале XX в. с определенными оговорками можно было говорить о совпадении границ Евразии и Российской империи, то после распада СССР Россия оказалась по северную сторону «станового хребта» евразийской истории.

Думая об уточнении географического термина «Евразия», Савицкий осуществил его прогрессирующую метафоризацию. Результатом оказался и не точный термин, и не строго определенное понятие, а размы-

тый образ, проекцией которой выступают различные конкретные исторические и географические явления.

В оправдание Савицкого можно было бы сказать, что его термин «Евразия» является не физико-географическим, а геософским и имеющим смысл только в концептосфере евразийства. В отношении данной возможности легитимации заметим, что идентичность Евразии Савицкий фиксировал многообразно: «Россия-Евразия есть “месторазвитие”, “единое целое”, “географический индивидуум” – одновременно географический, этнический, хозяйственный, исторический и т. д. и т.п. “ландшафт”...» [11, с. 284].

Перечень идентичностей представлен как незавершенный. Евразия определялась также и как особая симфонически-личная индивидуация православной церкви и культуры. В соответствии с этим основание единства Евразии и ее существо усматривались не в конкретном ландшафте, а в православии [11, с. 36].

Таким образом, предполагалось, что термин «Евразия» в его новом смысловом наполнении включится в междисциплинарный контекст евразийских наук [11, с. 109]. В связи с реализацией данной стратегии в эпистемологическом аспекте представляется важным, чтобы используемое понятие обладало не только междисциплинарной, но и социокультурной согласованностью, о чем в свое время писал И.С. Алексеев [1, с. 121]. Но поскольку предполагавшийся проект евразийских наук не состоялся, то евразийское понятие Евразии так и осталось несостоявшейся терминологической альтернативой.

Кроме того, определение понятия Евразии в новом смысле было и невозможным, поскольку это понятие было выведено за пределы какой-либо конкретной научной дисциплины с её специфической терминологией и системой понятий. Метадисциплинарность евразийского дискурса затруднила возможность экспликации его понятий, которая также не представляла собой сложившейся системы.

Как же тогда следует оценивать евразийский концепт Евразии? На наш взгляд, поскольку евразийство является философско-историческим учением, понятие Евразии обладает эпистемологическим статусом *идеи*. Содержание этой идеи не вполне определено, более того, амбивалентно, а потому допускает множество различных индивидуаций и интерпретаций.

Комментируя главный концепт евразийства, Г.В. Флоровский писал: «Россия есть Евразия. Согласимся, но потребуем твердого и ясного определения этого удачного, но смутного имени. В нем есть двусмыслен-

ность, и сами евразийцы вкладывают в него разные смыслы. Евразия – это значит: ни Европа, ни Азия, третий мир. Евразия – это и Европа, и Азия, помесь или синтез двух, с преобладанием последнего. Между этими пониманиями евразийцы колеблются» [13, с. 376].

Действительно, по Савицкому, «Россия не есть ни Азия, ни Европа, но представляет собой особый географический мир» [11, с. 298]. Используя термин «евразийский» для выражения географически обусловленной специфики русской культуры, Савицкий должен был последовательно утверждать самобытность культурного мира России-Евразии, отсутствие в этом мире элементов культурных миров и Европы и Азии.

Но он не удерживается на этой позиции и переходит на другую точку зрения: «В категориях не всегда достаточно тонкого, однако же указывающего на реальную сущность подразделения культур Старого Света на “европейские” и “азиатско-азиатские” – культура русская не принадлежит к числу ни одних, ни других. Она есть культура, сочетающая элементы одних и других, сводящая их к некоторому единству» [11, с. 294].

В этой интерпретации русская культура (как и любая евразийская культура) оказывается мегакультурой, объединяющей и интегрирующей локальные культуры Старого Света.

Налицо противоречие: либо Евразия – это ни Европа и ни Азия, либо Евразия – это сочетание Европы и Азии. Как мы видим, Савицкий амбивалентен в своих суждениях.

Думается, принципиальную для Савицкого проблему топонимизации «срединного мира» можно решить посредством термина «Внутренняя Евразия», а все окраины материка – отнести к Внешней Евразии.

Все культуры Евразии тогда можно считать локальными индивидуациями евразийской культуры. Последняя исторически складывалась в регионе Внутренней Евразии (в основном в регионе современной Средней Азии), которая в последнее оледенение представляла собой тундростепь [3, с. 76]. В эпоху начавшегося 12 тыс. лет назад голоценового потепления Внутренняя Евразия стала «этническим реактором», а евразийская культура вместе с ее носителями стала распространяться из центра на периферию – в регионы Внешней Евразии.

Таким образом, многие культуры Внешней Евразии можно рассматривать как локальные варианты, «изводы» различных

исторических формаций евразийской культуры. Локальные идиоадаптации евразийской культуры с последующими редакциями вели к ее дивергенции.

Кроме того, волны антропотока отчасти отражались от окраин материка обратно в регион Внутренней Евразии, а отчасти распространялись по периферии Внешней Евразии. В результате возникали множественные конвергенции локальных редакций евразийских культур.

Одной из ранних редакций евразийской культуры может быть признана культура Испании, возникшая в результате арабского завоевания. Наблюдавшийся на Иберийском полуострове романно-арабский синтез сформировал специфические особенности иберийской культуры, позволяющие ее сближать по многим параметрам с культурой России. Здесь мы встречаемся с краевой редакцией евразийской культуры, возникшей во Внешней Евразии.

Если говорить о синтезе элементов европейских и азиатских культур, то следует признать, что географически такой синтез может быть локализован не только в «срединном» мире, т. е. во Внутренней Евразии. Евразийство связывает возникновение евразийской культуры с территорией Внутренней Евразии. Вместе с тем, как отмечалось, П.Н. Савицкий указывал на предшествующие формации евразийской культуры – эллинистическую и византийскую.

Данное указание не противоречит локализации евразийской культуры на территории России и может быть объяснено с точки зрения евразийской концепции миграции культуры. Наблюдавшийся в историческом процессе закон смещения центров культуры с юга на север действует и в отношении евразийской культуры. Не исключено, что в последнее время она сместилась севернее степной полосы от Карпат до Хинган. Таким образом, бытие евразийской культуры не следует отождествлять с одной из ее исторических формаций в рамках конкретной территориализации. Детерриториализация и миграция евразийской культуры, множественность ее форм стимулируют поиск ранее не выделявшихся ее изводов. К одной из них и можно отнести испанскую культуру.

Понятно, что эллинистической, византийской, монгольской и российской культурой не исчерпывается многообразие исторических форм евразийских культур. Многочисленность контактных зон между европейскими и азиатскими сообществами обуславливает

множественность ростков евразийской культуры, но всем им суждено развиваться в мощные исторические формации.

Так, следует указать на разнообразные евразийские межэтнические группы, образовавшиеся в приморских мирах Евразии вследствие европейской колонизации и метисации с местным населением. «Евразийскость» этих групп конституируется как антропологический тип, инвариантный по отношению к локусу обитания. Соответственно, далеко не всегда в полосе от Карпат до Хинган формировались евразийские сообщества.

Итак, очаги «евразийскости» генерируются не только в глубинах континента, на российском пограничье европейской и азиатской культур. Классическое евразийство зафиксировало только один из локусов евразийского мира — *Eurasia sensu stricto* — срединный мир Старого Света, который составляют области степной и пустынной полос, простирающихся непрерывною линией от Карпат до Хингана. Окраинно-приморские миры также дают множество примеров селективного евразийского синтеза. Другое дело, что окраинные евразийские сообщества остались по преимуществу культурными маргиналиями. Но значение их не следует преуменьшать.

Ценность описания евразийских сообществ, разбросанных по окраинным мирам «Большой» Евразии выражается, во-первых, в изучении их роли в генезисе самой проблематики евразийства, и, во-вторых, в связи с оценкой перспектив глобализации «внешнеевразийского» синтеза.

Представляет интерес тот факт, что в европейских языках мы находим термин «евразиец» (англ. — *eurasian*, нем. и фр. — *eurasien*), который обозначает лицо, имеющее предков европейского и азиатского происхождения.

Появление *eurasian* как термина естественного языка зафиксировано в 1844 г. в Британской Индии. Первоначально он использовался в отношении англо-индийцев. В начале XX в. термин *eurasian* приобрел современное значение. В антропологической литературе об евразийцах стали говорить с 1960-х гг. [6].

Евразийские межэтнические группы возникли в период колониальной экспансии в Азию европейских государств и частных корпораций. С XVII в. частные корпорации (например, британская Ост-Индская компания) организовывали иммиграцию в метрополии представителей коренных народов Азии для обучения, работы и других целей, а те вступали в межрасовые браки с местным населением

метрополии. Аналогичные процессы происходили и в колониях. Во многих регионах евразийцы предпочитали вступать в браки и социализироваться в своей среде. Так, в результате двустороннего антропотока сформировалось множество евразийских межэтнических групп с собственным механизмом воспроизводства, относительно закрытых и обладающих специфическим социально-экономическим статусом [16].

Евразийские межэтнические группы обычно классифицируются в зависимости от национальности супругов, вступивших в смешанный брак (англо-индийцы, англо-бирманцы, португало-индийцы, голландо-индонезийцы и пр.) Евразийские межэтнические группы могут также категоризоваться как этнические группы более высокого порядка, т. е. как евразийцы датские, португальские, голландские, испанские, индонезийские, а также как «индоевропейцы» [14, 17-19].

Появилась разнообразная терминология, обозначающая в разных странах потомков межрасовых браков. Родителями европейского происхождения считаются не только собственно европейцы. Отдельную категорию евразийцев составляют австралоазийцы (и австралоевразийцы), канадоазийцы (*CanAsian*) и амеразийцы, корее-перуанцы (*koruvian*). Встречаются термины, обозначающие три компонента метисации, например: *germericanese* (германо-американо-китайский).

Этническая ситуация евразийских групп различна. В целом они характеризуются как этномаргинальные сообщества. В силу языковых, конфессиональных и ряда других причин евразийцы в традиционном обществе испытывали отчуждение и сегрегацию со стороны колонизаторов и местного населения. Но, благодаря тесным связям с европейцами и местным населением, евразийцы выступали в то же время в роли посредников между культурами.

После освобождения народов Азии от колониальной зависимости у различных евразийских групп сложилась разная судьба. Некоторые из них преследовались и дискриминировались как чужаки и союзники колонизаторов (например, англо-бирманцы и голландо-индонезийцы). Если евразийцы могли получить гражданство метрополии, то они эмигрировали и образовали в метрополиях отдельные этнические меньшинства. В ряде случаев евразийцы смогли сохранить свой статус или даже занять место бывших колонизаторов (например, в Филиппинах). Евразийцы активно участвовали в процессах

модернизации традиционных обществ и становлении современного сектора экономики.

Одной из болевых точек периферийных евразийских сообществ является проблема идентичности евразийцев. Смешанная идентичность довольно болезненно переживается на индивидуально-психологическом уровне. Следствием этого является стремление евразийских сообществ к консолидации.

Еще в конце XIX в., рассуждая об исторической юности евразийских сообществ, Т. Эвардс в работе, посвященной одному из евразийских поэтов, с грустью писал: «Они не создали империй, не построили городов, не породили промышленность, не проводили свою политику, нет ничего, чтобы они создали в философии или религии, или школы мысли в литературе, науке или искусстве» [15, р. I]. Однако сегодня евразийские группы Южной Евразии формируют собственные институты, создают языки и литературы, школы, средства массовой информации, общественно-политические организации.

Мозаичность межэтнических групп делает актуальными транснациональные объединения евразийцев в глобальном масштабе. В связи с этим иногда говорят о космополитизме, глобальной экспансии евразийцев и новом, «евразийском мире». Конкурентные преимущества евразийцев на мировом рынке объясняются интернациональным обликом «глобальной личности», высокоадаптивной в среде транснациональных коммуникаций.

Таким образом, в генезисе евразийской проблемы важное значение имеет не только географический, но и антропологический аспект, а в известном смысле – и социально-гуманистический аспект.

Еще основоположники евразийства обращали внимание на факт метисации. Так, Н.С. Трубецкой писал: «Связь русских с туранцами закреплена не только этнографически, но и антропологически, ибо в русских жилах, несомненно, течет, кроме славянской и угро-финской, и тюркская кровь» [12, с. 138]. Но этот факт считался настолько обычным и очевидным для русского народа, что евразийцы не придали ему особого значения. На наш же взгляд, евразийская проблема в том виде, как он возникла в результате европейской колонизации стран Азии, является одним из источников евразийского учения.

Актуализация социально-гуманистического измерения евразийской проблемы позволяет выявить философские предпосылки российского евразийства.

Напомним, что именно брачные союзы символизировали единство Европы и Азии. «Сладостно было бы мне сказать: о неразумный варвар Ксеркс, тщетно трудившийся над сооружением моста через Геллеспонт, вот как соединяют Азию с Европой мудрые цари – не бревнами, не плотами, не бездушными и бесчувственными связями, а связывающими племена узами честной любви, законных браков и общностью потомства» [7, с. 587], — писал древнегреческий философ Плутарх в отношении Александра Македонского, мечтавшего о едином народе «персоэллинов».

Важным представляется указание Плутарха на причастность Аристотеля к цивилизационной политике Александра Македонского. «Он не последовал совету Аристотеля обращаться с греками как предводитель, заботясь о них как о друзьях и близких, а с варварами как господин, относясь к ним как к животным или растениям, что преисполнило бы его царство войнами, бегством и тайно назревающими восстаниями, — замечал Плутарх. — Видя в себе поставленного богами всеобщего устроителя и примирителя, он применял силу оружия к тем, на кого не удавалось воздействовать словом, и сводил воедино различные племена, смешивая, как бы в некоем сосуде дружбы, жизненные уклады, обычаи, брачные отношения и, заставляя всех считать родиной вселенную, крепостью – лагерь, единоплеменными – добрых, иноплеменными – злых, различать между греком и варваром не по щиту, мечу и одежде, а видеть признак грека в доблести и признак варвара – в порочности; считать общими одежду, стол, брачные обычаи, все, получившее смешение в крови и потомстве» [7, с. 601].

Поворот в сторону Востока, признание различных народов как равноценных были новыми явлениями для того времени, ломавшими традиционные представления о культурной полноценности народов. Следуя стереотипам, Аристотель осуждал смешение эллинов с варварами, но осуждал ли он смешение вообще? В его «Политике» встречаем такое суждение: «Смешение прекрасно; а такое смешение заключается именно в середине, так как в ней находят место обе противоположности» [2, с. 505].

В противоположность Платону Аристотель видит в смешении прекрасное. В его онтологии любое отдельное сущее является сложным, многосоставным, комбинируемым из разных видов целым. Все – не просто, а сложно и смешано. Практикуя смешение, Александр

Македонский не противоречил учению Аристотеля, а, наоборот, следовал аксиологии учителя.

Таким образом, у истоков эллинизма как одной из ранних исторических формаций евразийской культуры имелись и философские истоки. В связи с этим можно сказать, что евразийство – это не только философское учение, но и способ цивилизационной самоорганизации, существующей не одно тысячелетие [8]. Точнее говоря, евразийство – это не только философское учение, но и практика – евразийская практика, ориентирующая на вполне определенные ценности, которые впервые попытался зафиксировать Плутарх.

Более того, с определенного времени – это философски обоснованная общественная практика, т.е. социально-философская практика рефлексии цивилизаций, в рамках которой осуществляется интеграция локальных цивилизаций Европы и Азии на конкретных философских началах.

Соотношение практики и теории в евразийском процессе [о понятии евразийского процесса, см.: 9] было различным в разных исторических формациях евразийской культуры. Первичной, безусловно, была практика, в ходе которой образовывались в глубинах Внутренней Евразии протоевразийские цивилизационные общности. Одной из исторических формаций здесь является индоевропейский культурный тип. Архетипы индоевропейской культуры стали объектом рефлексии в древнегреческой философии, которая, в свою очередь, стала важнейшей духовной предпосылкой эллинизма как евразийской культуры.

Российское евразийство также имело определенное прикладное значение. Его положения во многом соотносимы с практикой развития советского общества. Здесь можно назвать учения евразийцев о гарантийном государстве, государственном активе, партии-правительстве, правообязанности и др. Подобные реалии устойчиво регенерируются на всем постсоветском пространстве.

Артикуляция евразийской парадигмы обусловлена духовной ситуацией времени. К учению евразийцев можно относиться по-разному, так же как можно осуждать, или замалчивать евразийство в идейно-политическом процессе, но при этом активно и настойчиво реализовывать его рецепты на практике.

В современном мире евразийский процесс приобрел глобальный масштаб. Актуализация евразийских ценностей, консолидация евразийских сообществ, появление евразийских общественных

движений создают новую конфигурацию евразийского мира, философская рефлексия которого имеет несомненную научную актуальность и важное практическое значение.

Примечания:

1. Алексеев И. С. Деятельностная концепция познания и реальности. Новосибирск, 1997.
2. Аристотель. Политика. Сочинения в 4-х т. М., 1976. Т. 4.
3. Головин А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург, 2009.
4. Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М., 2001.
5. Каганский В.Л. Евразийская концепция пространства России // Цивилизации. Вып. 6: Россия в цивилизационной структуре Евразийского континента. М., 2004.
6. Кочнев В.И., Седловская А.Н. Европейцы в Южной Азии и образование «евразийских» групп. М., 1992.
7. Плутарх. Моралии: Сочинения. М. – Харьков, 1999.
8. Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Евразийство как социокультурный тип // Гуманитарные науки в Сибири. 2003. № 3.
9. Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Евразийский процесс: этносоциальный ракурс // Мир Евразии: история, современность, перспектива: труды 5 Междунар. Евразийского науч. форума. Астана, 2006.
10. Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Классическое евразийство: тропы и концепты // Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация. Новосибирск: Нонпарель, 2010.
11. Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997.
12. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М., 1995.
13. Флоровский Г.В. Евразийский соблазн // Мир России – Евразия: Антология. М., 1995.
14. Chan Kok Eng. The Eurasians of Malacca // Kernial S.S., Wheatley P. The Transformation of Malay Capital. Kuala Lumpur, 1983. Vol. I.
15. Edwards T. Henry Derozio, the eurasian poet, teacher, and journalist. Calcutta, 1884.
16. Hawes C.J. Poor Relations: the Making of a Eurasian Community in British India, 1773 – 1833, L., 1996.
17. Paul W. The Eurasians of Indonesia: A Problem and Challenge in Colonial History // Journal of Southeast Asian History. 1968. N. 2.
18. Taylor J.G., Sutton R.A. The Social World of Batavia: European and Eurasian in Dutch Asia. Madison, 1984.

19. Wagner T.S. Eurasians in Singapore and Malaysia [Электронный ресурс]. URL: http://www.iias.nl/iiasn/30/IIASNL30_16.pdf.

Сведения об авторах:

Попков Юрий Владимирович – доктор философских наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующий сектором этносоциальных исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, e-mail: yuripopkov@rambler.ru;

Тюгашев Евгений Александрович - кандидат философских наук, доцент Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск, e-mail: tugashev@academ.org.

Data on authors:

Popkov Yuriy Vladimirovich – doctor of philosophy science, professor, deputy director for scientific work, manager of sector of ethnosocial researches of Institute of philosophy and right of the Siberian office of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, e-mail: yuripopkov@rambler.ru ;

Tyugashev Evgenij Aleksandrovich – candidate of philosophy sciences, Assistant professor of Novosibirsk state university, e-mail: tugashev@academ.org

УДК 26:101

© А.В. Чебунин
Улан-Удэ

УЧЕНИЕ РАННЕГО БУДДИЗМА О СУЩНОСТИ И ПРИРОДЕ ЧЕЛОВЕКА

В этой статье автор описывает учение о сущности и природе человека в раннем буддизме, а также его фундаментальное значение и место в теоретической системе буддийского учения. Одновременно показана роль учения о человеке и его природе в качестве основы практики психического совершенствования.

Ключевые слова: дхарма, атаман, страдание, душа.

A.V. Chebunin
Ulan-Ude

THE TEACHING OF EARLY BUDDHISM ABOUT THE BASIS AND NATURE OF A PERSON

In this article the author describes the teaching of basis and nature of a person in early Buddhism, it is fundamental meanings and place in Buddhist theoretical system. In addition, it is showed the role of the teaching of basis and nature of a person as the base of the practice psychological cultivating.

Keywords: dharma, atman, ignorance, suffering, soul.

Учение Будды, возникнув в период острой идеологической борьбы древнеиндийского общества, отразило все достижения антропологической мысли, существовавшие на тот период. В результате буддийское учение о человеке представляло собой довольно стройную и цельную теоретическую конструкцию.

Появившись как оппозиционное официальной идеологии учение, буддизм выдвинул новый взгляд на человека и его жизнь. В противовес концепции атмана брахманизма – мировой души Брахмана, сущности мира, лежащей в основе всего и в индивидуальной душе атмана как частности, Будда выдвинул концепцию анатмана – отсутствие какой-либо души вообще. Данная концепция в рамках идеологического спора очертила и в какой-то степени обосновала положение о различии сущности и природы человека, что, несомненно, является большим достижением буддийской философии, актуальным и по настоящее время. Проведя анализ человека как явления, Будда выделил две стороны его существования. С одной стороны, это то, что лежит в основе человека, постоянная и устойчивая сторона его существования, или, говоря современным языком, сущностная сторона явления. С другой стороны, это то, чем человек предстает в своем существовании, как он проявляется в своей деятельности, или функциональная сторона явления. Буддийская философия, хотя и разграничила эти стороны существования человека, но не представила для них специальных понятий и категорий, поэтому в рамках нашего анализа нам представляется, что имеет смысл первую сторону связать с понятием «сущность человека», вторую – с понятием «природа человека».

Положение о выделении сущностной и функциональной сторон явлений выражено в мировоззренческом принципе раннего буддизма не-вечное – не-душа – страдание (*анитья – анатма – духкха*), который принимает вид трех печатей Дхармы: все действия непостоянны, все явления не имеют сущности, нирвана является полным успокоением. Три печати Дхармы по своей фундаментальности представляют ядро буддийского мировоззрения, характеризуя сущность всех явлений – отсутствие этой самой сущности, природу всех явлений – непостоянство и вечное изменение, а также конечную цель существования – нирва-

ну как полное успокоение и приращение каких-либо изменений. В таком виде три печати Дхармы представляли базовые положения, опираясь на которые и, исходя из которых, буддисты строили все свои дальнейшие теоретические умозаключения.

Положение об отсутствии неизменной сущности человека в буддийской и буддологической литературе представлено концепций «не-Я». Хотя в «Сутре о всех влечениях» (Маджджхима Никая, 2) сказано, что концепция «не-Я» также относится к «путам воззрений», именно она была направлена против самого распространенного и самого устойчивого, обыденного понимания человеческой личности как некое устойчивое и постоянное явление, которое имеет некую сущность, сохраняющуюся после смерти и переходящую после смерти человека в другие формы существования, либо сливающуюся с Абсолютом в результате достижения конечной цели религиозной практики брахманизма.

Поскольку на момент появления буддизма данная концепция личной души (атмана) и мировой души (Брахмана) абсолютно доминировала в духовной жизни древнеиндийского общества в рамках религиозного учения брахманизма на них, прежде всего, было направлено острое теоретической критики Будды. Это и обусловило выдвижение на первый план концепции «не-Я», хотя Будда сам неоднозначно относился к этой концепции и с оппонентами, имеющими серьезную теоретическую подготовку предпочитал обходить этот вопрос, а порой напрямую говорил о наличии «Я». Впоследствии, это послужило веским доказательством для Нагарджуны в его обосновании концепций «двух истин» и «пустоты», когда он говорил, что Будда учил о «не-Я», опираясь на дхармы имя (нама). Если же исходить из высшей реальности, то границы между «не-Я» и «Я» не существует.

Концепция «не-Я» как отрицание постоянной и неизменной сущности человека никоим образом не отрицала реальность самого человека, реальность его существования. Она лишь подчеркивала изменчивый характер этого существования, которое человек не способен контролировать, но которое вовлекает его в круговорот сансары, обуславливая его страдание. На теоретическом уровне семантика понятия страдание ближе к значению страдательного залога в грамматике, чем к страданию в физическом плане. Именно возможность контролировать свое изменчивое существование, которое через болезни и старость приводит к распаду и, через новое рождение, вновь приводит к болезням и старости, в большей степени волновало буддистов, а не сами физические страдания, которых в аскетической практике древней Индии было предостаточно.

Положение о «не-Я» конкретизировалось в учении о дхармах, которое было выдвинуто вместо учения об атмане. Понятие дхарма является основополагающим в буддийской философии и имеет очень широкое значение и содержание [3, с. 33-41]. По словам Ф.И. Щербатского, «понятие о дхарме – центральный пункт буддийского учения» [6, с. 169], а О.О. Розенберг приводит следующие значения термина дхарма:

- 1) качество, атрибут, сказуемое;
- 2) субстанциальный носитель, трансцендентный субстрат единичного элемента сознательной жизни;
- 3) элемент, т.е. составной элемент сознательной жизни;
- 4) нирвана, т.е. «дарма» *par excellence*, объект учения Будды;
- 5) абсолютное; истинно-реальное и т.п.;
- 6) учение, религия Будды;
- 7) вещь, предмет, объект, явление [4, с. 99-100].

Абстрактный характер категории дхарма обусловил использование её в различных ситуациях и контекстах, где она могла иметь неоднозначное содержание. В контексте же основы существования человека О.О. Розенберг даёт следующее определение дхарм: дхармами «называются истинно-сущие, трансцендентные, непознаваемые носители-субстраты тех элементов, на которые разлагается поток сознания со своим содержанием», при этом «каждый элемент рассматривается как признак своего носителя» [4, с. 99-100].

Другими словами, человек представляет собой непрерывный поток психических состояний, где дхарма выступает элементом этого потока. В этом психическом потоке одно состояние является причиной другого состояния, одно состояние обуславливает другое, и невозможно обнаружить конечной реальности этого потока, кроме самого, каждый миг меняющегося потока дхарм, существование которых длится лишь краткий миг. Это и послужило поводом для отрицания неизменной конечной сущности человека и появления концепции «не-Я».

Логика концепции «не-Я» была обусловлена пониманием человека как не вечного, постоянно меняющегося существа, тело которого представляет собой лишь собрание его составных частей. Это определяло негативный подход к телу как источнику страданий. Подобный негативный взгляд отражен во многих текстах, и как яркий образец можно привести цитату из «Дхаммапады»: «Взгляни на сей изукрашенный образ, на тело, полное изъянов, составленное из частей, болезненное, исполненное многих мыслей, в которых нет ни определенности, ни постоянства» [2, с. 147]. И далее: «Изношено это тело, гнездо болезней,

бренное; эта гнилостная груда разлагается, ибо жизнь имеет концом – смерть» [2, с. 148].

Подобное негативное отношение имело, прежде всего, психологическое значение и подразумевало воздержанность в своих чувствах и никоим образом не подавление своих жизненных функций, которое практиковалось во многих аскетических направлениях Древней Индии.

Данное положение было объявлено Буддой уже на самой первой проповеди в виде знаменитого срединного пути, отрицающего, с одной стороны, чувственные удовольствия, с другой – аскетическое изнурение: «Есть ... две крайности, в которые пусть не вдается подвижник. ... Одна – это склонность к чувственным удовольствиям по отношению к чувственным объектам: низкая, пошлая, обывательская, невежественная, не приносящая пользы. Другая – это склонность себя изнурять, тяжкая, невежественная, не приносящая пользы. Но, ни к той, ни к другой крайности не клонится срединный путь, что до конца постигнут Татхагатой; видение дарующий, знание дарующий, к умиротворению, к постижению, к пробуждению, к Освобождению ведет» [5].

Поскольку основная направленность буддийской проповеди была в отношении обывателя, обычного человека, склонного к стихийной чувственной жизни, то подобное негативное отношение к своему телу доминировало в буддийском учении. Соответственно, в отношении аскетов Будда приводил другие доводы и предостерегал от чрезмерного подавления жизненных функций организма, подчеркивая первостепенное значение психического совершенствования: «Ни хождение нагим, ни спутанные волосы, ни грязь, ни пост, ни лежание на сырой земле, ни пыль и слякоть, ни сиденье на корточках не очистят смертного, не победившего сомнений» [2, с. 141].

Доказательством концепции «не-Я» служил примитивный структурализм, прекрасно представленный в «Вопросах Милинды». Когда царь Милинда спросил монаха Нагасену, что собой представляет Нагасена, тот ответил, что Нагасена это лишь название, но нет никакой личности, которая могла бы представлять устойчивое явление. И привел в качестве примера колесницу, в которой ни одна из составных частей (дышло, колесо, ось, кузов и т.д.) не могла представлять сущностную сторону колесницы [1, с. 81-82]. Логика подобного примитивного структурализма состояла в следующем: сущность явления представляет собой единую, неделимую и неизменяемую часть явления, в которой выражены все свойства этого явления, а каждая структурная часть явления представляет собой самостоятельное явление, в котором, в свою очередь, могут быть выделены свои части, и так до бесконечности. В ре-

зультате отсутствия сущности явления, ни о каком явлении не может быть и речи. Соответственно, нет сущности - нет явления. Поэтому ни колесница, ни сам Нагасена, не представляют собой какого-либо явления, а выступают лишь условными названиями собранных вместе в первом случае частей, во втором случае так называемых груд:

«Как говорят "колесница" о собранных вместе частях,

Так все назовут существом то, что всего только груды» [1, с. 81-82].

Груда в буддологической литературе именуется изначальным санскритским термином скандха и означает группу дхарм, сгруппированных по определенному признаку. Всего выделяют 5 скандх, но поскольку в буддологической литературе их название на русском языке варьируется, мы приведем наиболее часто встречаемые:

1. Чувственное, материальное (рупа). Это дхармы нашего тела, состоящего из четырех великих элементов – земли, воды, огня и ветра. В различных направлениях буддизма имеется различная классификация этих дхарм. Остальные 4 скандхи относятся к сознанию:

2. Ощущение, чувства (ведана).

3. Представление, восприятие (санджня).

4. Волевые акты, умственные конструкции (санскара).

5. Осознание, сознание (виджняна).

Данная классификация дхарм охватывает абсолютно все явления внешнего и внутреннего мира человека и отражает наиболее простую структуру жизнедеятельности человека. Иначе говоря, классификация по скандхам описывает уровни функционирования личности. Основная характеристика этих групп дхарм – это их непостоянство, которое соотносится с состоянием страдания. Как уже упоминалось, непостоянство, постоянное изменение, в буддийском понимании соотносится с состоянием страдания, поэтому сущность человека также соотносится с непостоянством, с постоянным изменением, «течением» дхарм, что и обуславливает страдание человека.

Наряду с классификацией дхарм по 5 скандхам имеется классификация по 12 аятанам и 18 дхату, которые составляют 3 части классификации дхарм.

Классификация дхарм по 12 аятанам (базам, воротам, опор сознания) описывает дхармы в плоскости основы функционирования сознания. Сюда входят 6 органов восприятия и 6 объектов восприятия: зрение (глаза) – цветоформа, слух (уши) – звук, обоняние (нос) – запах, язык – вкус, осязание (тело) – осязаемое, ум – дхармы.

Классификация дхарм по 18 дхату (элементам, частям) описывает дхармы в плоскости функционирования сознания. Сюда входят 12 ая-

тан, а также осознание восприятия: осознание видимого, осознание слышимого, осознание запаха, осознание вкуса, осознание осязаемого и осознание дхарм.

Помимо вышеперечисленных классификаций дхармы подразделялись на обусловленные и необусловленные. Также существовали другие классификации дхарм, которые в различных направлениях буддизма часто имели различные характеристики. Варьируется и количество приводимых дхарм. Наиболее известная и распространенная характеристика дхарм, а также их определение приводятся по «Энциклопедии Абхидхармы» Васубандху, который дал их развернутое описание и классификацию, а именно на него опирается большинство исследователей буддизма при анализе учения о дхармах.

Таким образом, в учении о сущности человека буддизм поднял и обосновал концепцию «не-Я», подразумевающую отсутствие какой-либо постоянной сущности человека и личности, что являлось общим не только для всех людей, но и для всех живых существ в целом. Человек представляет собой поток психических состояний, элементом которого предстает дхарма. Классификационные списки этих дхарм и их различные вариации позволяли более детально анализировать содержание и состояние сознания, проявлением чего выступало состояние страдания. Обусловливающее состояние страдания, содержание и состояние сознания соотносилось с природой человека, изменение которой и приводило к состоянию полного просветления, так называемого избавления от страданий.

Природа обычного человека как проявление потока дхарм обусловлена неведением – непониманием и незнанием своей сущности, своей природы и цели своего существования. Именно неведение определяет всю жизнь обычного человека, все его стремления и деяния. И эта жизнь обычного человека развертывается в вышеупомянутой цепи причинно-зависимого происхождения, которая подразделяется на четыре фазы – прошлая причина (неведение, стремления и деяния прошлой жизни), нынешний плод (сознание, имя и форма, шесть чувств, соприкосновение и ощущение), нынешняя причина (жажда, привязанность и существование) и будущий плод (рождение, старость и смерть).

Неведение является безначальным. Наше существование, обусловленное неведением, также является безначальным. Таким образом, закон причинно-зависимого происхождения в контексте получился тесно связанным с основными понятиями буддизма – кармы и сансары.

Концепция кармы являлась одной из основополагающей в индийской культуре и широко использовалась брахманизмом. В буддизме

само понятие кармы имеет двоякий смысл. Во-первых, это вся наша физическая и духовная деятельность, которая подразделяется на телесные действия, речь и мысли. Во-вторых, это воздаяние как результат всей нашей деятельности. По этой концепции кармы условия нынешней жизни детерминированы деятельностью в предыдущих жизнях и, в свою очередь, деятельность в этой жизни обуславливает существование в последующих жизнях. Отрицая понятие души, ранний буддизм объяснял концепцию кармы тем, что комбинация дхарм в момент смерти определяет комбинацию дхарм человека в момент его зачатия. Это подобно тому, как огонь гаснущей свечи зажигает новую свечу: «то образно-знаковое, что кончается со смертью, – это одно, то образно-знаковое, что вновь воплощается, – это другое, но второе получилось именно из первого» [1, с. 95].

В результате поток дхарм, не прерываясь ни на миг «течёт» от одной жизни к другой. Этот круговорот жизни и смерти, смерти и жизни и получил название сансара. Наша обычная жизнь, обусловленная законом причинно-следственного происхождения, полностью находится в круговороте сансары. Это определило отождествление сансары и обычной жизни.

Неведение является базовой причиной существования и страдания человека, и оно, в свою очередь, через ряд звеньев цепи причинно-зависимого происхождения обуславливает жажду, нынешнюю причину нашего существования и страдания. Иначе говоря, существование и страдание человека имеет двойную причину – неведение и жажду, где неведение является обуславливающей причиной. Поэтому, чтобы встать на путь совершенствования и действительно обуздать жажду, необходимо, прежде всего, уничтожить неведение.

Результатом неведения для человека является то, что абсолютно доминирующими в природе человека выступают обусловленные дхармы, которые обусловлены предыдущей причиной, зависимы и загрязнены ею и проявляют собой закон кармы. Данное загрязнение подразумевало в первую очередь чувственную обусловленность этих дхарм, которые «загрязняют» природу человека, представляющей собой проявление этих обусловленных дхарм. Другими словами, именно обусловленность дхарм и является главным препятствием для освобождения от страдания, и эта обусловленность отождествлялась с омраченной природой человека, понимаемой как омрачение сознания (клеша).

Таким образом, природа обычного человека описывалась в буддизме через понятие омрачение как проявление потока обусловленных дхарм, причиной которого выступали неведение и жажда. Характеристика ом-

рачения в различных направлениях буддизма различается, но обычно омрачение характеризуют 3 яда: алчность, гнев и невежество, которые наряду с гордыней, сомнением [в Дхарме] к ложными взглядами составляют 6 базовых омрачений.

Анализируя характеристику омрачения, можно сказать, что оно является внутренним и определяющим аспектом страдания. В «Нидана сутре» (Ангуттара Никая, 3-34) сказано, что алчность, гнев и невежество выступают причиной деяний, что подразумевает активность омрачения, его определяющий момент в страдании человека. Здесь нужно констатировать, что, как и все крупные религиозно-философские системы, буддизм крайне туманно очерчивает взаимосвязь своих основных понятий и категорий, не четко определяет их границы взаимодействия, что в определенной степени предоставляет этой системе огромные потенции теоретического развития. В частности, алчность выступает одной из ведущих и базовых сторон омрачения, и в то же время страсть алчности выступает основной причиной страдания, что обусловило понимание страдания как результата омрачения. Соответственно, омрачение (клеши) в определенной степени соотносилось с неведением (авидья) и жаждой (тришна), как явными причинами страдания. Все это придавало теоретической системе большую гибкость и позволяло спокойно использовать различные понятия в различных контекстах и нюансах, что обуславливало, с одной стороны, расширение семантики этих понятий, а с другой – привносило большой субъективизм в восприятие буддийских текстов. А это, в свою очередь, определяло широкие возможности развития буддийского учения.

Таким образом, страдание являлось проявлением омрачения, в основе которого лежит поток обусловленных дхарм. Чувственная «загрязненность» этих дхарм не позволяет человеку правильно и адекватно познать истинный образ мира, который вслед за изменением чувственного состояния также менял свой образ. Заслуга буддизма заключается в том, что он обосновал психологические законы зависимости восприятия от внутреннего содержания человека – при различных настроениях, имея различные чувства, мы воспринимаем внешние объекты совершенно по-разному: то, что при обычном состоянии никак нас не волнует, при определенных состояниях может нас радовать или раздражать. При этом, чем более «загрязнена» природа человека, тем более изменчивым предстает ему внешний мир и тем более он подвержен страданию.

Соответственно, если сущность всех людей едина, то их природа значительно различается в зависимости от степени омрачения. Мини-

мальная степень омрачения, характеризующаяся отсутствием трех ядов – алчности, гнева и невежества, соотносится в буддизме с понятием благой корень, который понимается как благоприятная для просветления основа природы человека. Эта благоприятная основа, прежде всего, подразумевала чистоту сознания, не загрязненного чувственной обусловленностью, а впоследствии, по мере развития теории и практики буддизма, и привязанностью к рациональным конструкциям. Но на этапе раннего буддизма основное внимание уделялось именно эмоциональной и чувственной чистоте сознания, которая позволяла наиболее адекватно воспринять буддийские истины, направленные в первую очередь на анти-чувственную обусловленность, и продолжать очищать свое сознание для достижения полного просветления, соотносимого с абсолютной чистотой сознания. В результате, основной характеристикой природы человека в буддизме изначально была её чистота, или загрязнение, которое соотносилось с омрачением [8, с. 229].

Поэтому в соответствии с различием омрачения у различных людей различается и степень восприимчивости к истинам буддийского учения. Более того, именно эта степень восприимчивости истин буддийского учения являлась самым первым показателем чистоты благого корня, понимаемой как чистота сознания. В различных направлениях буддизма существовало множество различных классификаций степеней омрачения и возможности восприятия просветления и спасения.

Высшую ступень человеческого существования занимает Будда, который появляется крайне редко и может существовать в мире в определенный промежуток времени только один. Другими словами, невозможно существование в мире двух Будд одновременно. Время и периоды появления Будды вызывают многочисленные споры среди буддистов. Будда Шакьямуни пришел из божественной формы существования в наш мир через 550 перерождений. Если считать период одного перерождения примерно в 100 лет, то следующего Будду Майтрею буддисты ждут примерно через 5 тысяч лет после появления Будды Шакьямуни.

Затем следуют различные бодхисаттвы. Часть из них достигает просветления в этой жизни, и, впоследствии, отказавшись от нирваны, они помогают другим людям достичь просветления, а часть перерождается в этом мире из других миров специально, для помощи другим в просветлении.

Далее, по возможности обретения полного просветления следуют уже обычные люди, которые в зависимости от своей степени омрачения, или, другими словами, чистоты своего благого корня, следуя по-

столатам буддийского учения, продолжают очищать свое сознание в первую очередь от чувственных желаний и рано или поздно достигают освобождения от страдания. В раннем буддизме подчеркивалось, что данное очищение своего сознания может занять не одну жизнь, что вполне естественно воспринималось индусами, привыкшими оперировать категорией кармы. Поэтому и благородный восьмеричный путь подразумевал совершенствование не одну жизнь, а несколько.

Поскольку природа обычных людей значительно подразделялась, то внизу человеческой иерархии по возможности спасения находились люди с тупым корнем. Тупой корень подразумевал не столько глупость и неразвитость сознания, сколько большую чувственную и эмоциональную обусловленность сознания, которая не давала им возможности вырваться из тисков чувственной жизни. Широко известен пример, когда один из учеников Будды не мог выучить ни одного стиха (гатхи), содержащего поучения. Тем не менее, поняв и выучив с помощью Будды одно единственное положение, он достиг определенной ступени просветления [2, с. 100-102]. В то же время, среди оппонентов Будды было достаточно умных и образованных людей, которые не воспринимали учение Будды и продолжали вести чувственную жизнь.

Для таких людей с тупым корнем Будда использовал различные методы и средства поучения, которые соответствовали бы их уровню восприятия и могли обратить их на путь совершенствования. Самая первая проповедь Будды, знаменитая проповедь запуска колеса Дхармы, была направлена на пятерых спутников Шакьямуни, которые имели достаточно теоретическую и практическую подготовку. Но она осталась непонятой остальными, что заставило Будду несколько изменить стиль и форму изложения. Эти различные методы и средства поучения (упайя) приобрели в буддизме первостепенное значение для развития его теоретического и практического содержания.

И, наконец, в самом низу человеческой иерархии находились закоренелые грешники (иччхантика), которые настолько погрязли в чувственных удовольствиях и грешной жизни, что не способны никаким образом воспринять буддийское учение и стать на путь избавления от страданий. Среди буддистов не было однозначного мнения о возможности их просветления в последующих жизнях. В раннем буддизме, как правило, считалось, что эти люди прервали свой благой корень и им невозможно достичь просветления. Но по мере развития теории буддизма, касающейся природы человека, появились концепции, что по истечении многих и многих перерождений их корень может каким-то образом созреть для восприятия буддийского учения, и они смогут

стать на путь совершенствования. Но в этой жизни им однозначно отказывали в самой малейшей возможности просветления, поскольку их сознание настолько загрязнено, что оно просто не способно воспринять никакие доводы, направленные на искоренение чувственной жизни.

Таким образом, в учении о природе человека ранний буддизм достаточно обоснованно высказывался о её многообразных проявлениях, начиная с Будд и заканчивая закоренелыми грешниками (иччхантниками). В основе различия природы различных людей как проявления потока обусловленных дхарм лежала степень омрачения, понимаемая как степень чувственной и эмоциональной обусловленности сознания. Не ум и не знания, не какое-либо мастерство в какой-либо отрасли являлись показателем высоких личностных качеств его обладателя. Единственным показателем чистоты природы человека являлась чистота его сознания от чувственной обусловленности, определяемая в первую очередь степенью восприимчивости к буддийскому учению. Такая дифференциация природы человека позволила буддизму применять различные методы и средства для проповеднической деятельности, что обусловило развитие буддийского учения во всевозможных направлениях. В свою очередь, это позволило буддизму, с одной стороны, расширить свою социальную базу, а с другой – непрерывно развивать свое теоретическое и практическое содержание.

Примечания:

1. Вопросы Милинды (Милиндапаньха) // Вопросы Милинды / пер.: А.В. Парибка. М.: Наука, 1989.
2. Дхаммапада : пер. с пали, введ. и коммент.: В.Н. Топоров. Самара: Агни, 1998.
3. Классическая буддийская философия / В.И. Рудой, Е.П. Островская, Т.В. Ермакова. СПб.: Лань, 1999.
4. Розенберг О.О. Труды по буддизму. М: Наука, 1991.
5. Сутра запуска колеса проповеди // Вопросы Милинды / пер.: А.В. Парибка. М.: Наука, 1989. Также см.: Сутра запуска колеса дхаммы (Дхамма-чакка-паваттана-сутта) // Буддийские тексты из палийского канона.
6. Щербатской Ф.И. Избранные труды по буддизму. М.: Наука, 1988.
7. Янгутов Л.Е. Единство, тождество и гармония в философии китайского буддизма. Новосибирск: Наука.
8. Фан Литянь. Основной смысл философии китайского буддизма. Пекин, 2002.

Сведения об авторе:

Чебунин Александр Васильевич – доктор философских наук, доцент кафедры философии ВСГАКИ, г. Улан-Удэ, e-mail: chebunin1@mail.ru;

Data on author:

Chebunin Alexander Vasil'evich – doctor of philosophy science, associate professor of philosophy department of VSGAKI, Ulan-Ude, e-mail: chebunin1@mail.ru.

УДК 111.81-116(330.342.11)

© О.К. Кошмилло
Санкт-Петербург

**ФИЛОСОФСКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
СИМВОЛИЗАЦИИ КОСМОСА В АНТИЧНОМ РИТУАЛЕ
И ДОСОКРАТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ:
ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

В статье в рамках онтологической аналитики Мартина Хайдеггера рассматривается проблема космоцентричного основания фундаментального для экономики баланса спроса и предложения в обстоятельствах ритуальной экономики эпохи античности. В отличие от замкнутости баланса спроса и предложения новоевропейской экономики на автономном субъекте, античная экономика фундирует основание этого баланса в самой природе. Такой взгляд будет интересен специалистам в области философии экономики и философии архаичной культуры.

Ключевые слова: космос, сакральное, жертвоприношение, обмен, символ, метафора, метонимия, бытие, мышление, баланс, спрос, предложение.

O.K.Koshmilo
Saint-Petersburg

**PHILOSOPHIC-ECONOMICAL ASPECTS SYMBOLISATION
OF SPACE IN ANTIQUE RITUAL
AND DOSOKRATIC PHILOSOPHY: THE ONTOLOGIC ANALYSIS**

In article within the limits of Martin Heidegger's ontological analytics the problem a kosmocentric bases of balance of supply and demand fundamental to economy in circumstances of ritual economy of an epoch of antiquity is considered. Unlike isolation of balance of supply and demand of

Кошмилло О.К. Философско-экономические аспекты символизации космоса в античном ритуале и досократической философии: онтологический анализ

the new European economy on the independent subject, the antique economy funds the basis of this balance in the nature. Such sight will be interesting to experts in the field of philosophy of economy and philosophy of archaic culture.

Keywords: space, sacral, sacrifice, an exchange, a symbol, a metaphor, a metonymy, life, thinking, balance, demand, the offer.

Онтологический анализ в рамках подхода Мартина Хайдеггера предполагает раскрытие феноменов человеческого присутствия в отношении трансцендентного порядка бытия как *мира* в горизонте его историчности [11, с. 38]. Это раскрытие может относиться не только к мышлению как особому модусу экзистирования, но и, в том числе, к практике хозяйствования и различным формам экономических отношений, в которых человеческое существование имеет практическое выражение. В той мере, в какой инициируемый Хайдеггером онтологический анализ полагает принцип историчности мышления, такая историчность определяет эпохальные формы баланса спроса и предложения как фундаментального основания экономики. Представляется, что в отличие от капиталистической экономики Нового времени с замкнутостью баланса спроса и предложения на автономном субъекте, космоцентричная экономика эпохи античности с самого начала фундируется в самой природе, содержащей баланс спроса и предложения в качестве своей сути.

Космономика. В космоцентричной экономике мира баланс спроса и предложения естественным образом приписывается самой природе в качестве *фύσις*, что осмысливается как космическая универсальность всего «происходяще-растущего» [11, с. 30-31] (и весьма отличается от того, что в настоящее время бухгалтерски исчисляется в качестве совокупности природных ресурсов). Понимаемая преимущественно, как живой организм, природа содержит баланс в качестве своей сути. Неся в себе саму эту гармонию, природный космос (*κοσμος* - (др.-греч.) «гармония», «порядок», «равновесие») самопроизвольно осуществляет стихийное распределение своего прибытия и убытия. Здесь «вещи развиваются и разрушаются вновь», являя «некий род плодосеменного хозяйства в равнопребывающем домострое природы» [11, с. 34-35]. В этот порядок встроены человеческие практики производства и потребления.

Доминирование природы делает язычника полностью зависимым от естественных обстоятельств, которые наполняют тепло и свет огненного солнца, необходимый для дыхания воздух, пригодная для питья вода

и земля с растительностью и существами, питающими человека и определяющими собирательно-добывающий способ экономики [2, с. 121].

Гармоничная слаженность этих стихий образует наличный горизонт естественного природного предложения, по отношению к которому человек предстает носителем потребительского спроса.

В языческой архаике космос воспринимается как живое существо, более того, как человеческое тело, и, по преимуществу, как женское тело матери [6, с. 51; 7, с. 5]. В свете метафоры природы как матери человек является нуждающимся беспомощным ребенком [13, с. 65]. Этой беспомощности и зависимости отвечают феномены обожествления природы в качестве источника защиты и помощи и культивирования её одушевленности в образе Великой матери как верховном хтоническом божестве. Семейно-родовая метафора отношения «мать → ребенок», воплощаясь на социально-культурном уровне в горизонтальных связях первичного матриархата, дублируется экономической системой «природное предложение → человеческий спрос». В этой системе потребление человека определяется производительностью самой природы, а сама природа выступает глобальным и, по сути, головным экономическим предприятием со своим божественным менеджментом. Принцип доминирования природного предложения над человеческим спросом обуславливает то, что еще долгое время «в античном обществе сохранялись рецидивы архаической психологии, основанной на отношении к земле как к сакральному объекту» [5, с. 12].

Переход представлений о мире от матриархального синкретизма к политеистической патриархальности, совпадая с трансформацией пассивно-собирательной экономики в активно-аграрную, порождает сложную систему мифологических отношений между хтоническими (материнскими) и солярными (отцовскими) богами [14, с. 308-309]. Божественные имена языка мифологии имеют самые разные источники. Одни боги культивируются из обожествления родоначальников и предков, другие – персонифицируют всемогущие стихии, обращающиеся иногда в стихийные бедствия, третьи – покровители различных социально-экономических практик [6, с. 51]. Среди форм хозяйствования в примитивной аграрной экономике различаются растениеводство и животноводство, дифференцируя оседлый и кочевой образ жизни [4, с. 487-489].

Экономика жертвоприношения. Ключевым институтом, регулирующим отношения между людьми и богами, является ритуал жертвоприношения [8]. Сакрально жертвоприношение представляет совместную трапезу с участием богов и людей. [9, с. 274-275], как пишет

К. Хюбнер, «жертвенный пир, теокселия, где гостит бог, представляет собой сердце мифологического культа» [13, с. 174]. В социальном плане сакрально-экстатическое употребление ритуальной жертвы выполняет важную функцию по интеграции языческой общины, которая организуется здесь как, прежде всего, «застольная общность» [13, с. 175]. Особая роль в ритуале отводится жрецу, в чьей священной компетенции – знание укрываемых от немилосердной профанации тайных рецептов и приготовление жертвенной жратвы. В примиряющем сотрапезников застолье происходит обмен, в котором производится первичный экономический символ. Виктимный ритуал замыкает в циклообмен вектор восхождения самого жертвоприношения от людей к богам и нисходящий вектор вручения со стороны богов высшей санкции, разрешительного права на потребление людьми этого же объекта жертвоприношения.

По причине своей неземной природы боги принимают жертву не как нечто вещественное, но в качестве её эфемерной сущности – в виде вздымающегося к небу пара, аромата, дыма, например, мяса, который, как считается, клубится в божественных ноздрях. Приносимая в жертву вещь, соединяясь своим запахом-духом по вертикали легкотения с богами, наполняется новым, сакральным значением и становится телом божества, оставаясь своей вещественной частью при человеке. После приношения богам жертва возвращается самому жертвующему. То есть, язычник приносит в жертву вещь земли, чтобы она, побывав на божественных небесах, обрелась вновь, но уже в качестве символа, с заключенной в него сакральной ценностью (рис. 1).

В итоге жертвоприношение представляет собой возвращающее обращение, собственно, оборот, и траектория этого оборота замыкает в круг три важнейших момента последовательного перехода: земная вещь – сакральное значение – виктимный символ. В символе происходит синтез земной вещи и священного значения, воплощается баланс земной потребности людей и небесной воли богов, и в итоге тождество неба и земли. Виктимный символ являет съедобное тело божества, одновременно укрывая в своих непроницаемых глубинах сакральный источник отождествления человеческой земли и божественного неба. На языке экономики это означает, что объект жертвоприношения – это первичный баланс человеческого спроса и предложения со стороны сакральной инстанции. Основное значение здесь имеет то, что этот символ имеет вещественный, материальный характер, претворяясь в конкретном куске мяса, хлеба, чаше с вином.

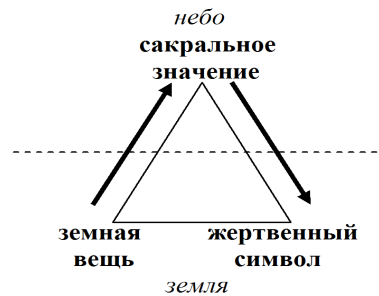

Рис. 1. Траектория оборота вещи в жертвенный символ

В целом, можно сказать, что ритуальный обмен замыкает и несет в себе исток первых экономических отношений, и, таким образом, архаичная экономика (а вместе с ней и вся остальная) возникает из ритуала. И, прежде чем, люди начали обмениваться друг с другом, они вступили в торг с богами в требовании божественных полномочий и достатка. Миф о Прометее – это, в том числе, миф об экономическом человеке, жаждущего сравниться с богами и по части экономического благополучия, достигающего его благодаря огню, но обязанного расплачиваться с ними страданием труда.

Метафорический спрос и метонимическое предложение в системе жертвенного торга. Структурно единый цикл жертвенного торга составляют два полупериода – восходящий и нисходящий. Восхождение наглядно в воспарении дыма, аромата сжигаемой вещи, когда жертвенный огонь отвлекает от вещи образ в виде аромата, что естественным способом левитации переносится к богам. Возвышение сжимающего, конденсирующего, воображающего вещь аромата к небесам образует вертикальную ось, соединяющую вещи земли и богов небес. Сгущение выделяемого из вещи жертвенным огнем экстракта, фимиама и вознесение сжигаемой вещи в её небесный образ – это данная зримо метафора. То есть, в своей виктимной изначальности метафора – это ход (троп) образования сакрального, идеального значения вещи. В системе жертвенного торга метафорическое воспарение вещи в небесное значение представляет спрос как тенденцию умозрительной идеализации священного значения-ценности и экономической цены вещи.

Обратное нисхождение вещи из небесного образа в наполненный сакральным значением символ являет горизонтальный троп метонимии. Но метонимический ход ритуального обмена возвращает уже не первоначальную вещь. В метонимии запечатлевается и удерживается поля-

ризованность самой вещи и прибавки её сакрального значения. Отделив от обожествленной вещи её духовную меру, метонимия претворяет её материальную и съедобную часть, предназначенную людям, и эта часть замещает всю обожествленную, вознесенную на небеса вещь в её идеальной, сакральной целостности – «часть вместо целого». То есть, метонимизация обращает объект жертвоприношения в символ, обладающий ритуально-потребительский ценностью, иначе говоря, превращает его в фетиш и предмет потребления. Экономический принцип баланса как соответствия идеального значения и реального знака позволяет представить метафорическое образование идеального значения (ценности, цены) как вектор задающего и конденсирующего ценность спроса, а метонимическую символизацию вещи в предмет (товар) ритуального потребления – как вектор предложения, полагающего реальный конечный продукт потребления.

Дополняя друг друга, вертикаль метафоризации священного значения и горизонталь метонимизации жертвенного объекта, осуществляя в своём пересечении жертвоприношение вещи, производят её переименование и переназначение, итогом которых становится поляризованность космической вещи по противоположным – небесному и земному – полюсам. Собственно, напряжение между ними заряжает всё силовое поле священнодействия, ритуального торжища, нацеливая его на балансировку этих пришедших в грозное противостояние крайностей в жертвенном символе. После приготовления жертвенного символа дело доходит до потребления как четвертого и заключительного этапа всего ритуального цикла. На этом долгожданном и вожаемом этапе язычник, поедая кусок мяса или выпивая чашу с вином, непосредственно включает в себя сакральное тело божества, преисполняясь священной, «нуминозной» энергией [13, с. 175], и снимая едва выносимое напряжение между метафорическим сгущением сакрального значения и метонимической смещением вещи в жертвенный объект.

Со временем на месте съедобных вещей в пределах жертвенного алтаря появляются вещи несъедобные, но обладающие прочностью и возможностью длительного использования – камни, ороговевшие части животных, кости и т.д. Они обращаются в священные амулеты, талисманы, обереги, идошки. Как пишет Ю.В. Базулин, «за некоторыми предметами осознанно закреплялся определенный сакральный смысл, им придавались символические свойства. Так, например, по представлению практически всех народов, находящихся на стадии охотничьего общества, души зверей и птиц находятся у них в кончике носа, шерсти, зубах, когтях, перьях. Поэтому сохранение этих частей равносильно

обладанию душами животных, а, следовательно, и самими животными. Таким образом, эти частицы тела являются символами промысловой удачи, правами собственности на все тело. В сознании людей формировалось суждение, что эти перья, зубы, клыки и т.д. есть заместители реальных животных. Владелец этих символов имеет полное право на реальное богатство» [1, с. 86]. И когда-нибудь в силовом поле сакрального напряжения оказываются металлические пластины, например, из золота, серебра или бронзы, что обладают к тому же чудесным блеском, метонимически схожего со светом, льющегося с небес, – «сквозь все изъяны блеск богатства отражает сияние солнца» [2, с. 155]. Знаки исходящего от богов богатства изначально насыщены сакральным значением, и, будучи максимально износостойкими, уже в виде монет получают, например, характер средства товарно-денежного обмена и обращения.

Анаксимандр: мир как торг и тяжба вещей. Много позже философия, начавшаяся с удивленного вопрошания о началах сущего, о том, «что есть всё?», устами досократиков – представителей милетской школы фюсиологии Фалеса, Анаксимена – высказывает имя бытия в качестве одной из наличных стихий. Философское вопрошание досократиков с самого начала нацелено на возникшую еще в ритуале балансировку бытийного священного «одного» и наличного земного многообразия «всего». Другой милетец, Анаксимандр, полагая, что не может изменчивая стихия быть неизменным вечным началом мира в силу своей конечности, продумывает в качестве *ἄρχη* (правлящего начала) бесконечный и безначальный *αἰετρον*, которому как раз все наличные стихии обязаны своим происхождением [12, с. 30]. Из этого безначального начала вещи, как части стихий, исходят и снова в него возвращаются: «...из каких начал вещам рождение, в те же самые и гибель совершается по роковой задолженности, ибо они выплачивают друг другу законное возмещение ущерба в назначенный срок времени» [10, с. 120].

Мартин Хайдеггер в работе «Изречение Анаксимандра» тщательно подбирает слова для перевода многозначного словосочетания *κατὰ τὸ χρεὼν* из высказывания досократика, и, отказываясь от традиционного перевода – «по роковой задолженности», «по необходимости», «согласно закону» – описывает особенность отношения между бытием и вещами. Эти отношения представляют определенную драму, в которой сначала существование *вручается* вещам (как вручается, например, власть) и в течение определенного срока обязанные доверием этого вручения вещи несут существование, а под конец происходит взыскание по итогам данного несения. Порядок взыскания означает то, что

нечто спрашивается, то есть подлжит спросу. Спрос (как и вопрос) всегда имеет характер отрицания. Отрицательный характер спрашивания, требования, в частности, фиксируется в порядке получения разрешения на уход, выведения себя из присутствия как отпрашивания.

Отношение внутри этой пары вручения и взыскания Хайдеггер именует словом употребление: «...употреблять, употребление означают: что-то вручать его собственному существу и взыскательно удерживать это в руке как таким образом присутствующее» [12, с. 64]. Бытие как Апейрон Анаксимандра дает, предлагает вещам существовать, а потом само же задает вопрос, спрашивает с них это существование. Переходность между предложением и спросом устанавливается изначальным балансом, равновесием полагающего предложения и отрицающего спроса. В этом случае словосочетание *ката то хреων* соответствует переводу согласно изначальной равновесию. Местом такого равновесия и оказывается Апейрон. То есть, Апейрон – это бытийное место непрерывного смыкания и размыкания единого круга бытия на вектор производства, и вектор ис-требления (по-требления) вещей. При этом бытие по рангу не только первый производитель, но, что, не менее важно, оно и первый потребитель вещей. Тем самым, Апейрон – это онтологическое событие изначального равновесия производящего предложения и истребляющего спроса. В соответствии со сказанным всё изречение Анаксимандра звучит так: «Откуда вещи (самим себе) предлагаются, туда же они и спрашиваются, согласно изначальной равновесию, ибо вынуждаемые (в своей обособленности) взаимными платежными обязательствами вещи ограничивают друг друга порядком скоротечности существования (расплачиваясь в итоге собой)».

Основа анаксимандровской экономики космоса, онтономики выявляется в том, что относительно беспредельной точки Апейрона различается вертикаль времени и горизонт пространства. Составляющая вертикаль времени оппозиция возникновение/уничтожение, образуя внутреннее и последовательное различие рождения (*γενεσις*) и кончины (*φθωρα*) единичной вещи, проявляется во внешней и одновременной различенности всех вещей по горизонтальной плоскости пространства (см. рис.2). Диахроничность блюдущего закон времени провоцирует различенность вещей пространства, вступающих в синхронную схватку друг с другом по способу экономической конкуренции и юридической тяжбы [12, с. 35].

В единственном изречении Анаксимандра имя бытия напрямую соотносится с порядком времени, внутри которого различается неизменный, статичный, вечный Апейрон и динамичная сфера изменчивых в

своей начальности и конечности вещей. Апейрон, будучи вечным, источает длительность вещи, является основанием дуги её временного движения, полагая нисходящим прибытием и восходящим убытием вещи границы её срочного существования, её временения.

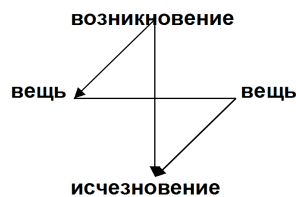

Рис. 2. Схема Анаксимандра

Вертикаль времени образована силовым напряжением между бес-смертием, смертоносным для всякого единичного, и животворной, но скоротечной бречностью. Пронизав горизонт, она вносит в него мотив противостояния вещей, их смертельного соперничества за право существования в косном настаивании на самом себе, – плата в комическом торжище вещей всегда высока и, не имея возможности откупиться (ведь у вещей нет денег!), единичная вещь расплачивается собой.

Анаксимандровский Апейрон как начало и конец срочного существования наличных вещей во времени есть их вечное и общее значение, воплощению которого они обязаны своим происхождением, и чьё развоплощение совпадает с их гибелью. Апейрон – это общий знаменатель, исходя из которого, они возникают и начинают числиться, и, приходя к которому, исчезают. В отношении ключевой пары возникновение/уничтожение бытие значимо не столько, как место источения единичных вещей, сколько как место, куда они, обобщаясь, исчезают.

Продумывая бытие как полюс мыслимого обобщения вещей, Анаксимандр отождествляет его с уничтожением вещей, прекращением существования в их единичности, то есть уничтожение различий между вещами можно понимается как простое уничтожение. Такое мышление бытия, в котором имеется неразличенность как самого собирающего мышления, так и образования общего места единого существования вещей, оказывается фазой противоположной полаганию. Преодолевающее разграниченность вещей мышление тождественно *отрицанию*, определяющему универсальный характер человеческой речи. Противоположная нисходящему горизонту наличного, динамичного и бречного существования восходящая вертикаль отрицательности мышления

стремиться к фиксации неизменной, бессмертной меры нетленности, вечности мира. Стремиться и неизбежно... промахивается в очередное лишь приблизительное имя. «Вода», «воздух», «нус», «апейрон», – непрекращающаяся череда разнообразных наименований бытия – свидетельство таких промахов. (Причина этого, по более позднему указанию исихастов, представителей мистического учения в православии, в принципиальной непроизносимости такого имени, – это имя можно услышать, но не произнести).

Несмотря на онтологические неудачи, отрицательность умозрительного обобщения, становится ключевой характеристикой человеческой теории и практики, решающей задачу балансировки зримого, реального числителя и его умозрительного, идеального знаменателя. Эта задача имеет, в том числе, и экономический характер. Апейрон как сама *неизменность* общего значения непрерывно меняющихся вещей обладает беспредельной ценностью и ценой по отношению ко всем конечным и поэтому малоценным вещам. По способу диаметрального различия этих тенденции в вертикали сгущения бессмертного бытия структурно опознается вектор собирающего, сжимающего спроса, а в горизонтали смещения единичной вещи – вектор разделяющего, расширяющего предложения.

Парменид: баланс мышления и бытия. То, что Анаксимандр мыслит как Апейрон, Парменид мыслит как Единое [12, с. 72]. Но по мысли Парменида бытие не может и не должно, одновременно источая существование, быть источником его уничтожения, быть «ничто». Поэтому вещи существуют одновременно, не возникая и не уничтожаясь, в согласности вечного $\epsilon\nu$ (Единого). В парменидовском Едином выражается пространственно-синхронная сторона существования. Поэтому оно имеет определенный вид, эйдос «каменной глыбы совершенно круглого шара» [10, с. 284], замыкающего в себя всё наличное существование стихий, явлений и вещей.

В своём высказывании Парменид называет то, что до сих пор не имело имени. Впервые единичность как свойство самого бытия становится самостоятельным именем. Теперь мышление это умозрительное собрание наличного сущего в отношении Единого. Поскольку мышление собирает сущее в единое бытие, и поскольку у мышления и существования одна цель, постольку быть и мыслить – одно и то же. Быть, значит вести наличное существование. Мыслить значит именовать бытие, утверждать имя бытия. Мысля единство имени бытия и наличного существования, Парменид мыслит их тождество. Но единство и тождество двух – разные вещи. Единство – это полнота их неразли-

чимости. Тожество – это наличие общего свойства. Тожественность – это уже нечто третье. Тожественность в высказывании «мышление есть бытие» – это то, что одновременно причастно и мышлению, и бытию. Тожественность – это мыслящий и существующий человек. И на человеке замыкаются вектор созерцания наличного существования и вектор его умозрительного собирания. Человек – это условие и место тождества бытия и мышления, основание их равенства, равновесия, сбалансированности [12, с. 73].

Парменидовская формула уравнения бытия и мышления замечательна самим принципом равновесия крайностей реальности и её мыслительного единичного образа относительно человека. В этом уравнении необходимо конституируется возможная балансировка зрительно данной вещи и задаваемого изнутри мышления образа (эйдоса) вещи, её определяющего, означающего и, так или иначе, оценивающего. В мышлении Парменида впервые возникает проблема баланса задаваемого изнутри сферы мышления спроса и данного со стороны реальности предложения. Мышление, понятое из тождества бытия и мышления, это конденсация, сгущение значения, интегрирующего горизонт вещей вокруг общего знаменателя. В этом смысле задающее значение мышление – это уже соответствующий спросу мотив формирования знаменателя, единицы измерения.

Гераклит: вечный Логос как «залог» текучих вещей. Логика балансировки мышления и бытия получает дальнейшее развитие в философии Гераклита. Его дошедшая до нас в разрозненных высказываниях философия полагает системный баланс вещей и огнеподобного «*λογος*» а, где последний по афоризму «все вещи под залог огня, как всё имущество – под залог золота» [10, с. 152] выступает космическим эквивалентом, знаменателем горизонта становящегося, текучего сущего, напрямую отсылая к золоту как инстанции товарно-денежного уравнивания интегрируемых в горизонт обмена товаров. Для экономики эта ситуация имеет первоочередное значение, поскольку «некий товар является деньгами, потому что он занимает место общего эквивалента всех товаров, а не потому что, скажем, золото «естественным образом» является деньгами...» [3, с. 416]. То есть, здесь снова можно видеть, как уже вполне сложившийся экономический порядок подсказывает мыслителю, как обстоят онтологические дела, предлагая распространить экономический образ золота на Логос. Но термин «золото» в отношении «логоса» – это только метонимия, внешнее смещение, сближающее внешний блеск золота, признаваемого всеми без исключения, и внутреннее сияние Логоса. Но сама сущность денежного эквивалента получает

свои полномочия от субстанциальной непрерывности и тотальности Логоса, что полагается в высказывании Гераклита в качестве логически всеобщей, пространственно вездесущей и темпорально непрерывной ценности, обладающей максимальной разрешающей способностью и как таковой способностью делить Всё на себя Одно («Всё – Одно») [10, с. 154]. В свете гераклитовского образа весь космос предстает как единая монета или «отлитый как попало слиток золота», который, дифференцируясь в единичных вещах, буквально разменивается по мелочам.

Таким образом, обладающий космической универсальностью Логос представляет онтологический знаменатель, который, обращая текущий мир изменчивых вещей в свой числитель, интегрирует его в системное единство космоса. Задолго до математических и экономических проекций Логос Гераклита выступил единицей онтологического измерения, чья всеобщность делает возможной Единство измеряемого, задавая диалектическую динамику единицы измерения и единства измеряемого [12, с. 52]. Эта диалектика значима не только в отношении наличного мира, но и мира экономических отношений, который центрируется единицей экономического измерения, образующего единый порядок экономической оценки и обстоятельства общего рынка.

Эмпедокл: космический баланс интегральной Филии и дифференциального Нейкоса. В своём фюсилогическом дуализме Эмпедокл собирает мир в качестве динамической системы, в которой имеется поляризация между двумя пределами Любви («филия») и Вражды («нейкос») [10, с. 166]. Под действием Любви вещи, центростремительно интегрируясь, собираются в гармоничный, сбалансированный мир, а под действием Вражды происходит центробежная дифференциация мира, когда вещи по способу идентификации замыкаются в свою обособленность. Выражаясь экономически, тенденция любовной интеграции вещей, собирая мир по вертикали метафорического сгущения, соответствует вектору конденсирующего значения спроса, а тенденция исполненной ненависти дифференциации, метонимически разделяя мир на обособленные вещи, адекватна вектору предложения.

Таким образом, от Анаксимандра до Эмпедокла историчность мышления бытия замыкается в определенную четверичную траекторию, схожую с замкнутостью схемы ритуального обмена. Сначала Анаксимандр именует бытие как Апейрон, который парадоксально удерживает в себе метафоричность убытия вещей по вертикали синхронизации и метонимичность горизонтальной диахронизации их прибытия. Парменид именует бытие в метафорическом аспекте синхронного Единого. Гераклит дает ему имя в метонимическом аспекте диахроничного Ста-

новления. В двух этих полюсах сказывается диаметрально различность мотивов интегрирующего спроса и дифференцирующего предложения. Эмпедокл, признавая равноправие двух полюсов, полагает мир, ритмично колеблющимся между статичным полюсом Любви (спросом) и динамичным полюсом Ненависти (предложения).

Рис. 3

Развернутый в экономических концепциях Нового времени от Адама Смита до Карла Маркса принцип баланса спроса и предложения, совершенно закономерно фундируя экономику, как само собой разумеющееся, замыкается на автономном субъекте и отдается на откуп случайности, «невидимости руки» механизма рыночной регуляции. Но

представленные тезисы позволяют заключить, что принцип этот онтологически залегает много глубже и вполне может быть отнесен к порядку самого бытия. Экономическая балансировка спроса и предложения, кризисно покоряющая всё современно сущее, зыбко мерцает в тумане забвения архаичных ритуалов и высказываний древних мыслителей, имея в них свой бездумно и мимоходом вытесненный источник.

Примечания:

1. Базулин Ю.В. Происхождение денег в процессе социогенеза // Вестник СПбГУ. Сер. 5. Вып. 2. 2006. С. 85-93.
2. Батай Ж. «Проклятая часть»: Сакральная социология. М.: Ладомир, 2006.
3. Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение. М: Европа, 2008.
4. Кант И. Предполагаемое начало человеческой истории // Иммануил Кант. Критика способности суждений. СПб: Наука, 2001.
5. Коптев А.В. Античное гражданское общество // Проблемы эволюции общественного строя и международных отношений в истории западноевропейской цивилизации. Сборник статей под ред. Ю.К. Некрасова. Вологда: Русь, 1997. С.11-30.
6. Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М: Учпедгиз, 1957.

Кошмило О.К. Философско-экономические аспекты символизации космоса в античном ритуале и досократической философии: онтологический анализ

7. Лосев А.Ф. История античной философии. М: Наука, 1998.
8. Мосс М. Социальные функции священного: Избранные произведения. СПб: Евразия, 2000.
9. Петров М.К. Античная культура. М: Росспэн, 1997.
10. Фрагменты ранних греческих философов. М.: Наука, 1989. Ч. 1.
11. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков: Фолио, 2003.
12. Хайдеггер М. Изречение Анаксимандра. Закон тождества. // Мартин Хайдеггер. Разговор на проселочной дороге: Сборник. М.: Высшая школа, 1991.
13. Хюбнер К. Истина мифа. М.: Республика, 1996.
14. Элиаде М. История веры и религиозных идей: От каменного века до элевсинских теорий. М: Академический Проект, 2008.

Сведения об авторе:

Кошмило Олег Константинович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и политологии Санкт-Петербургского торгово-экономического института, Санкт-Петербург, e-mail: koshmilo-ok@yandex.ru;

Data on authors:

Koshmilo Oleg Konstantinovich – candidate of philosophy science, assistant professor of cathedra for philosophy and politology of the Saint-Petersburg Institute of Trade and Economic, Saint-Petersburg, e-mail: koshmilo-ok@yandex.ru.

УДК 331.55

© Г.Н. Строева
Хабаровск

СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ ИЗ КИТАЯ

В статье рассматривается проблема адаптации рабочих мигрантов из Китая в России. На основе проведенных социологических исследований, выявлены 2 группы, отличающиеся по стратегиям приспособления. Первая группа представлена мигрантами, борющимися за длительное проживание в России и вливание в российское общество. Вторая группа характеризуется нежеланием менять традиционные формы собственного сообщества в новых условиях. Они рассматривают Россию как временное место для реализации своих экономических интересов.

Ключевые слова: адаптация, внешняя трудовая миграция, межнациональные отношения, Хабаровский край.

G.N. Stroeve
Khabarovsk

STRATEGY OF ADAPTATION OF LABOUR MIGRANTS FROM CHINA

The article deals with the problems of adaptation Chinese working migrants in Russia. Certain sociological researches let us define 2 groups that differ in their adapting strategies. The first group includes those who strive for prolonged living in Russia and integrating into Russian society. The second group is characterized by reluctance to change traditional forms of community and cultural values in new condition. Those migrants see Russia as a temporary place for realizing there economical interests.

Key words: adaptation, external labor migration, international relations, Khabarovsk territory.

Снижение рождаемости, увеличение смертности, низкая средняя продолжительность жизни, а также миграционный отток населения со всех территорий Дальнего Востока, начавшийся в начале 90-х гг. XX в., привели к значительному сокращению численности населения этого и без того малолюдного региона России. По данным переписи населения 2002 г. в Дальневосточном Федеральном округе, площадь которого 6215,9 тыс. кв. км. (36,4% территории России), в нём проживало около 6,7 млн чел., что почти на 21% меньше, чем было по данным предыдущей переписи населения (7,9 млн чел. в 1989 г.), Россия в целом за тот же период времени потеряла 1,3% собственного населения.

Все это привело к изменениям возрастной структуры населения как Дальневосточного региона в целом, так и Хабаровского края, в частности, в сторону его старения и как следствие сокращению численности трудоспособного населения. В соответствии с международными критериями, население страны считается старым, если доля лиц в возрасте от 65 лет и старше в общей численности населения страны превышает 7%. В настоящее время жители данной возрастной категории составляют 10,1% всего населения Хабаровского края (в России – 13,7%, в ДВФО – 9,1%) [1, с. 6].

В результате российский Дальний Восток, как и в конце XIX – начале XX вв., оказался перед проблемой, суть которой можно сформулировать следующим образом: полноценное, органичное развитие этого региона в составе России невозможно без привлечения рабочей силы из

других регионов страны и зарубежных стран. Поскольку для населения других регионов России Дальний Восток в последнее время силу разных причин потерял свою привлекательность, то основными поставщиками трудовых ресурсов для него стали его ближайшие соседи – страны АТР.

Рост числа иностранных работников, привлекаемых предприятиями Дальнего Востока, а за последние пять лет их число в ДВФО выросло более чем в 2 раза (Хабаровском крае – 1,2 раза), стал побудительным мотивом для проведения социологического исследования поведения внешних трудовых мигрантов, приехавших в Хабаровский край из Китая. Опрос был проведен в конце декабря 2006 – начале января 2007 гг. В опросе участвовали 400 трудовых мигрантов из КНР.

Выбор в качестве объекта исследования трудовых мигрантов из этой страны не случаен. Во-первых, на их долю приходится более 30% от общего числа иностранных работников, трудящихся на предприятиях края. Во-вторых, в отношениях между СССР и Китаем был достаточно длительный период межгосударственной враждебности, поэтому наши сведения друг о друге являются достаточно скудными. В-третьих, определенную роль в этом сыграли, участвовавшие в последнее время в средствах массовой информации разговоры о возрождении синдрома «жёлтой опасности», о развитии процесса «мирной экспансии» и даже «мирной оккупации» китайцами территорий Дальнего Востока.

В ходе данного исследования мы попытались выяснить, как иностранные граждане адаптируются к непростым условиям жизнедеятельности в России, с какими трудностями и проблемами они сталкиваются, что предпринимают для успешной адаптации в нашем обществе, есть ли среди них желающие связать свою дальнейшую жизнь с нашей страной и чем поведение таких мигрантов отличается от поведения тех из них, кто желает вернуться на родину.

Любой мигрант, оказавшись на чужбине, сталкивается с необходимостью адаптироваться к новым для него условиям жизнедеятельности. Темпы социальной и культурной адаптации мигрантов зависят от их готовности и способности участвовать в этом процессе. Многие факторы определяют формы, темпы и степень адаптации мигрантов в принимающем их обществе, но самым важным здесь, на наш взгляд, является желание самого мигранта интегрироваться в это общество.

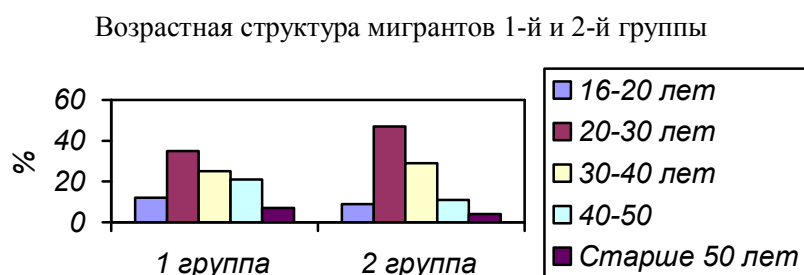
Это позволяет разделить мигрантов на две группы: тех, кто изначально стремится к длительному или постоянному проживанию в чужой стране, и тех, кто настроен на временное пребывание на чужбине и намерен вернуться на Родину.

Цель миграции во многом определяет поведение мигрантов за пределами его родины. Мигранты, нацеленные на возвращение на родину, как правило, довольствуются малым, приспосабливаются к изменившимся условиям жизни настолько, насколько это требуется для выживания, осваивают минимум необходимых познаний преимущественно в производственной и бытовой сфере, их социокультурная адаптация идет трудно. Те же, кто готов связать свою судьбу с другой страной, начинают приспосабливаться, активно искать способы закрепления в новом обществе.

Один из вопросов нашей анкеты, а именно: «Хотели бы Вы остаться на постоянное место жительства в России?» – позволил нам, с одной стороны, выяснить насколько комфортно чувствуют себя граждане КНР в Хабаровском крае. А с другой стороны, провести сравнительный анализ ответов на вопросы анкеты респондентов, поделенных на две группы: тех, кто хотел остаться на постоянное жительство в России (далее группа №1), и тех, кто желает вернуться в Китай (далее группа №2). Это было сделано для того, чтобы выявить различия в поведении мигрантов, преследующих разные цели.

В группу №1 вошли 38% всех опрошенных мигрантов, в группу №2 – 31%. На долю мужчин приходится 69% респондентов первой и 60% второй группы. Анализ возрастной структуры респондентов показал, что как в 1-й, так и во 2-й группе опрошенных мигрантов преобладают лица в активном трудоспособном возрасте (60% и 78%), доля респондентов в возрасте старше 40 лет в группе №1 в 2 раза больше, чем в группе №2 (диаграмма 1).

Диаграмма 1

Высокий уровень безработицы в Китае, заставляющий многих китайцев искать возможности заработка за пределами своей родины, делает людей в возрасте старше 40 лет неконкурентоспособными на рынке труда своей страны. Именно этим отчасти можно объяснить то, что

среди желающих остаться в России 28% составляют мигранты данной возрастной категории. Кроме того, определенная часть из них имеет в крае свой, пусть даже и небольшой, бизнес, являющийся для их семей основным источником средств существования.

Как в первой, так и во второй группе респондентов преобладают граждане КНР, приехавшие в Россию не в первый раз (78% и 62%) и находящиеся здесь более шести месяцев. При этом доля тех, кто проживает в стране более одного года в первой группе на 6% больше, чем во второй. Все это говорит о том, что у мигрантов было достаточно времени для всестороннего анализа плюсов и минусов жизни в России и Китае. Поэтому можно считать, что мигранты, выбравшие Россию, в качестве страны, с которой можно связать свое будущее, сделали свой выбор вполне осознанно.

Среди желающих остаться в России, так же, как и среди всех опрошенных китайцев, преобладают мигранты, имеющие довольно плохие условия проживания в нашей стране (таблица 1).

Таблица 1

Место проживания в данном населенном пункте, %

	<i>Где Вы проживаете в данном населенном пункте?</i>	Группа №1	Группа №2
1	Живу там, где работаю	19	9
2	Живу в общежитии	27	49
3	Снимаю отдельное жилье	19	22
4	Снимаю жилье вместе с другими мигрантами	14	6
5	Живу у родственников, друзей, знакомых	12	12
6	Другое	9	2

Только пятая часть респондентов первой и второй группы снимают отдельное жилье. У мигрантов второй группы условия проживания несколько лучше, чем у мигрантов первой группы. Практически каждый второй респондент группы №2 живет в общежитии. Доля тех, кто живет там, где работает или снимает жилье вместе с другими мигрантами, в группе №2 в два раза меньше, чем в группе №1.

Соглашаясь на плохие условия проживания, мигранты экономят на расходах на оплату жилья и тем самым увеличивают размер денежных средств, отправляемых ими на родину. Не исключено также, что таким

образом они стараются сэкономить деньги для покупки отдельного жилья в населенных пунктах края. И здесь показательной является разница в 7% по варианту ответа «другое». Именно этот вариант ответа выбирали респонденты, имеющие собственное жилье в Хабаровском крае. Кроме того, возможно, что плохие, с нашей точки зрения, условия проживания китайских мигрантов в России являются для китайцев, желающих остаться на постоянное жительство в нашей стране, лучшими по сравнению с теми, какие они имели у себя на родине.

Как известно, успешной адаптации мигранта в новом для него обществе способствуют желание и способности мигранта к изучению языка принимающей стороны, а также знание им законов, традиций и обычаев страны-реципиента.

Знание языка позволяет мигранту быстрее освоить принятые в обществе нормы поведения, элементы местной культуры, а также адекватно реагировать на вызовы социального окружения и решать различные бытовые проблемы. Владение государственным языком принимающей страны расширяет возможности трудоустройства и профессионального роста мигранта, а также способствует более успешному ведению собственного бизнеса в этой стране. Кроме того, оттого, насколько хорошо мигрант владеет языком принимающего общества, напрямую зависит степень его адаптации в этом обществе. Так как «язык есть практическое сознание, только с помощью языка у человека складывается образ мира и система ценностей, так что, овладевая языком принимающего общества, иммигрант встает на путь практического осознания бытия» [2, с.93]. Именно с освоения государственного языка страны-реципиента для многих мигрантов начинается адаптация в форме аккультурации.

Таблица 2

Знание русского языка, %

	<i>Знаете ли Вы русский язык?</i>	Группа 1	Группа 2
1	Не знаю	7	10
2	Знаю несколько необходимых слов	26	20
3	Понимаю и немного говорю	39	49
4	Могу свободно говорить	24	20
5	Владею в совершенстве	4	1

Данные, приведенные в таблице 2, говорят о том, что подавляющее большинство мигрантов первой и второй групп в той или иной степени

понимают русский язык, однако качество знаний языка в группе №1 несколько выше, чем в группе №2. Доля тех, кто может свободно говорить на русском языке и владеет им в совершенстве, в группе №1 на 7% выше. Интересным является также тот факт, что мигранты как первой, так и второй группы стараются совершенствовать знание русского языка. Но если 78% респондентов группы №1 занимаются этим потому, что это им необходимо, то практически каждый третий мигрант группы №2 занимается изучением русского языка, считая, что необходимости в этом нет.

Желание остаться на постоянное жительство в России заставляет таких мигрантов проявлять интерес к общественной жизни нашей страны, изучать российские законы, традиции и обычаи россиян. Утвердительный ответ на вопрос «Интересуетесь ли Вы общественной жизнью в России?» дали 80% респондентов первой группы. Подавляющее большинство из них (82%) смогли назвать кого-то из российских политиков, 47% знают имя президента России, а 27% – губернатора Хабаровского края. Несмотря на то, что 66% респондентов второй группы не интересуются общественной жизнью в России, более половины из них также смогли назвать имена некоторых российских политиков.

Знание законов принимающей страны, с одной стороны, позволяет мигрантам избегать нежелательных столкновений, с правоохранительными органами, а с другой стороны, расширяет возможности защиты прав самих мигрантов, нарушаемых представителями страны-реципиента. Как показали результаты опроса (таблица 3), уровень знаний респондентами российских законов оставляет желать лучшего. Среди респондентов, знающих российских законы, преобладают те, кто знает только законы, связанные с их деятельностью в России.

Таблица 3

Знание российских законов, %

	<i>Знаете ли Вы российские законы?</i>	Группа №1	Группа №2
1	Знаю достаточно хорошо	16	12
2	Знаю только те, что связаны с моей деятельностью в России	40	32
3	Не знаю ничего	44	56

Тем не менее, мигранты первой группы знают российские законы несколько лучше. 16% респондентов этой группы ответили, что знают

российские законы достаточно хорошо, во второй группе этот показатель составил 12%. Доля тех, кто ничего не знает о законах, действующих в России, в первой группе на 12% меньше, чем во второй.

На вопрос «Знаете ли Вы обычаи и традиции россиян?» 44% респондентов группы №1 ответили, что знают наиболее известные из них, 27% – указали, что знают многие, а 29% – дали отрицательный ответ. В группе №2 каждый второй китаец ответил, что знает наиболее известные традиции и обычаи россиян, доля тех, кто знает многие из них в этой группе в 2,3 раза ниже, чем в группе №1, а тех, кто отрицательно ответил на данный вопрос – на 8% больше. При этом 61% респондентов группы №1 и 44% респондентов группы №2 самостоятельно отмечают наиболее известные российские праздники.

Это достаточно хорошие показатели, говорящие о том, что в настоящее время идет процесс взаимного проникновения культур между нашими странами, ведь наши знания о традициях, обычаях, культуре и религии китайского народа также стали намного шире. Существенное влияние на этот процесс оказывают средства массовой информации и, в первую очередь, телевидение, однако главную роль играют возможности населения России и Китая путешествовать и работать в этих странах, а также непосредственно общаться друг с другом на работе или в повседневной жизни.

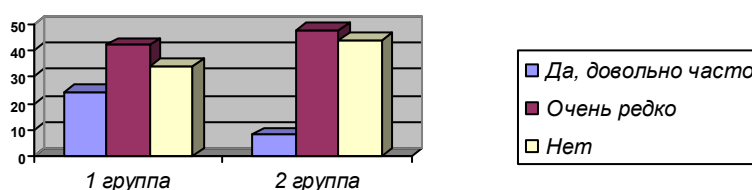
После того, как мигрант более или менее приспособится к новым условиям жизни, он начинает искать возможности улучшить свое положение, стремится к общению с теми, кто ему может в этом помочь, а также близок по интересам. Анализ ответов на вопрос «С кем из россиян Вы общаетесь?» показал, что у 35% респондентов как первой, так и второй группы есть русские друзья. Каждый четвертый мигрант группы №1 общается либо со знакомыми по работе, либо с работодателем. Тем не менее, в каждой группе респондентов есть мигранты, ответившие, что ни с кем из россиян они не общаются. Такой ответ дал каждый пятый респондент группы №1 и каждый четвертый в группе №2. Скорее всего, это мигранты, приехавшие в нашу страну в первый раз и практически не знающие русский язык.

Своеобразным показателем качества дружбы китайских граждан с местными жителями является возможность китайцев бывать в гостях у россиян, так как в гости мы приглашаем в первую очередь тех, кого считаем своими друзьями. Как свидетельствуют результаты ответа на вопрос «Бываете ли Вы в гостях у ваших российских друзей и знакомых?» (диаграмма 2), респонденты первой группы чаще бывают в гос-

тях у россиян, 24% из них бывают в гостях у россиян довольно часто, что в три раза больше аналогичного показателя в группе №2.

Диаграмма 2

Бываете ли Вы в гостях у Ваших российских друзей и знакомых?, %

Доля тех, кто не имеет возможности ходить в гости к местным жителям, составляет 34%, это на 9% ниже, чем во второй группе. Кроме того, каждый четвертый китаец в группе №1 отмечает российские праздники именно потому, что их приглашают русские друзья и знакомые.

Хочется также отметить, что интенсивность общения мигранта с коренным населением принимающей страны, так же, как и длительность его пребывания в этой стране, при прочих равных условиях существенным образом сказывается на процессе его культурной адаптации. Причем даже те мигранты, которые не имеют возможности тесно общаться с местными жителями, испытывают сильное влияние местных языков.

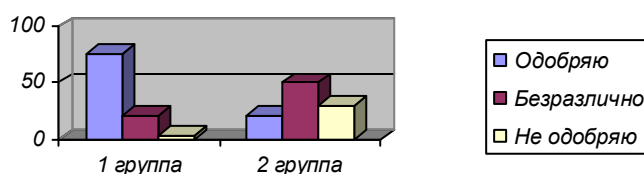
Миграция населения оказывает влияние, как на количественный, так и на качественный состав населения принимающей страны. В условиях снижения рождаемости и старения населения, характерных для многих индустриально развитых стран мира, притоки мигрантов не только стабилизируют количественный состав населения, но и способствуют его омоложению. Это связано с тем, что в миграционных процессах и, в первую очередь, трудовой миграции, участвуют лица в активном трудоспособном возрасте. Для стран, в которых женщин больше, чем мужчин (например, Россия) или наоборот (Китай), за счет браков с мигрантами частично может быть решена проблема рождаемости. 76% респондентов, желающих остаться на постоянное жительство в России, ответили, что одобряют смешанные браки между гражданами России и Китая (диаграмма 3).

Во второй группе этот показатель в 3,6 раза ниже, зато, не одобряющих такие браки, в этой группе в 9,7 раза больше, чем в первой.

При этом мужчин, одобряющих смешанные браки, в три раза больше, чем женщин. Китайские женщины поясняли нежелание связывать свою жизнь с русскими мужчинами тем, что последние много пьют и курят, а также мало работают.

Диаграмма 3

Как Вы относитесь к бракам между гражданами
России и Китая?, %

Тот факт, что большинство респондентов первой группы одобряют совместные браки между россиянами и китайцами, можно объяснить с нескольких точек зрения. Во-первых, брак с гражданином страны является одним из законных способов получения вида на жительство и в дальнейшем гражданства России. Во-вторых, мужчин в КНР больше, чем женщин. По некоторым данным число китайцев в возрасте от 29 до 34 лет, которые не смогут найти себе жену и создать семью у себя на родине, к 2020 г. составит 29-33 млн чел. [3, с.162]. Поэтому, женившись на россиянках, некоторые китайцы могут решить для себя эту проблему. В-третьих, по законам КНР китайские семьи имеют право на рождение только одного ребенка, в России же таких ограничений нет. Более того, рождение двух и более детей поддерживается российским государством.

Проживание в чужой стране, особенно длительное, так или иначе, сказывается на привычном образе жизни большинства мигрантов. Мигранты, желающие остаться в России, чаще отмечают, что их образ жизни за время пребывания в нашей стране изменился. Каждый второй из респондентов данной группы старается во всем походить на местных жителей. Среди тех, кто не желает оставаться в России, также преобладают лица, старающиеся во всем походить на местных жителей (37%). Определенную роль в этом играет интуитивное или осознанное стрем-

ление мигрантов не выделяться и бесконфликтно вписаться в принимающее общество, а также общение китайцев с местными жителями, позволяющее лучше изучить особенности поведения россиян.

В то же время, в каждой группе респондентов есть лица, чей образ жизни не отличается от того, к которому они привыкли, на их долю приходится 25% респондентов в первой группе и 34% – во второй. Это достаточно высокий показатель. На наш взгляд, он, с одной стороны, свидетельствует о нежелании мигрантов интегрироваться в принимающее их общество. Наличие такого контингента мигрантов может привести в дальнейшем к образованию мест компактного проживания лиц китайской национальности, так называемых China-town, получивших распространение в других странах.

С другой стороны, на размер этого показателя влияет возможность китайских граждан, работающих в России поддерживать достаточно тесные контакты с Родиной, наличие которых, как известно, тормозит стремление мигрантов к освоению культуры принимающего общества. Возможности китайских мигрантов вести привычный для них образ жизни поддерживаются постоянным ростом числа граждан КНР, приезжающих в Россию с различными целями, а так же тем, что многие из них сами часто выезжают к себе на Родину по делам, связанным с их деятельностью в России.

Мигранты, желающие жить и работать в России, чаще отмечают, что отношения между простыми россиянами и китайцами за последнее десятилетие улучшились (68%), 22% из них считают, что они не изменились и только 10% говорят об ухудшении отношений между ними. Каждый второй китаец из второй группы респондентов считает, что отношения между простыми гражданами России и Китая стали хуже, только 16% из них говорят об улучшении этих отношений, а остальные отмечают, что они не изменились.

Вполне возможно, что на такое распределение ответов на вопрос: «Как, на Ваш взгляд, за последние годы изменились отношения между простыми россиянами и китайцами?» повлияли изменения в миграционном законодательстве, принятые правительством России в конце 2006 г. Кроме того, отрицательным образом сказалось и то, что многие респонденты, сталкивались с враждебным отношением со стороны России (таблица 4).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Приходилось ли Вам сталкиваться с враждебным отношением со стороны местных граждан России из-за Вашей национальности?», %

	Варианты ответов на вопрос:	Группа №1	Группа №2
1	Да, очень часто	33	38
2	Да, но редко	31	34
3	Нет	36	28

Люди, как правило, сами провоцируют то, или иное отношение к себе со стороны окружающих. И китайские граждане не являются исключением. Как свидетельствуют данные, приведенные в таблице 4, респонденты группы №1 реже сталкивались с враждебным отношением со стороны россиян, что вполне объяснимо, если учесть их ответы на вопросы описанные выше. Нацеленность на постоянное или длительное проживание в России заставляет таких мигрантов вести себя в нашей стране более корректно, придерживаясь норм и правил, по которым живет местное население.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы: миграция продолжает оставаться преимущественно мужским делом, однако доля женщин, участвующих в этом процессе, в настоящее время значительно выросла. Так, если в конце XIX – начале XX вв. на 100 мужчин, приехавших на Дальний Восток России из Китая, приходилось всего 3 женщины, то сегодня их доля составляет в среднем 35% от общей численности трудовых мигрантов.

Получив достаточный продолжительный опыт проживания в России, определенная часть мигрантов из КНР рассматривают её в качестве страны постоянного или длительного проживания. В связи с этим они вырабатывают определенную линию поведения, которая позволяет им быстро интегрироваться в российское общество. Как показали результаты проведенного нами исследования, такие мигранты вполне осознанно изучают русский язык, российские законы, традиции и обычаи нашей страны, меняют привычный образ жизни. Это позволяет нам говорить о готовности таких мигрантов интегрироваться в российское общество.

Несмотря на наличие определенных трений, и различий в культурно-ценностных ориентациях, граждане КНР и России пока неплохо

уживаются друг с другом, а адаптационная среда в целом является для китайских мигрантов благоприятной.

Примечания:

1. Демографическая ситуация – реальность и перспективы: Аналитическая записка / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю. Хабаровск, 2005.
2. Левин З.И. Менталитет диаспоры. М.: ИВ РАН «КРАФТ+», 2001.
3. Мотрич Е.Л. Население Дальнего Востока России. ИЭИ Владивосток – Хабаровск: ДВО РАН, 2006.

Сведения об авторе:

Строева Галина Николаевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры экономической теории и национальной экономики Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск.

Data on author:

Stroeva Galina Nikolaevna – candidate of sociology sciences, associate professor of the economic theory and national economy department of the Pacific state university, Khabarovsk.

УДК 321.01

© **П.И. Осинский**
Бун

**КВАДРИГА ВЛАСТИ: РАЗМЫШЛЯЯ О ТЕОРИИ
МИРОВОГО РАЗВИТИЯ МАЙКЛА МАННА**

В статье анализируется теория мирового развития англо-американского социолога Майкла Манна. Рассматривается вклад социолога в понимание исторического процесса, а также некоторые спорные утверждения его работы.

Ключевые слова: *сети власти, идеологические сети, экономические сети, военные сети, политические сети.*

P.I. Osinskiy
Boone

**THE QUADRIGA OF POWER: REFLECTING ON
MICHAEL MANN'S THEORY OF THE WORLD HISTORY**

This article analyses a theory of the world history developed by Anglo-American sociologist Michael Mann. The article examines his contribution to our understanding of the historical process as well as some debatable statements of his work.

Keywords: networks of power, ideological networks, economic networks, military networks, political networks.

Исследования, в которых разрабатываются новые теории мирового развития, выходят достаточно редко. Самая недавняя такая теория, концепция современной миросистемы, была предложена американским обществоведом-неомарксистом И. Уоллерстейном ещё в 1970-1980 гг. и уже, как полагают многие, успела порядком устареть. Потому недавняя, почти одновременная публикация двух заключительных частей четырехтомника «Источники социальной власти» (в 2012 и 2013 гг.), написанных Майклом Манном, которого сравнивают иногда, ни много ни мало, с Максом Вебером [1, р. 150], вызывает особенный интерес у обществоведов (первый том появился на свет в 1986 г., второй – в 1993 г.).

Данная статья, посвященная анализу теории Манна, состоит из трех частей. Первая, наиболее обширная часть, знакомит читателя с теоретическими принципами и историческим анализом Манна. Вторая, критическая, часть рассматривает некоторые спорные, на наш взгляд, положения его концепции. Третья, реконструктивная, часть пытается восполнить некоторые пробелы в аргументации социолога. Разумеется, учитывая объем четырехтомного исследования (2241 с.), предлагаемый обзор носит избирательный характер, оставляя за рамками рассмотрения многие интересные рассуждения и наблюдения ученого.

Несколько слов об авторе. Майкл Манн родился в пригороде Манчестера в 1942 г. Закончив Оксфорд, преподавал несколько лет в Университете Эссекса и Лондонской Школе Экономики, работая бок о бок с такими известными социологами как Джон Локвуд и Эрнест Геллнер. В 1970-е гг. Манн изучал проблемы развития британского рабочего класса и его самосознания, издав несколько монографий по этой тематике. Исследования классовой структуры общества привели его к выводу о том, что популярная тогда концепция исторического материализма, постулирующая примат экономических отношений, упрощает видение социально-классовой структуры и потому нуждается в пересмотре. Трехмерная концепция социальной стратификации Макса Вебера (богатство-престиж-власть) представлялась Манну многообещающей альтернативой. Несмотря на то, что в дальнейшем ученый отошел от анализа классов, именно идея многомерности социальных структур легла в

основу его масштабного проекта по исследованию мирового исторического развития, начатого в Великобритании и продолженного в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе, после его переезда в США в 1987 г.

Социальная теория Манна исследует структуры власти и основывается на двух фундаментальных посылах [2]. Во-первых, сообщества конституированы властными структурами, или, согласно терминологии Манна, властными сетями. Сами по себе сообщества не несут атрибута целостности, они несистемны. В силу того, что они несистемны, они не имеют подсистем, подструктур, сфер отношений, различных измерений, компонентов и т.п. Соответственно, нет и главных, детерминирующих отношений, которые предопределяют ход развития. Во-вторых, властные сети, конструирующие сообщества, подразделяются на четыре типа: идеологические, экономические, военные и политические. В реальной жизни эти структуры перекрещиваются, сосуществуют в различных комбинациях. Они же кристаллизуются в организационных формах, то есть институциональных средствах достижения целей [3]. Задача Манна – показать трансформацию властных форм в ходе исторического процесса, как та или иная форма власти, или их комбинация выходит на первый план и двигает общество в том, или ином направлении.

В первом томе монографии рассматривается трансформация властных структур доиндустриального периода, начиная с ранних цивилизаций (Месопотамия, Индия, Китай, Египет, Греция, Рим), вплоть до перехода к промышленному капитализму и централизованным формам современной государственности, заканчивая повествование около 1760 г. [4]. Каким образом возникли отношения власти? Согласно Манну, главное условие возникновения властных отношений – это переход к оседлости, поскольку кочевой образ жизни позволял избегать закабаления властными структурами. Цивилизация – это ни что иное как фиксация и самозамыкание населения (“*caging*”) в географически изолированном (или полуизолированном) анклав. Неслучайно, что первые цивилизации возникли в долинах рек, где практиковалось ирригация и наносное земледелие [5]. Примечательно, что масштаб социального закабаления достиг максимального уровня в Древнем Египте, откуда попросту некуда было бежать, поскольку за пределами долины Нила простиралась пустыня. Это позволило создать вертикальные структуры церемониально-идеологической власти, способной мобилизовать кол-

лективную энергию для реализации масштабных монументальных проектов.

Кристаллизация властных структур представляла собой неравномерный процесс, приведший к возникновению двух типов сообществ: децентрализованных многосубъектных цивилизаций и централизованных империй. В качестве примеров первого типа Манн рассматривает древних финикийцев и греков. Хотя ни финикийцы, ни греки не создали централизованного государства, они достигли значительных успехов в экономике, политике и культурной жизни. Финикийцы были известны своей высокоразвитой письменностью и искусством торговли. В Греции отсутствие жестких иерархических структур власти позволило возникнуть таким уникальным институтам, как город-государство (полис), культ разума и борьба классов. В качестве примера второго типа цивилизаций автор приводит ассирийцев и персов. И те, и другие создали централизованные военизированные империи, ориентированные на геополитическую экспансию и лишенные сколько-нибудь значимых горизонтальных структур, неподконтрольных центральной власти. Рим возник изначально как локальное сообщество и превратился впоследствии в централизованную империю. Античное рабовладение, по мнению Манна, не представляло собой «господствующий способ производства». Даже в италийской части Древнего Рима первого века до нашей эры, когда рабовладение достигло наибольшего расцвета, рабы составляли от 30 до 40 процентов населения, в то время как в провинциях этот показатель был значительно ниже. Свободное и полусвободное крестьянство составляло большинство населения Рима. Впоследствии доля рабов неуклонно снижалась, доля полузависимых арендаторов (колонов) увеличивалась, и степень их зависимости от землевладельцев усиливалась.

Каким образом Рим оставался могущественной империей в течение целого ряда столетий? Вопреки распространенному мнению, центральный бюрократический аппарат империи даже в период ее апогея был минимальным, всего около 300 чиновников в Риме. Манн указывает на два принципиальных интегрирующих фактора. Во-первых, главным институтом государства была армия. Государство и армия были фактически одно и то же. Соответственно, армия выполняла функции, далеко выходящие за пределы ведения военных действий. В силу того, что местных ресурсов, как правило, было недостаточно для регулярного снабжения войск, легионы постоянно перемещались по завоеванным провинциям. Каждый легион (около 5000 солдат) представлял собой медленно передвигающийся военный лагерь. При этом, легионеры

строили дороги, каналы, укрепления, обеспечивали сбор налогов и набор рекрутов, подавляли восстания на завоеванных территориях. Манн утверждает, что Рим во многом держался на так называемой «легионерной экономике» своей армии. Во-вторых, христианство, возникшее в Иудее и распространившееся по другим провинциям, стало идеологическим интегратором империи. Вопреки марксистской интерпретации генезиса раннего христианства, оно возникло в условиях, когда Рим не испытывал ни экономического, ни духовного кризиса. Манн отрицает, что изначально христианами были рабы, городской пролетариат и сельская беднота. По его мнению, ранние христиане были в массе своей достаточно обеспеченными людьми, которые испытывали кризис идентичности и стремились найти моральное сообщество, к которому они могли бы принадлежать. Христианство, которое отвечало такого рода духовным потребностям, распространилось через целый ряд социальных сетей: родственные и соседские связи, связи чиновников и сборщиков податей, связи и перемещения военных, и, самое главное в этом ряду, связи и контакты торговцев и ремесленников. В совокупности, эти связи создали разветвленную инфраструктуру идеологической власти. Первоначально, власти преследовали христиан, однако после крещения императора Константина (в 312 г.) христианство стало господствующей религией Римской империи.

Анализ европейского средневековья, по мнению Манна, не может быть отделен от поиска причин возникновения капитализма. В этой связи, автор выдвигает два тезиса, подвергающие сомнению устоявшиеся взгляды историков по поводу происхождения капитализма. Во-первых, он подчеркивает позитивную роль христианства, которое сформировало нормативную матрицу генезиса капиталистических отношений. Несмотря на разобщенность феодальных структур, они функционировали в общем пространственном поле идеологии христианства, которая гасила наиболее острые социальные конфликты. Во-вторых, Манн полагает, что социально-экономические процессы, приведшие к возникновению капитализма, начались не в пятнадцатом или шестнадцатом веках, как полагает большинство историков, а гораздо раньше, в период с 800 по 1200 гг. Проблема в том, что эти сдвиги были постепенны, кумулятивны, и потому не столь заметны. К числу таких сдвигов Манн относит внедрение тяжелого плуга с железным наконечником, системы трехполья, а также появление водяных мельниц. Данные изменения позволили повысить урожайность зерновых культур, освободить часть населения от сельскохозяйственного труда и создать предпосылки для появления городов, ставших впоследствии цен-

трами торговли и ремесел. Таким образом, ученый отвергает однофакторные объяснения генезиса капитализма (такие, например, как классовая борьба, великие географические открытия, революция в науке, Ренессанс, протестантская этика и т.д.).

Во второй части работы Манн рассматривает наиболее важные процессы Нового времени, связанные с промышленной революцией, выходом на первый план социальных классов и классовой борьбы, а также формированием современных государств, охватывая период мировой истории с 1760 по 1914 гг. Социолог утверждает, что в восемнадцатом веке две структуры власти, экономическая и военная, в равной степени преобладали в формировании институтов западной цивилизации. В ряде европейских государств «военная революция» привела к усилению централизованной авторитарной власти (Пруссия). В других странах экономические процессы и технологические сдвиги привели к возникновению промышленного капитализма (Англия). В девятнадцатом веке роль милитаризма в целом уменьшилась, в то время как капитализм вызвал поистине революционные изменения в экономике и классовой структуре европейских стран, выведя на первый план экономические и политические факторы. Роль же идеологического фактора, то есть христианства, заметно уменьшилась, хотя религия и продолжала играть определенную роль в жизни общества.

Наиболее интересная часть дискуссии, на наш взгляд, посвящена анализу возникновения современного национального государства. Рассмотрев четыре теории государства (классовую, плюралистическую, элитистскую, институциональную) [6], Манн приходит к выводу, что ни одна из них не в состоянии убедительно объяснить разнообразие существующих форм государственности. В итоге, он выдвигает свою собственную теорию, назвав ее «так получилось» (или «сложилось как сложилось»). Данная концепция отвергает единую логику государствообразования, постулируя многообразие («полиморфность») государственных форм, возникших в результате воздействия самых разнообразных факторов. Тем не менее, изначально возникнув, государства испытывают процесс институциональной «кристаллизации» и складываются в более или менее централизованные политико-административные образования, устанавливающие свой контроль над другими формами общественной жизни.

Тем не менее, рост государственного аппарата в европейских странах не шел постоянно по восходящей линии. Манн выделяет три исторических фазы в развитии государства Нового времени. Первая фаза, охватывающая период с 1700 по 1815 гг., характеризовалась в боль-

шинстве европейских стран быстрым ростом государственной аппарата, обусловленным революцией в военном деле, возникновением национальных армий и резким увеличением военных расходов. Восемнадцатый век был эпохой оголтелого милитаризма. В ряде стран (таких как Пруссия, Швеция, Россия) военные расходы достигали 80-90 процентов всех расходов государства. Во второй период, с 1815 по 1870 гг., государственные расходы в абсолютном исчислении продолжают увеличиваться, однако доля этих расходов в пропорции к валовому национальному продукту сокращается. Эпоха наполеоновских войн закончилась, военные расходы сократились, наступила эпоха промышленного капитализма и политического либерализма. Экономика и гражданское общество растут в этот период быстрее, чем государственный аппарат. На третьем этапе, с 1870 по 1914 гг., государственная система вновь начинает разрастаться, опережая развитие экономики и гражданского общества. Главная отличительная черта этого периода заключается в том, что доля военных расходов уменьшается, в то время как доля невоенных расходов (направленных на развитие госсектора, транспорта, инфраструктуры, социальные программы) увеличивается. Одновременно растет численность чиновников, множатся их административные функции. Государственная система «обволакивает общество», социальная жизнь при этом национализируется, возникает идея национальной общности, национальная идентичность натурализуется в сознании людей.

Третий том четырехтомника Манна носит подзаголовок «Глобальные империи и революция, 1890-1945». Главное содержание этой эпохи заключалось, по мнению социолога, в геополитическом господстве мировых империй и политике империализма, приведшей к двум мировым войнам и эпохальным революциям. Раздел и эксплуатация мира ведущими капиталистическими державами свидетельствовали об усиливающейся глобализации властных структур. Тем не менее, процесс глобализации был прерван и отброшен назад тремя катаклизмами: первой мировой войной, великой депрессией, и второй мировой войной. Каждый из этих катаклизмов привел к революционным трансформациям в глобальной политике и экономике.

Остановимся на анализе Манном одной из таких трансформаций, которая началась в 1917 г. в России. Почему произошла революция 1917 г.? Отвечая на этот вопрос, Манн опирается на исходные посыпки структурной теории революций, которая была разработана американским социологом Тедой Скочпол в 1970-е г. В своем сравнительном исследовании революций во Франции (1789), России (1917) и Китае

(1949) она утверждала, что эти события произошли в силу сочетания трех исторических факторов: (1) сильного давления на государство извне, приведшего к (2) военно-административному коллапсу государственно-бюрократической машины, в сочетании с (3) массовыми волнениями крестьянского населения. Манн полагает, что применительно к России данные положения нуждаются в серьезной корректировке. Во-первых, исследователь не согласен с акцентом на крестьянские выступления, справедливо указывая на решающую роль в революции рабочего класса и других слоев городского населения. Во-вторых, Манн указывает на определяющую роль военного фактора, то есть первой мировой войны. Он утверждает: «Скочпол и другие правильно подчеркивают роль политического кризиса, вызванного международными событиями, однако Россия в 1917 г. была не просто примером бюджетного кризиса вследствие чрезмерного вовлечения в войну. Это слишком мягкая оценка для катастрофы тотальной войны, вторжения, голодающего населения городов, и столпотворения беженцев... Не будь войны, будущее России не предвещало ничего хорошего для масс – в лучшем случае авторитарный режим, поддержанный эксплуататорским капитализмом, в худшем – дезинтеграция и хаос. Не будь войны, два главных достижения большевиков – захват и удержание власти и сохранение России в качестве великой державы – не имели бы столь серьезного воздействия на остальной мир» [7, с.190].

Столкновение европейских государств в двух разрушительных мировых войнах, вследствие которого эти государства утратили свое прежнее могущество и большую часть колониальных владений, замедлили быстрый экономический рост и геополитическую экспансию государства, которое со временем превратилось в самую могущественную империю современного мира, Соединенные Штаты Америки. Несмотря на то, что американцы не склонны считать себя империалистами, Манн утверждает, что американское правительство последовательно проводило имперскую политику, вначале утверждая свое господство на североамериканском континенте (выселяя и уничтожая коренное индейское население), затем в западном полушарии, а впоследствии и в глобальном масштабе. Уже в конце девятнадцатого века, Америка фактически аннексировала бывшие испанские колонии на Кубе, Пуэрто-Рико, и Филиппинах. Впоследствии эти страны получили формальную независимость, однако США продолжали доминировать в Южной Америке посредством экономического диктата и военного вмешательства. С 1899 по 1930 гг. США осуществили 31 военное вмешательство в дела других государств, т.е. в среднем одну интервенцию за год [7,

с.92]. Уже тогда начала складываться неформальная империя США, управляемая посредством «дипломатии канонеров».

Заключительный, четвертый том работы Манна, «Глобализации, 1945-2011», продолжает тему экономического и политического возвышения США и глобальной американской экспансии, рассматривая период после второй мировой войны. Эти процессы исследуются, опять-таки с точки зрения взаимодействия четырех структур власти (отсюда «глобализации» в подзаголовке). Для того чтобы осмыслить роль США в послевоенный период, Манн формулирует целый ряд понятий: прямая имперская политика, косвенная имперская политика, неформальная имперская политика (последняя, в свою очередь, подразделяется на «дипломатию канонеров», господство через подконтрольных местных лидеров, экономический империализм и гегемонию). Данный терминологический арсенал необходим в силу того, что политика США в отношении различных регионов мира была различной: в отношении Западной Европы, например, это была достаточно либеральная гегемония, замаскированная под лидерство; в отношении Азии она включала как прямые военные интервенции (Корея, Вьетнам), так и более мягкую гегемонию (в отношении Японии и некоторых других стран); применительно к странам Южной Америки, американская политика строилась на принципах «дипломатии канонеров» и правления через подконтрольных США диктаторов (не исключая, правда, и инцидентов военного вмешательства, таких как Гватемала, Никарагуа, Гренада); на Ближнем Востоке в разное время были опробованы практически все способы, правда, без особого успеха. В последние десятилетия американская политика сочетала принципы экономического империализма и прямого военного вмешательства (в Ираке и Афганистане). Превращение военных интервенций в рутинную форму американской внешней политики рассматривается сторонниками теории миросистемы (И.Уоллерстейн, К.Чейз-Данн) в качестве свидетельства упадка американской мировой гегемонии. Однако Манн, не скрывающий своей антипатии к политике империализма, полагает, что США, контролирующие мировую валюту и расходующие на военные нужды около 700 млрд долларов в год (что составляет половину всех мировых военных расходов), все еще обладают значительным потенциалом как экономической, так и военной власти. Будущее мира, по мнению Манна, зависит от того, сумеет ли Америка умерить свою глобальную экспансию.

В заключение, остановимся на осмыслении Манном событий последних десятилетий в России и Китае. Что касается России, то крушение неэффективной и авторитарной советской системы было, в конеч-

ном счете, неминуемо. Роль Запада в распаде СССР была, по мнению Манна, незначительной. Буш-старший до последнего поддерживал Горбачева как гаранта стабильности и потому был не против сохранения социализма в реформированном виде [8, с.197]. Коммунистический строй и СССР распались под грузом собственных противоречий. Тем не менее, логика реформирования могла быть иной. Манн считает, что упор должен был сделан, как в Китае, на экономическую реформу, а с политическими изменениями можно было подождать. Горбачев же не смог ни реформировать экономику, ни подавить оппозицию. Ошибки Горбачева и реализация Ельциным неолиберальной стратегии («шоковая терапия») сыграли роковую роль в падении российской общества в бездну, из которой оно стало выкарабкиваться лишь в 2000-е гг. Китайская модернизация оказалась более успешной в силу того, что руководство страны избрало более постепенный путь реформ, сохраняя при этом жесткий контроль над экономикой и системой власти. Изначально, реформы начались в сельском хозяйстве, где коллективным, муниципальным и семейным предприятиям были предоставлены дешевые кредиты и налоговые льготы. Впоследствии им было позволено продавать сверхплановую продукцию по рыночным ценам. С приватизацией крупных государственных предприятий не спешили. Коммунистическая партия сохраняла полный контроль над кадровыми назначениями и финансовыми операциями. Предпринимательство всемерно поощрялось, однако коррумпированных чиновников отстраняли от власти и сурово наказывали. Безусловно, в современном Китае много проблем, таких, например, как крайне высокий уровень социального неравенства (выше, чем в США и России!). Тем не менее, создав уникальную систему «капиталистического партийного государства», КНР добилась феноменальных темпов экономического роста и, продолжает развиваться высокими темпами по сей день, несмотря на глобальную экономическую рецессию.

Нетрудно предсказать, что «Социальные источники власти» вызовут волну комментариев и дискуссий в академической среде. В многотомном повествовании есть немало моментов, которые вызовут возражения специалистов. Тем не менее, монументальность работы, синтезирующей объемный исторический материал, не может, на наш взгляд, быть поставлена под сомнение. То, что Манн зачастую не имеет заранее подготовленных ответов, а размышляет, спорит, сомневается вместе с читателем, придает книге особый колорит. В ряде случаев, прежде

всего, когда дело касается политики современных Соединенных Штатов, автор не сдерживает собственных антипатий и дает весьма нелестные оценки тем или иным политическим партиям или лидерам. Тем не менее, в данной статье представляется целесообразным обсудить наиболее фундаментальные, по нашему мнению, проблемы, которые рассматриваются в теории Манна.

Уже в ранних откликах на первый том четырехтомника было отмечено, что работе присуща тенденция уделять больше внимания процессам, происходившим в Европе, нежели где-либо еще [9]. После довольно беглого обзора ранних неевропейских цивилизаций в начале первого тома, автор надолго покидает эти регионы, вернувшись к ним лишь в контексте анализа имперских трансформаций в двадцатом веке. Мы не склонны считать это серьезным упущением в силу того, что автор не ставил целью переписать мировую историю, а исследовал трансформации структур власти в тех сообществах, где они были наиболее кардинальными. Проблема заключается в другом. Слишком уж часто (особенно в четвертом томе) Манн принимает принципы и постулаты, утвердившиеся в англо-американской литературе как данность, и не пытается выйти за рамки господствующих парадигм. Например, демократия – это несомненная ценность, а отсутствие демократии – это серьезная проблема. Манн однозначно враждебен авторитаризму и тоталитаризму в любых их разновидностях. Достижения современных государств измеряются им стандартными параметрами, такими как рост национального валового продукта или индекс демократии. Ученый, как и многие западные социологи, критически относится к доктрине неоллиберализма, однако не рассматривает всерьез альтернативных идеологических конструкций, если не брать во внимание его симпатию к государственному перераспределению доходов и социально-ориентированному государству всеобщего благоденствия. Дискуссия изменений последних лет идет, таким образом, в одномерном пространстве – больше неоллиберализма и социального неравенства или меньше неоллиберализма и социального неравенства. Эта парадоксальная одномерность является, на наш взгляд, следствием того, что, несмотря на то, что Манн выделил идеологическую власть в качестве одной из четырех основных структур власти и уделил немало внимания возникновению и распространению христианства, впоследствии анализ культуры и идеологии отошел на второй план [10]. Автор не рассматривает значимость того, что Китай, Индия, Ближний Восток, Латинская Америка – это цивилизации со своим культурно-историческим насле-

дием, со своими уникальными ценностями и нормами, среди которых либеральная демократия и капитализм не занимали центральное место.

Как и многие макросоциологи, Манн рисует масштабную панораму исторических трансформаций власти крупными мазками, оставляя в стороне детали и частности. Опять-таки, в этом нет ничего предосудительного, если при этом достаточно четко очерчиваются механизмы таких трансформаций. Что такое социальные механизмы? Социальные механизмы описываются как масштабные процессы в обществе, которые реализуются через мотивации и конкретные рационально-объяснимые действия индивидов. Если они не проясняют, всего, что мы имеем, это детерминирующие факторы, конечные результаты и большой знак вопроса посередине. Классическое описание социального механизма приводится в работе Джеймса Коулмэна «Основания социальной теории» [11]. Как известно, Макс Вебер утверждал, что протестантская религиозная доктрина способствовала развитию капитализма. Если оставить веберовский тезис в такой форме, то непонятно, как это происходило. Поэтому Коулмэн разъясняет, что (1) протестантизм сформулировал новые базовые ценности среди приверженцев этой доктрины, (2) новые ценности, провозгласившие накопление богатства неустанным трудом богоугодным делом, изменили характер экономического поведения людей, а (3) новый тип экономического поведения, ориентированного на производство прибыли и накопление богатства, способствовал утверждению и развитию капитализма. К сожалению, в повествовании Манна, во многих случаях описание такого рода социальных механизмов отсутствует. Рассмотрим, например, его теорию распространения христианства. Согласно Манну, христианство явило собой способ разрешения пяти противоречий, существовавших в Римской империи: универсальность-партикулярность, равенство-иерархия, децентрализация-централизация, космополитизм-однообразие и цивилизация-милитаризм [12, с. 306-307]. Далее ученый утверждает, что христианство не являлось религией бедняков и подробно описывает, как христианство распространялось через разнообразные социальные сети. Однако все это так и не объясняет, почему люди принимали христианство. Кризис идентичности звучит как слишком современное объяснение. Кроме того, неясно, почему этот кризис возник именно в данную эпоху и в чем конкретно он выражался [13]. Еще один пример – теория возникновения территориальных государств в эпоху средневековья. Манн утверждает, что экономическое развитие в эпоху позднего средневековья требовало административного регулирования, которое христианская церковь уже не могла предоставить. Был необходим ин-

ститут, который мог бы организовать рынки, регулировать контракты, организовывать продажу земли, предоставить гарантии неприкосновенности собственности, способствовать увеличению капитала. Допустим, что так оно и было. Однако опять-таки непонятно, кто именно предлагал и продвигал такого рода нововведения. Кто конкретно мог быть в них заинтересован?

Наконец, самый главный момент. Манн рассматривает структуры власти как равноположенные, хотя и перекрещивающиеся и взаимодействующие. На определенных этапах развития, то одна, то другая структура власти (идеологическая, экономическая, политическая, или военная) выходит на первый план и инициирует структурные изменения. Нетрудно заметить, что такой эвристический подход сам по себе мало что дает. Напрашивается вопрос – а разве может быть как-то иначе? До тех пор пока не выявлен устойчивый, репродуцируемый механизм взаимодействия властных сетей, данный подход остается не более чем удобным способом организации исторического материала, но не более того. Это, разумеется, не означает, что приоритет должен быть отдан какой-то одной структуре власти, например экономической. Вполне возможно, что на разных этапах мировой истории, то одна, то другая структура власти выходили на первый план. Однако в таком случае следовало бы вероятно объяснить, почему это происходило. В любом случае, трудно избавиться от ощущения, что что-то очень важное отсутствует в повествовании Манна.

По мере того, как повествование подходит к концу, понимание того, что именно в нем отсутствует, становится более отчетливым. Структуры власти формируются и функционируют в определенных пространственно-географических параметрах и потому не могут быть абстрагированы от них. Примечательно то, что в первом томе, обсуждая процесс *самозамыкания* ранних сообществ в речных долинах, Манн подчеркивал роль природно-географического фактора, однако впоследствии этот фактор исчезает из его поля зрения. В силу этого, дискуссия ряда процессов теряет историческую конкретику. Рассмотрим, к примеру, цивилизационный прорыв Европы и формирование капитализма в эпоху позднего средневековья. Как объясняет этот генезис сам автор? Два процесса, по его мнению, создали предпосылки для цивилизационного прорыва Европы. Во-первых, политическая «закупорка» Европы на востоке в силу распространения ислама и военно-политического давления монголов (здесь географический фактор пока

присутствует) и, во-вторых, интенсивное аграрное и торговое развитие на Западе, обусловленное нормативным умиротворением христианства, преобладанием относительно небольших феодальных государств и наличием многообразных полуавтономных сетей экономических отношений, вовлекающих в свою орбиту крестьян, феодальные усадьбы, городские торговые и ремесленные гильдии [12, с. 510].

Рассмотрим подробнее второй процесс – интенсивное аграрное и торговое развитие на Западе. Что касается сельскохозяйственного развития, которое было охарактеризовано выше, несомненно то, что интенсивное аграрное развитие с 800 по 1200 гг. явилось важной предпосылкой для более позднего экономического прорыва, но не более чем предпосылкой. Что же касается торговли, особенно межрегиональной торговли, развитие которой, по мнению многих историков, и привело впоследствии к утверждению раннего капитализма, то обсуждение торговых отношений занимает в книге удивительно мало места. Единственное, что отмечает Манн, так это то, что основные европейские торговые пути, связывающие северную Италию и регион, который охватывает ныне Бельгию, Голландию, северную Францию и северную Германию, т.е. два наиболее развитых региона, проходили по местам, где власть феодалов была слаба и их возможности контролировать торговлю были соответственно ограничены. В этом заключается, на наш взгляд, главное упущение автора. Видимо желая дистанцировать себя от исследователей миросистемы, Манн не рассматривает природно-географическую специфику Европы и развитие мореплавания как решающего фактора в развитие торговли. А ведь в начале первого тома автор приводит очень интересную статистику транспортных издержек в Риме во времена императора Диоклетиана. Стоимость перевозок грузов речным транспортом была в 5 раз выше стоимости перевозок по морю, а стоимость транспортировки повозками по суше была в 28-52 раза выше стоимости перевозок по морю [12, с. 136]. Если эти пропорции и изменились в средние века, то, скорее всего, в сторону дальнейшего удешевления морских перевозок (в силу перехода в двенадцатом веке от весельного к парусному мореплаванию). Это означает, что большая часть перевозок «товаров повышенного спроса» осуществлялась водным транспортом.

В географическом отношении, европейская цивилизация имела три серьезных преимущества в сравнении с восточными цивилизациями. Во-первых, Европа располагала чрезвычайно длинной и извилистой береговой линией и многочисленными реками, пригодными для навигации. Фактически, в Европе было два больших внутренних моря, Сре-

диземное море и Северо-Балтийская акватория (включавшая Северное и Балтийское моря). Интенсивное мореплавание в Средиземном море началось еще в эпоху античности и не прекращалось в раннее средневековье. Во-вторых, континент был наделён чрезвычайно разнообразным набором ресурсов, включая уголь, железную руду, древесину, смолу, изделия из кожи, пушнину, лен, коноплю, зерно, вино, соль, рыбу, китовое масло, мёд и т.д. Разнообразие ресурсов позволяло успешно торговать с Востоком и импортировать экзотические товары, предназначенные для потребления знати. Для того, чтобы иметь средства для покупки роскоши, феодалы заменяли столование и военную службу своих вассалов на денежные платежи. Вассалы, в свою очередь, должны были собирать денежный оброк с крестьян, которым необходимо было вывозить свою продукцию для продажи на местных рынках и ярмарках. Таким образом, происходило проникновение товарно-денежных отношений в европейскую феодальную экономику. В-третьих, наличие многочисленных горных хребтов (Альпы, Пиренеи), непроходимых болот и островов препятствовало завоеванию континента и установлению централизованной имперской власти, как это произошло на Востоке. Вместо этого, в Европе утвердилось то, что Манн назвал децентрализованной многосубъектной цивилизацией, состоящей из множества конкурирующих между собой независимых государств [14].

До конца пятнадцатого века, средиземноморские города-государства Венеция, Генуя, Флоренция были главными центрами европейской торговли, ремесел и финансов. По мнению некоторых историков, по сравнению с этими городами современный капитализм не привнес ничего нового. Денежные банкноты, кредитование, банки, фьючерсы, бюджет – все эти институты капитализма возникли изначально в Генуе и Венеции. Тем не менее, экспансия турок, приведшая к падению Константинополя в 1423 г., привела к постепенному вытеснению венецианцев из восточного Средиземноморья и, в конечном счете, упадку Венеции. Центр торговли перемещается на запад (в это время возвышается Португалия) и в особенности в регион второго европейского внутреннего моря – Северо-Балтийской акватории. Брюгге и Антверпен, а впоследствии Амстердам и Ганзейские города становятся главными центрами межрегиональной торговли. Смещение торговых путей на запад и все более дальние экспедиции мореплавателей в Атлантике ведут к открытию Америки Христофором Колумбом и морского пути в Индию Васко да Гамой. Развитие торговли все более приобретает трансконтинентальный характер, а европейская миросистема расширяется, охватывая

все новые торговые форпосты и колониальные владения. Развитие торгового капитализма приобретает все более широкий характер и беспрецедентный динамизм, разлагая традиционные институты феодализма.

Второй момент, который требует, на наш взгляд, более глубокой и детальной проработки, касается недавних (и все еще продолжающихся) экономических и политических преобразований в Китае и России. Манн полагает, что бывшее руководство СССР выбрало крайне неудачную стратегию реформ, ориентированную на политические изменения, в то время как китайское руководство, сконцентрировавшись на сохранении управляемости общества и на постепенных экономических преобразованиях, выработало и реализовало на практике более успешную стратегию. Оценивая реформы Горбачева, он утверждает: «Падение [социализма] сопровождалось ошибками, случайностями, и непредвиденными последствиями. Пост фактум, скольжение по наклонной плоскости вниз создает впечатление неизбежности, несмотря на то, что более решительные действия, особенно следование китайском пути – вначале экономика – политика потом – могли принести иной результат. Горбачевские ошибки сыграли в этом процессе важную роль» [8, с. 198]. Поскольку данная оценка созвучна широко распространенному мнению о роли Горбачева в современной России, то имеет смысл проанализировать более широкий контекст преобразований в двух странах, учитывая не только субъективно-личностные, но и объективно-структурные факторы.

Несмотря на то, что СССР и КНР к концу 1970-х – началу 1980-х гг. представляли два крупнейших оплота государственного социализма, между двумя государствами существовали принципиальные различия. Когда Дэн Сяопин начал процесс реформирования экономики и общества в 1979 г., прошло всего тридцать лет с победы китайской революции. Китайское общество во многом еще сохраняло дух предшествующей революционной эпохи. Политическая бюрократизация и догматический ритуализм не достигли такой степени как в СССР, партийные кадры не утратили здорового крестьянского прагматизма, а общество сохраняло свою собственную динамику и внутренние импульсы развития. Несмотря на определенные успехи на пути индустриализации и урбанизации, большинство населения продолжало жить в деревне и было занято в сельском хозяйстве. Образованный средний класс, избавленный от старых специалистов в годы культурной революции и состоящий в основном из выдвиженцев снизу, был проникнут идеологией маоизма и прочно интегрирован в политические структуры власти. Начало постепенных реформ в сельском хозяйстве, главной отрасли

экономики, было логичным шагом на пути экономической модернизации и не требовало кардинальных изменений в политической системе и идеологии. Успех первоначальных реформ создал предпосылки для более глубоких изменений. Роль внешнеполитического фактора в осуществление реформ была незначительной. Китай следовал своим собственным путем модернизации и достиг на нем значительных успехов.

Когда М.Горбачев стал Генеральным Секретарем ЦК КПСС в 1985 г., внешне СССР был мощной индустриальной державой, завершившей переход к «зрелому социализму» и развивавшейся «на своей собственной основе». Доля городского населения (особенно в РСФСР) была достаточно высока; большинство населения было занято в промышленности, строительстве и на транспорте. Экономика страны держалась на крупных предприятиях-монополистах, многие из которых выпускали продукцию военного назначения. Роль сельскохозяйственного производства и доля сельского населения сокращались. Молодежь покидала деревню, а сельское население старело. Степень бюрократизации партийно-государственного аппарата и догматического ритуализма была очень высока. Разветвленная система государственного патернализма обеспечивала рабочих и служащих социальными благами, в то время как роль личной инициативы снижалась. В то же время, в стране сложился достаточно многочисленный городской средний класс, чей уровень образования и общей информированности все более часто вступали в противоречие с закостеневшими догмами и ритуалами официальной идеологии.

В этих условиях, реформы сельского хозяйства могли, вероятно, принести определенный результат, однако, главная проблема заключалась вовсе не в сельском хозяйстве, а в замедлении роста производительности труда и научно-технического прогресса в промышленности, особенно в сопоставлении с соответствующими показателями в странах Запада. Поэтому изначально основной упор делался на активизацию человеческого фактора и ускорение развития, прежде всего, в промышленности. Очень скоро, однако, реформы встретили сопротивление административно-командной системы и обслуживающего ее идеологического аппарата. Поскольку существующие институты были легитимизированы устоями коммунистической идеологии, дальнейшие преобразования не могли идти вперед без переформулирования этих устоев. Поэтому и была сформулирована новая модель социализма, предполагающая свободу дискуссий и известную степень плюрализма. Отказ от насилия и переход к свободе дискуссий привел к идеологической мобилизации образованного среднего класса, чей культурный капитал к

этому времени был на порядок выше, чем у номенклатуры. В итоге, номенклатура утратила монополию идеологической власти и, впоследствии, поддержку значительной части общества. Когда партийная верхушка попыталась осуществить путч в августе 1991 г., она была уже полностью деморализована. Могли ли реформы в СССР быть осуществлены иначе? Вероятно да, но вариации были бы незначительными. Проблема заключалась в том, что, в отличие от коммунистического Китая, советская индустриально-патерналистская система не могла быть реформирована без серьезных структурных изменений политических и идеологических институтов. Гибридные институциональные формы (например «социалистическая рыночная экономика») не работали и лишь усугубляли экономический кризис. К концу 1991 г. они полностью исчерпали себя.

В заключение, следует отметить, что, несмотря на имеющиеся концептуальные слабости и упущения в историческом анализе, многолетняя работа Майкла Манна представляет серьезный интеллектуальный прорыв. Главная заслуга социолога – отход от скоропалительных обобщений и одномерных концепций исторического процесса. В этом смысле, Манн действительно сродни Макс Веберу, который также утверждал, что такого рода обобщения (что первично, а что вторично) весьма преждевременны. Вместе с тем, это, разумеется, далеко не окончательный вердикт истории. Вполне возможно, что в будущем ученые смогут идентифицировать относительно устойчивые механизмы взаимодействия властных структур и перевести историческое повествование на более высокий уровень обобщения. Надеюсь, что это сделает возможным конденсацию исторического материала в более компактной теоретической форме.

Примечания:

1. Hobson J. M. Mann, the State and War, in John A. Hall and Ralph Schroeder (eds.) *An Anatomy of Power: The Social Theory of Michael Mann*. Cambridge: Cambridge University Press. 2006.
2. Следует отметить, что власть, согласно Манну, это не столько принуждение, сколько коллективная способность достижения определенных целей.
3. Оба принципа, как и следовало ожидать, вызвали возражения некоторых социологов. Так, касаясь отрицания Манном полезности понятия общества, патриарх сравнительно-исторической социологии, Баррингтон Мур, усомнился в том, проходил ли Манн таможенный досмотр в своих путешествиях по миру и заметил ли он при этом наличие государственных границ (Moore 1988: 170). Другие социологи усомнились в правомерности выде-

- ления военной власти в самостоятельную структуру, традиционно полагая, что военная сила – лишь способ достижения политических целей (Poggi 2006).
4. Данная дата (1760 г.) выбрана как окончание десятилетия, непосредственно предшествующего началу промышленной революции в Англии.
 5. Манн, тем не менее, отвергает “гидравлическую теорию” восточного деспотизма Карла Виттфогеля, утверждая, что Виттфогель преувеличил масштабы централизованной ирригации и возможности инфраструктурной власти в древнем Китае и, кроме того, применил эту модель к сообществам, где централизованная ирригация не была развита (например, Древний Рим).
 6. Классовая теория рассматривает государство в качестве политического инструмента господствующего класса. Плюралистическая концепция полагает, что государство балансирует интересы различных групп общества. Элитистская теория отождествляет государственную власть с правящей элитой общества. Институциональная теория рассматривает государство как совокупность исторически сложившихся и относительно устойчивых институтов, возникших для решения определенных проблем.
 7. Mann M. *The Sources of Social Power. Volume III: Global Empires and Revolutions, 1890-1945.* - Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
 8. Mann M. *The Sources of Social Power. Volume IV: Globalizations, 1945-2011.* – Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
 9. Moore B. Jr. *Review of the Sources of Social Power. Volume I: A History of Power from the Beginning to AD 1760 // History and Theory.* – 1988. – №27.
 10. Лишь в двух случаях Манн возвращается к анализу идеологии как фактора исторических изменений. В первом случае, это его критика культурологических концепций французской революции, преувеличивающих, по его мнению, роль идей в революционном процессе. Во втором случае, это анализ возникновения европейского фашизма в первой половине XX века, идеологического, по мнению Манна, движения.
 11. Coleman J. *Foundations of Social Theory.* Cambridge, Mass. 1990.
 12. Mann M. *The Sources of Social Power. Volume I: A History of Power from the Beginning to AD 1760.* - Cambridge: Cambridge University Press. 1986.
 13. Сходная проблема с постулатом о позитивной, нормативно-регулирующей роли христианства в эпоху средневековья. Не совсем понятно, в чем конкретно она заключалась. Немало социологов утверждало, что господство монотеистических религий, напротив, сопровождалось усилением идейной нетерпимости и насилия в жизни общества (Collins 1974, Moore 2000). В своей рецензии на первый том “Социальных источников власти” Баррингтон Мур отметил: “Мое весьма поверхностное изучение истории европейского средневековья оставило стойкое впечатление, что “нормативное умиротворение христианства” просто-напросто никогда не работало” (Moore 1988: 173).

14. Jones E. The European Miracle. - Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

Сведения об авторе:

Осинский Павел Иванович – доктор философских наук, ассистирующий профессор департамента социологии Аппалачского государственного университета, г. Бун, США, e-mail: osinskyp@appstate.edu.

Data on author:

Osinskiy Pavel Ivanovich – doctor of philosophy science, assistant professor, department of sociology, Appalachian State University, Boone, USA, e-mail: osinskyp@appstate.edu.

УДК 323: 329

© Ежи Никиторович
Белосток

СПЕЦИФИКА ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТИ ЧЕЛОВЕКА ПОГРАНИЧЬЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ТРЕБОВАНИЙ МНОГОКУЛЬТУРНОСТИ

Статья посвящена концепции многокультурности, которая опирается на вопросы культурных различий в пределах обществ отдельных стран, частью которых являются такие меньшинства, как языковые, этнические, религиозные, которые требуют определенных прав.

Ключевые слова: коммуникация, многокультурность, многоязычие, этнические движения.

Ezhi Nikitorovich
Belostok

SPECIFIC FACTORS INFLUENCING HUMAN INTELLIGENCE IN BORDER REGIONS IN THE CONTEXT OF THE CONTEMPORARY DEMANDS OF MULTICULTURALISM

The article explores the concept of «multiculturalism», one approach to matters of cultural difference within societies and individual countries wherein various groups, be they in the linguistic, ethnic or religious minority, demand certain rights be respected.

Key words: communication, multiculturalism, multilingualism, ethnic movements.

Со времени появления человечества мир характеризуется наличием многих культур, поэтому явление многокультурности не является новым, оно постоянно развивается и приобретает новые формы в процессе постоянной общественной коммуникации. В этом процессе возникали проблемы понимания, дилеммы сосуществования. Таким образом, концепция многокультурности опирается, прежде всего, на вопросы культурных различий в пределах обществ отдельных стран, частью которых являются такие меньшинства, как языковые, этнические, религиозные, которые требуют определенных прав [1, s. 19-20.]. В связи с вышеприведенным понятием этот термин соединяется с многонациональностью, двукультурностью, двуязычием, многоязычием и т.д.

Современная многокультурность является многофакторной и разномасштабной и может быть определена следующим образом: территориально, в контексте проживания издавна на определённом пространстве; процессуально, в контексте возникающих различий, активизации этнических и национальных движений, образования новых независимых государств; в контексте миграции и происходящих процессов демократизации, либерализации и субъективности, которые вызвали чувство обособленности и создания собственного «Я» и привели к формированию многомерной, двойной, рассеянной или расщепленной тождественности.

Начиная с плюралистической перспективы в интерпретации окружающей нас действительности, я полагаю, что теперь общества более многокультурны, а в будущем будут ещё более многокультурны, что требует наличия определённой государственной политики и местного самоуправления, которые будут регулировать межкультурные отношения [2, s. 33].

Нельзя в мультикультурном обществе принимать во внимание только точку зрения меньшинства, так же как нельзя рассматривать в качестве единственно правильной точку зрения большинства [3, s. 11-25]. Мультикультурное общество открывает и осуществляет процесс сотрудничества и взаимодействия на основе партнёрства, принимая меры для снижения напряжённости и конфликтов, так и для поддержки сравнения перспектив и возможностей различных групп. В многокультурном обществе мы встречаем общественные группы с различными программами, идеями и ценностями, но также важно функционирование на основе вневременных и наднациональных ценностей, необходима также лояльность по отношению к установленному государством закону.

Предполагая, что общества становятся более многокультурными, создавая сложный и разнообразный процесс социального взаимодейст-

вия и социальных изменений, я ссылаюсь на основное положение теории социализации, которое рассматривает человека как объект, способный к социальному действию, в результате адаптации к материальной и общественной окружающей среде и путём активного участия в ней [4, s. 17]. Принадлежность к группе, региону, обществу открывает много сторон восприятия и описания самого себя [5, s. 2]. Именно в этом я вижу специфику интеллигентности человека пограничья культур. В разработанной концепции человека пограничья, я полагаю, что каждый из нас – это неповторимая индивидуальность. Непрестанно меняясь в каждом из аспектов жизни (биологическом, социальном, психологическом, культурном, религиозном, интеллектуальном, экономическом и т.д.) и одновременно оставаясь тем же самым человеком, формирование человека является результатом социализации и аккультурации.

В связи с вышесказанным, я применяю антропологический подход, предполагая, что нахождение в отношениях с другими людьми является основной чертой человеческого существования. Поэтому, важное значение имеет желание и необходимость наблюдения, изучения, понимания, обмена, сотрудничества и взаимодействия, благодаря чему человек понимает себя и одновременно других. Нельзя не заметить и в этом подходе, концепции символического интеракционизма, в котором личность образует свою тождественность, ссылаясь на группу, членом которой она является. *G. Mead* указывал на тождественность, как связь двух лиц «Я» – «Я» взаимодейственного-предметного и «Я» субъективного. Эти лица формируются в процессе диалога – внутреннего и внешнего.

Как отметил Н. Вересов, вслед за Л. Выгодским, каждая функция развития ребёнка проявляется дважды: сначала в социальных отношениях между людьми (интерпсихически), а дальше внутри (интрапсихически) в пределах интрапсихической системы самоорганизации человека. Итак, сначала в качестве коллективной общественной деятельности (внешний диалог), а затем в индивидуальной деятельности (внутренний диалог). Л. Выгодский указывал, что (...) каждая высшая психическая функция, прежде чем станет внутренней психической функцией, ранее была общественным соотношением между двумя людьми. (...) Все психические функции это интернализованные общественные отношения» [6, s. 49].

Насколько важен этот вопрос, какое значение, относящееся к развитию имеет для образования тождественности человека, мы можем заметить в герменевтической мысли и понимающей социологии, где внимание уделяется не получению состояния, а процессу. Человек естест-

венно «погружён» в родную культуру и бессознательно наследует, что, однако влияет на то, как он воспринимает мир, ищет содержание, интерпретирует, какое придаёт значение, как понимает себя и других. Понимание и осознание представляются важными для герменевтики, а достижение этого происходит путем постоянного диалога, что обуславливает человеческое существование в мире [7, s. 413].

С одной стороны, можно предположить, что чем больше накапливается различий в обществе, создаются новые вопросы, связанные с требованиями взаимодействия, тем чаще может происходить конфликт культур. С другой стороны, конфликт в многокультурном обществе зависит не от существующих различий, а от процессов взаимного узнавания друг друга, понимания и диалога с другими, как условия собственного развития. Таким образом, я принял и придерживаюсь в образовании перспективы межкультурности и парадигмы «сосуществования» межкультурного диалога, организуя в течение многих лет регулярные конференции на тему «Межкультурного образования» [8].

Предполагая, что многокультурность – это общественный факт, а межкультурные общества это цель, особенно важной образовательной задачей перед ростом скрытого национализма, фанатизма, ксенофобии, мегаломании, раскрывающейся агрессии, дискриминации, терроризма и т.д., является достижение общих человеческих ценностей. Образование не диктует, но помогает узнать самого себя и узнать других на основе взаимного опыта и понимания отличий. В результате суть этого процесса, ведущего к образованию многокультурных обществ, переход от реакции на отличие, когда часто встречается отсутствие понимания, мегаломания, ксенофобия, предубеждения, базирование на стереотипах и т.д., к интеракции на отличие, то есть преднамеренного ознакомления, понимания, взаимодействия, переговоров, постоянного диалога, который понимается, как императив развития человека и сохранения мира во всем мире.

В этом контексте, я анализирую многокультурность в процессе перехода к многокультурному обществу и рассматриваю этот процесс как:

1. явление – эмпирический факт, сосуществование в данном обществе культурного дифференцирования в той или иной степени с различными последствиями, начиная с открытых конфликтов к толерантности и диалогу сосуществования

2. явление – сознательный факт, то есть определение собственной принадлежности к определённой культуре, признание её стандартов,

ценностей с возможностью тождественной рассеянности в нескольких культурах, амбивалентности, многоформатной тождественности.

3. явление – идеологический факт, то есть признание этически-моральных обязательств по отношению к другой культуре, поддержание среды рекомендуемых, функционирование организаций, ассоциаций, фондов, с целью взаимопонимания, сотрудничества, воспитания для мира, развития и реализации идеи политической корректности, культурного релятивизма, диалога и толерантности и т.д.,

4. явление – образовательный факт, создание системы образования, развитие межкультурного диалога в рамках проектов и программ, которые формируют отношения открытости и соглашения с другими культурами, опыт

5. разницы культур и повышение внимания к ней.

В формирующихся многокультурных обществах, где происходят все эти факты-явления, они наблюдаемы явно или незначительно. Их формирование, функционирование и качество могут способствовать возникновению межкультурного явления-факта и многомерной тождественности человека. Это будут социальные факты, общие для многих групп, которые функционируют в данном обществе и переходят в традицию взаимопонимания, диалога, принципов создания мира, несмотря на различия, так и через различия. Они могут действовать на нескольких уровнях: в материальной сфере (технология, экономика), цивилизации (общественная жизнь, национальная, государственные, национальные ценности, церкви и государства, движения, покровительствующие меньшинства) и в духовной сфере (науке, искусстве, литературе, изобразительном искусстве, музыке, религии, движениях в защиту духовных ценностей). Это, однако, требует специфической интеллигентности человека пограничья, отсутствие которой приводило раньше и теперь к трагедиям людей и их культур.

Полученные выводы в исследованиях многокультурности убеждают в том, что особенно важной проблемой является необходимость разработки новой концепции культурных знаний о себе и других, что может и должно принять межкультурное образование [9, с. 7-18]. Кажется, что она необходима по отношению к динамичным, непредсказуемым событиям многокультурного мира, важна по отношению к опытам, анализам, исследованиям и эффектам, полученным во время образовательной практики в этой области. Мы видим более явно, что социальная политика, применяемая до сих пор в сфере управления многокультурностью, уже не дает результата. Стратегия ассимиляции, либеральной многокультурности, гражданской интеграции оказалась неудачной. Не

сформировались механизмы, создающие многокультурные общества на принципах открытости и терпимости к различиям, а возникли важные индивидуальные и групповые культурные, экономические, юридические, психологические, моральные и другие проблемы, которые являются вызовом для межкультурных отношений, ориентированных на открытость, переговоры и постоянный диалог. Таким образом, особенно важным в межкультурном образовании считаю выработку особой интеллигентности человека, которая соединяет наследственную социальную тождественность с постоянно образующейся, индивидуальной тождественностью; интеллигентности, проявляющейся в умении адаптироваться к меняющимся, неожиданным и динамичным обстоятельствам и задачам, а также навыкам понимания людей и самого себя в общении с ними, управления эмоциями, и включения их в изучении Других.

Я считаю, что категория межкультурности, не отягощённая отрицательными коннотациями, отличается от либеральной многокультурности или *«komunitarystycznej»* [10]. В течение нескольких лет, руководя кафедрой межкультурного образования университета в Белостоке, я организую и выполняю действия и описываю их последствия в контексте концепции «пограничья культур», противодействуя этноцентризму и агрессивному, фундаменталистичному социоцентризму, гегемонии собственных ценностей, ксенофобии, мегаломании, национализму, дискриминации, расизму, сегрегации, фанатизму и т. д.

К границам и пограничью я отношусь, как к объединённому явлению, также как к многокультурности и межкультурности. Границы соединяются с многокультурностью, реакцией на факт существования многих культур, которые могут разделять, вызывать тревогу, предубеждения, стереотипы, отторжение, маргинализацию и т.д. Пограничья – с межкультурностью – взаимодействием, совместным интересом, толерантностью, с пространством взаимопроникновения и заимствования и одновременно защиты собственных, исконных ценностей, с пространством, плодотворным для переговоров, диалога и компромисса. В своих работах я выделяю территориальные пограничья (стыковые и преходящие), пограничья содержащиеся в культуре, интерактивные и личные – внутренние, связанные с состояниями, актами сознания человека [11]. Насколько трагические могут быть эти состояния сознания мы убедились недавно, после теракта, совершенного А. Брейвиком, который указал в своём манифесте, что многокультурность приводит к саморазрушению. Чтобы остановить это большое варварство, он сделал малень-

кое, и поэтому не убивал невинных детей, но наивных и пропагандирующих определённую доктрину активистов многокультурности.

Я думаю, что с точки зрения современной многокультурности был потерян многогранный, творческий человек, его наиболее важные черты стали «заключены», его внутреннее сознание и чувства подверглись маргинализации. Создание тождественности человека, понимающего другого человека это результат социальных взаимодействий. Из этого предположения выходит теория социальных сравнений Леона Фестинджера, принимая, что потребность оценки взглядов и поведения вписана в характер человека и она необходима для создания собственного образа. Без постоянной конфронтации трудно определить свои возможности и умения. Для этого необходимы социальные сравнения с другими, которые имеют определённые черты, знание, умения, к чему не побуждает и не мотивирует релятивизм и политкорректность. Не поощряет также к сравнению с похожими людьми, а это помогает в адекватном построении образа самого себя и, как подчёркивает Л. Фестинджер, повышает оптимизм, самодовольство и положительную самооценку [12, s. 253].

Таким образом, я обращаю внимание в своих работах на ведущие стандарты в процессе создания интеллигентности человека пограничья [13]. К ним относятся:

- умение быть самим собой путём постоянного образования и приобретения способности к критическому самоанализу и своей традиции – (знать самого себя, ощущать ценности собственной тождественности, формировать в себе умение руководить своим собственным развитием и управлять тождественностью в мире культурной неоднозначности). Отсюда, я обращаю особое внимание на создание семейно-местной тождественности через укоренение в культуре, образующей местный патриотизм, как корень – основу гражданского патриотизма.

- желание использовать опыт Других и действовать совместно, способность поставить себя в ситуацию человека, отличающегося от нас, способность вообразить, (учиться жить вместе, приобретать навыки гармоничного сосуществования в многокультурных сообществах, обогащаться друг другом, замечать других, узнавать, сотрудничать, стараться понимать и понять, эффективно действовать, чтобы сохранить и создавать мир).

- необходимость знать о себе и о других, формировать взаимное уважение к себе и к другим людям, уменьшать стереотипы и предрассудки через симметричное узнавание самого себя, контролировать отрицательные эмоции (способность понимания культурного разнообра-

зия мира и правильности соотношений и культурного контакта, необходимость приобретения культурной компетентности и использования ее в различных ситуациях).

Я считаю, что специфика интеллигентности человека пограничья – это способность адаптироваться к новым обстоятельствам и задачам, способность ориентироваться и контролировать процессы адаптации и аккультурации. Указанные и реализованные в работе кафедры межкультурного образования правила – нормы, связанные с приобретением опыта, выводами о соотношениях, выводами о взаимозависимости, являются основой для построения тестов интеллекта (*Неска, Интеллигенция. Генеза-Структура-Функции, Гданьск, 2003 г.*). Интеллигентность человека пограничья – это самый важный элемент социальной интеллигентности, связанной с умением понимать людей и эмпатического поведения. Социальная интеллигентность была определена Э. Тхорндиком в 1920 г. как умение понимания людей и умного поведения с ними. Социальные способности были включены в модель интеллекта Дж.П. Гилфорда и концепции Р.Дж. Стернберга. Их суть это – декодирование, планирование и выполнение. Она также связана с эмоциональной интеллигенцией, связанной с управлением эмоциями, включением эмоций в процесс мышления, также важные связи с практической интеллигенцией, способностью к решению проблем сосуществования с другими людьми и их культурами. Следовательно, я уверен, что человека пограничья можно анализировать в контексте разнообразных интеллектов представленных Г. Гарднером (лингвистически-языкового, логико-математического, музыкального, визуально-пространственного, телесно-кинестетического, интерперсонально-внешнеличного, интраперсональный-внутриличностного, естественного, экзистенциального) [14].

В связи с явлениями многокультурности спецификой интеллигенции современного человека пограничья и одновременно вызовом межкультурного образования является одновременное формирование нескольких направлений развития человека и его культуры. Во-первых, направление традиции и местной культуры (другими словами – культурное и историческое наследие региона), знакомство и уважение к людям, значимым авторитетным в регионе, а также направление, связанное с приобретением семейно-местно-приходской тождественности, пониманием и знанием родной культуры (язык-диалект, религия-вероисповедание, история региона, обычаи, предания, сказки, легенды, обряды, ритуалы, нормы, ценности и символы, и т.д.).

На данном этапе наступает «программирование» человеческого разума [15], которое имеет особое значение для адаптации в этом направлении и приводит к восприятию своей и других культур. Здесь формируются и развиваются образцы отношений между человеком и его собственной группой, здесь определяются и учатся роли, усваиваются ценности, символы, культурные нормы.

Во-вторых, направление национальных культур и формирования национальной тождественности, познания и усвоения элементов национальной тождественности (язык, национальная культура – материальная и духовная, выдающиеся деятели истории и современности, общие судьбы и объединяющие события, традиции и обычаи, территориальные связи и т.д.). В-третьих, это направление национальной культуры, касающейся формирования гражданских связей с государством. Познание, понимание и сотрудничество с другими культурами в результате функционирования в формирующемся многокультурном обществе, как эмпирический, возникший из местной культуры или миграции, как и факт идеологический и политический (граждане одного государства-страны, происходящие из разных этнически-национальных групп, одновременно являются гражданами данной страны). Можно в этом случае сказать о паспортной тождественности, налоговой или юридически-формальной. Это особенно важно в формировании отношений к другим людям и их культуре и касается открытости, толерантности и уважения к другим этническим группам и народам, с одновременным ожиданием уважения к культурному наследию. Именно в этом направлении необходимостью является решение важных задач, связанных с нивелированием стереотипов и предрассудков, поиском причин конфликтов, объяснением явлений расизма и фанатизма, этноцентризма и национализма, мегаломании, ксенофобии, проблемы адаптации и ассимиляции, аккультурации и явления миграции и межкультурной коммуникации и т.д.

Действуя в своей собственной культуре, особое значение мы придаём традициям и системе ценностей и символов, на которых опирается наше поведение и отношения к другим. Контакт с другой культурой может привести к разным уровням дискомфорта, может вести к фрустрации и возможности быть непонятым представителями другой культуры. Здесь выявляются межкультурные predispositions и компетенции в виде возможности понимания других, напористости, открытости, умения справиться с трудными ситуациями.

Четвёртое направление, особенно важное в современное время, это направление культурного и цивилизационного диалога (внутреннего и

внешнего), диалога, понимаемого как необходимость для творчества и инноваций, для развития человеческого потенциала и сохранения мира. Это направление, создающее многоуровневую тождественность, направление, образующее содержание пограничья (общее культурное наследие) и осведомленность, приучающая к пониманию и культивированию универсалов, как и наблюдение отличий, понимания их и развития через них и благодаря им, направление, соединяющее, интегрирующее опыт людей и их культуру, разрешающую содействовать в рамках широко понимаемого гуманизма. Современный человек должен приобщаться к культуре, которая подчиняется постоянным, неожиданным и динамичным изменениям перед явлением смешения и культурного заимствования. Его культурное «программирование» не является состоянием «один раз и навсегда», а подчиняется постоянным изменениям и преобразованиям. От этого зависит суть эффективного межкультурного соглашения, преодоление акультурного стресса, который появляется в ситуации столкновения культур и несовместимых друг с другом ценностей.

В этом контексте я хотел бы отметить пятое направление, направление симметричной аккультурации, как результат симметричной мобильности и миграции в мире. В этом случае возникают проблемы отказа от собственной культуры для адаптации к другой, сосуществования между культурами и т.д. Такие ситуации приводят к концентрации усилий на новых задачах, мобилизации усилий и эффективного использования другой культуры, но могут приводить к уходу от заимствований и замыканий в собственной культуре.

В контексте вышесказанного, человек пограничья должен одновременно реализовываться в упомянутых пространствах. Можно их определить как региональный, национальный, государственный и межкультурный (цивилизационно-глобальный). Я убежден, что находясь и действуя между культурами, мы будем принимать меры по преодолению конфликтов и противоречий между ними, чтобы не развиваться в отрыве друг от друга, а, по мере возможности, дополнять друг друга и интегрироваться, что в свою очередь будет способствовать эффективному формированию многокультурных обществ.

Примечания:

1. Gęsiak J., Wielokulturowość. Rola religii w dynamice zjawiska. Kraków, 2007.
2. Подробнее о теме: A. Sadowski, Sterowanie wielokulturowością. Dotychczasowe doświadczenia i kierunki przemian (na przykładzie województwa białostockiego), w: Edukacja międzykulturowa w wymiarze instytucjonalnym. Białystok, 1999.

3. Mucha J., Badania stosunków kulturowych z perspektywy mniejszości, w: *Kultura dominująca jako kultura obca. Mniejszości kulturowe a grupa dominująca w Polsce*, red. J. Mucha. Warszawa, 1999.
4. Подробнее о теме: Klaus Hurrelmann, *Struktura społeczna a rozwój osobowości*, Poznań, 1994; Hartmut M. Giese, *Socjologiczne teorie młodzieży. Wprowadzenie*. Kraków, 1996.
5. Jenkins R., *Social identity*. London and New York, 1996.
6. Там же
7. Подробнее о теме: H. G. Gadamer, *Prawda i metoda*, PIW. Warszawa, 2004.
8. В 2010 году уже состоялась 10-я конференция этой серии «Межкультурное образование - достижения и перспективы». Из предыдущих опубликованы следующие монографии, изданные Издательским домом «Транс Хумапа» Никиторович Е. (ред.) *Межкультурное образование. Вокруг потребностей, ожиданий и стереотипов*. Белосток, 1995; тот же: *Семья перед проблемами межкультурного образования*. Белосток, 1997; Никиторович Е., Собецки М. (ред.). *Межкультурное образование в институциональном аспекте*. Белосток, 1999; Никиторович Е., Собецки М., Мисеюк Д. (ред.). *Традиционные культуры и мировая культура*. Белосток, 2001 г.; *Тожественность. Образование*, под редакцией Е. Никиторовича, Д. Мисеюк, М. Собецки. Белосток, 2005; *Культура нации на окраинах* / под редакцией Е. Никиторовича, Е. Ба-лицки, Е. Мушински. Белосток, 2006; *Этническая принадлежность и гражданственность в новой Европе в контексте межкультурного образования*. Белосток, 2007; *Миграционные процессы в открытом обществе. Перспективы межкультурного образования*. Белосток, 2009; *Сообщества с точки зрения межкультурного образования*. Белосток, 2009; *Межкультурное образование* / под редакцией Е. Никиторовича, А. Садовский, Д. Мисеюк / *Общественные науки*, в 2 ч. Белосток, 2011.
9. Между прочим, эту проблему представляют: Е. Никиторович, От Федерации Коллективов Пограничья к Ассоциации Поддержки межкультурного образования / *Общественных науки*, Т. XVII, Ч. 1, *Межкультурное образование* / под редакцией Е. Никиторовича, А. Садовский, Д. Мисеюк, Белосток, 2011.
10. Подробнее о теме: Maja Biernacka, *Hiszpania wielokulturowa. Problemy z odmiennością*, Wyd. Naukowe Scholar, Warszawa, 2012.
11. Подробнее о теме: Никиторович Е., *Пограничье - Тожественность - Межкультурное образование*. Белосток, 1995; тот же, *Молодёжь культурного пограничья Беларуси, Польши, Украины перед европейской интеграцией. Тожественность, жизненные планы, ценности*. Белосток, 2000.
12. Aronson E. *Psychologia społeczna. Serce i umysł*. Poznań, 1997.
13. Никиторович Е.. *Пограничье - Тожественность - Межкультурное образование*. Белосток, 1995; *Формирование тождественности ребёнка. Проблемы межкультурного образования*. Гданьск, 2005.

Никиторович Е. Специфика интеллигентности человека пограничья в контексте современных требований многокультурности

14. Howard Gardner, Inteligencje wielorakie. Nowe horyzonty w teorii i praktyce, „Laurum”. Warszawa, 2006; Suświłło M., Inteligencje wielorakie w nowoczesnym kształceniu. Olsztyn, 2004.
15. Geert Hofstede wskazuje na trzy poziomy „zaprogramowania” umysłu człowieka jako członka kultury (natury ludzkiej, kultury i osobowości), w: Kultury i organizacje, tłum. Durska M., Polskie Wydawnictwo Ekonomiczne. Warszawa, 2000.

Сведения об авторе:

Никиторович Ежи – доктор гуманитарных наук, профессор, заведующий кафедрой межкультурного образования Университета в Белостоке, Польша, Белосток.

Data on the author:

Nikitorovich Ezhi – doctor of the humanities, professor, the head of the department of cross-cultural formation of University in Bialystok, Poland, Bialystok.

УДК 141

© **В.В. Мантатов**
Улан-Удэ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Парадигма устойчивого развития – это сложная симбиотическая конфигурация консерватизма, либерализма и социализма, цементированная общей целью сохранения земной цивилизации. Миссия социализма состоит в придании цивилизации подлинно-интернационального, глобально-гуманистического масштаба. Миссия консерватизма состоит в сохранении природного и культурного разнообразия, в сбережении народов и мудрости предков. Миссия либерализма состоит в утверждении принципов терпимости и умеренности, согласия и консенсуса в разработке и реализации целей устойчивого развития. Социокультурный выбор России – практический гуманизм, то есть свободное развитие каждого человека, «сознательное творчество народных масс» (В.И. Ленин). Учитывая общемировой тренд на текущий момент, автор выдвигает следующий тезис: ключ от глобального кризиса российского и мирового капитализма – это социалистический проект устойчивого развития общества.

Ключевые слова: устойчивое развитие, социализм, неолиберализм, консерватизм, технологическая революция, культурная революция, общество знаний, социализм с китайской спецификой, русский социализм.

V.V. Mantatov
Ulan-Ude

SOCIALIST PROJECT FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF SOCIETY: THEORY AND PRACTICE

The paradigm of sustainable development is a complex symbiotic configuration of conservatism, liberalism and socialism, being tied by a general objective of preserving the global civilization. The mission of socialism is to give a really international and global human scale to civilization. The mission of conservatism is to preserve natural and cultural diversity, save up the peoples and keep the ancestors' wisdom safe. The mission of liberalism is to approve the principles of tolerance and moderation, agreement and consensus in designing and achieving the goals of sustainable development. Social and cultural choice of Russia is practical humanism that means free development of an individual, or 'conscious creativity of people masses' (V.I. Lenin). Taking into consideration the current global trend, the author is stating that the key to global crisis of the Russian and the world's capitalism is the socialist (humanistic) project for sustainable development of society.

Key words: sustainable development, socialism, neoliberalism, conservatism, technological revolution, cultural revolution, knowledge society, socialism with Chinese specifics, Russian socialism.

*Здесь страх не должен подавать совета,
здесь нужно, чтобы душа была тверда.*

А. Данте

Главное противоречие современной эпохи. Историческая практика подтверждает истину марксизма: «Капитализм крайне опасен. Человечество всё острее нуждается в его преодолении». Даже социализированный капитализм Северной Европы оборачивается разрушением моральных устоев общества, беспределом варварства (убийств и самоубийств), ростом количества иждивенцев и бездельников, не желающих заниматься никаким общественно полезным трудом.

Русский политолог А.Г. Дугин пишет: «Есть сторонники однополярного, западного мира, западной гегемонии, империализма, финансового капитализма, который хочет спасти себя любой ценой, в том числе, и ценой Третьей мировой войны и фактически уничтожения значительной части человечества. Это – наиболее вероятный сценарий; мне кажется, мы его не сможем миновать, хотя надо сделать все возможное для того, чтобы сторонники многополярного мира совершили гармоничную развязку этого фундаментального, абсолютного, беспрецедентного финального кризиса. Для этого надо сплотиться, для этого надо думать, работать, но все пронизано западными сетями влияния – в России, в исламском мире, в Европе, также в Иране есть «пятая колонна»; есть она, конечно же, и в Сербии – слуги западников и атлантистов. Это отягчает возможность наших маневров. Человечество обреченно двигается в бездну, куда его тащат представители мировой элиты – это уже не просто США как отдельная страна – это представители финансового глобального капитала, мировой финансовой олигархии» [1].

По данным многочисленных опросов населения России, проведенных социологическими службами в течение 2011-2012 гг., система ценностей западной гегемонии отвергается абсолютным большинством опрошенных.

«В чем причина чужеродности России и Запада? – спрашивает известный историк А. Фурсов. – Кроме геополитики и геоэкономики налицо цивилизационный, религиозный момент. Ненависть католиков и протестантов к России и православию – это ненависть представителей двух иудайзированных версий христианства к такой, которая наиболее близка к исходной модели... Запад в цивилизационном плане – это живой труп. Закат Западной Европы в лунку истории произошёл. Кого-то волнует отношение мертвецов к живым? Самое главное – помнить о своей культурно-исторической самости и не позволять мерзавцам из-за рубежа и их пятой колонне навязывать нам чужие идентичности (под видом толерантности), чужие ценности и чувство исторической вины» [2, с. 2].

Главное противоречие современной эпохи – это противоречие между глоболизирующим капитализмом, персонифицированным крупным бизнесом и финансовой олигархией, с одной стороны, национальными государствами и человеческими сообществами – с другой.

На мировоззренческом уровне разрешение вышеназванного противоречия между бездушным миром глобального капитала и человеческими сообществами, привязанными к своей земле и своей культуре,

мы связываем со сменой неолиберальной идеологии мировой олигархии на общечеловеческую философию устойчивого развития.

Парадигма устойчивого развития – это сложная симбиотическая конфигурация консерватизма, либерализма и социализма, цементированная общей целью сохранения (выживания) земной цивилизации.

Миссия социализма состоит в придании цивилизации подлинно-интернационального, глобально-гуманистического масштаба.

Миссия консерватизма состоит в сохранении природного и культурного разнообразия, в сбережении народов и мудрости предков.

Миссия либерализма состоит в утверждении принципов терпимости и умеренности, согласия и консенсуса в разработке и реализации целей устойчивого развития.

Устойчивое развитие: от симулякров к реальности. Прежде, чем продолжить этот дискурс, хотел бы сделать одну ремарку. Неолиберализм не имеет ничего общего (кроме названия) с подлинным либерализмом: благородная идея свободы человека скукожена до рыночной свободы личного обогащения, а сам человек здесь представлен только как потребитель, а не как творец.

Историческим либерализмом именуют, как правило, группу идейно-политических течений, которые утверждают возможность совершенствования любых общественных институтов, а критерием общественного прогресса полагают меру свободы личности и общества. Наиболее полным выражением подлинного смысла либерализма является марксистский социализм (коммунизм), согласно которому свободное развитие каждого является условием свободного развития всех.

Основными принципами исторического либерализма являются эгалитаризм, универсализм, инклюзивность. Современный либерализм (неолиберализм) носит узкоклассовый, корпоративный характер; по сути дела, он выполняет лишь функцию идеологического обеспечения интересов финансовой олигархии и крупного бизнеса.

Классический либерализм предполагает умеренность, то есть чувствительность во всем, терпимость по отношению к инакомыслящим – здесь же все наоборот. В неолиберальном дискурсе господствуют всевозможные формы наваждения, ненависти, высокомерия, наведения морока, приклеивания ярлыков (типа «диктатор», «тоталитарист», «душегуб»), а также искажения смыслов всех социально-политических терминов и концепций, таких как демократия, устойчивое развитие, свобода и т.д. Здесь «лингвистическая война» используется как средство самоутверждения и экспансии капитализма.

Классический либерализм отрицает сословно-корпоративное общество, государственный «абсолютизм» и диктат церкви в светской жизни. Неолибералы, выступая на словах за минимизацию роли государства в социально-экономической сфере, на деле используют силу государства и авторитет церкви для поддержания деятельности крупного бизнеса и финансовых структур.

В основе идеологии неолиберализма лежат товарно-денежный фетишизм и, как следствие, зловещий культ потребления. Мир представляется тоталитарным рынком (включая рынок симулякров), а принципы рынка объявляются фундаментом социальной этики и общественных отношений. Неолиберализм есть форма самоуничтожения либерализма – под личиной либерализма здесь проповедуется рыночно-потребительский тоталитаризм. По большому счету нет большой разницы между фашистским тоталитарным режимом и всеобъемлющим рыночным тоталитаризмом. И то, и другое вытекают из логики капитализма – вытравить все человеческое, превратить людей в роботов потребления и власти капитала. И то, и другое – продукты человеческого отчуждения и подмены истинных ценностей симулякрами богатства и власти. Словом, капитализм и фашизм, неолиберализм и тоталитаризм – это «близнецы-братья».

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующий вывод. Неолиберализм по форме является симулякром, то есть как бы либерализмом, а по содержанию – отображением реальности современного финансового капитализма, т.е. «системы продуцирования и потребления симулякров» [3, с. 36].

Почему симулякры завоевывают рынки и подчиняют человека? Анонс ответа на этот вопрос звучит так: «Прогресс технологий и капитала». Экономисты А.В. Бузгалин и А.И. Колганов пишут: «Наиболее значимым с экономической точки зрения оказалось формирование спроса со стороны капитала на симулятивные средства развития, прежде всего различные симулякры денег и иных ресурсов для инвестирования, что стало следствием обострившихся вследствие перенакопления капитала пределов его экспансии. Действительная полезность производимых капиталом s-товаров, содержание их потребительной стоимости состоит в том, что они, эти товары, позволяют снимать ограничения перенакопленного в реальном секторе капитала и получать среднюю и даже большую, чем средняя, норму прибыли в условиях, когда объективные границы реального сектора делать это далее не позволяют. Наиболее яркий пример этого – бесконечное производство s-товаров (деривативов и т.п.) на финансовых рынках. Именно пределы

накопления глобального корпоративного капитала создали необходимость продуцирования симулятивных товаров, т.е. предложение на симулятивных рынках. Сфера «наведенных» потребностей и деятельностей, их производящих и удовлетворяющих, растет грандиозными темпами» [4, с. 38].

Симулякры захватили и сферу политики, и сферу культуры. Фальшивит власть, фальшивит телеиндустрия, фальшивит наука. Труд на благо общества подменили контрактом с работодателем (работой для денег), а культуру – шоу-бизнесом, демократию – капиталократией. «Из патриотизма сделали плакат, из музыки – попсу, из борьбы с коррупцией тоже делают шоу-бизнес» [5, с. 3].

Трансформация капиталистического рынка в рынок симулякров свидетельствует о том, что потенциал капитализма исчерпан, если иметь в виду действительные ценности и реальные потребности человека. Со временем вся мощь капитала, скорее всего, будет направлена на создание искусственного мира, враждебного по отношению к естественному миру, то есть миру природы и миру человека. Об этом предупреждает, в частности, философ В.А. Кутырёв: «Высшая доблесть – «рассказы о высоких технологиях», последних событиях в этой сфере и восторги от предвкушения, что человека будут «совершенствовать», вживляя чипы, соревнуясь, кто больше их вставит, потом вообще заменят на изобретенные им самим конструкты. А должны бы течь слезы, потому что в открытой форме, без стеснения, на передовых рубежах прогресса ведутся толки о том, как люди будут жить в резервациях, если, конечно, новые гибридные поколения и разумные роботы вообще им позволят жить. *Mortido* – влечение к смерти, но чтобы в форме эвтаназии – таков тренд нашего времени» [6, с. 64-65].

Если эта тенденция сохранится и в будущем, то человечество ждет печальное будущее. Человек, который хочет избежать этой участи должен понять, что капиталистическая экономическая система, для которой высшей ценностью является капитал (прибыль), а не человек, в принципе не способна обеспечить человечеству устойчивое будущее.

Совершенно очевидно, и это веление времени, что постепенно концепция устойчивого развития сменит идеологию неолиберализма в качестве ведущей парадигмы цивилизационного развития. Неолиберальная система взглядов и ценностей продемонстрировала полную неспособность осознать происходящее в мире. В отличие от неолиберализма концепция устойчивого развития (в силу своей симбиотической природы) дает адекватное понимание современного глобального мира во всей его сложности с учетом перспектив ноосферного прогресса. Но чтобы

снова не попасть в капкан симулякров, следует освободить устойчивое развитие от неолиберальных коннотаций и искажений, восстановить подлинный смысл устойчивого развития как альтернативы глобально-капиталистическому мировому порядку. Как известно, неолиберализм активно эксплуатирует понятие «устойчивое развитие» в целях обоснования глобально-олигархического «нового мирового порядка», то есть того мира, который философия устойчивого развития прямо отрицает.

Технологическая революция: от экономики симулякров к экономике знаний. Отличительной особенностью современного кризиса глобализирующегося капитализма является бурный рост (и крах) глобальных финансовых пирамид долговых обязательств, которые подпитываются неограниченной эмиссией мировых валют – доллара и евро [7].

Финансовая система мирового капитализма входит в фазу саморазрушения, и это вхождение сопряжено с исчерпанием возможностей социально-экономического развития на основе неолиберальной системы ценностей, сердцевиной которой является зловещий культ денег (капитала). Губительная суть доктрины неолиберализма проявляется и в том, что она является идеологическим оправданием «экономики симулякров» – она уравнивает реальные стоимости с виртуальными, игнорирует последствия трансформации пустых денег в реальные активы [8].

На чем держится власть мировой финансовой олигархии? На либеральном валютном режиме, на эмиссии валюты, на спекулятивном (свободном) рынке, «где деньги делают деньги» [9]. По мнению многих российских ученых (например, Михаила Делягина), финансовая олигархия и крупный бизнес являются главными виновниками глобального кризиса и «кровными врагами» всякого общества, стремящегося к устойчивому развитию [10]. Действительно промышленно-финансовая олигархия (с её бюрократической и информационной службой) превратилась в реакционную силу с точки зрения направленности эволюционного процесса. «Время олигархов безвозвратно ушло». Как показывает практика, никакого устойчивого развития нет, и не может быть в условиях господства нынешнего олигархического режима.

К числу важнейших императивов неолиберального курса олигархического капитализма относится устранение национального государства от решения финансово-экономических проблем. За красивыми фразами о правах и свободах индивида, о либеральном валютном режиме и т.д. скрывается групповой эгоизм мировой финансовой олигархии и ТНК, в частности уход от государственного и общественного контроля [11].

В отличие от идеологии неолиберализма парадигма устойчивого развития ориентирует на формирование системы государственного

планирования и стратегического управления (на принципах целеориентированного системного подхода), на создание финансово-инвестиционной системы, обслуживающей национальные приоритеты и потребности.

В период технологических революций и крупномасштабных перемен, как показывает опыт истории, главными субъектами развития становятся государства; они берут на себя функции прямого управления стратегическими отраслями народного хозяйства, национализируя их и вводя механизмы планирования. Проекты национализации и планирования объясняются стремлением государства не допустить нецелевого использования гигантских ресурсов, выделяемых для модернизации и структурной перестройки экономики. К этой мере прибегают для становления нового технологического уклада посредством кредитования государственными банками государственных компаний. После перевода созданных при поддержке государства хозяйствующих субъектов в режим расширенного воспроизводства они приватизируются, и мобилизующая функция государства в определенной степени сворачивается [12].

В итоговом документе Конференции ООН «Рио+20» сказано: «Важное значение имеют построенная на демократических принципах система государственного управления, повышение ее транспарентности и подотчетности». Конференция ООН «Рио+20» борьбу с коррупцией и движением незаконных финансовых средств как на национальном, так и на международном уровне объявила приоритетной задачей стратегии устойчивого развития. Конференция ООН «Рио+20» призвала все страны мира при определении национальных приоритетов и распределении ресурсов в первоочередном порядке учитывать соображения и установки устойчивого развития (справедливость и инклюзивность, общее благо и равенство возможностей и т.д.) К сожалению, в политической и экономической сферах нашей страны господствует неолиберальная идеология мировой олигархии и капиталократии. Правящий ныне в России класс продолжает проводить политику, выгодную финансовой олигархии, и через средства массовой информации навязывает стране экономические и идеологические симулякры неолиберализма. Не случайно такое планетарное событие, как «Рио+20», осталось незамеченным в российских СМИ.

По авторитетному мнению С.Ю. Глазьева, денежно-кредитная политика и налогово-бюджетная система Российской Федерации не только не стимулируют, но и в определенной степени мешают продвижению стратегии устойчивого развития, в частности переходу от сырьевой

экономики к экономике знаний. Эмитируя рубли исключительно под прирост валютных резервов, и изымая их из внутреннего рынка посредством замораживания нефтегазовых доходов бюджета, они блокируют развитие внутренне-ориентированных секторов экономики, способствуя тем самым сырьевой специализации и деиндустриализации нашей экономики [13].

«Если бы банки довели до реального сектора экономики два триллиона рублей, направленных на их поддержку, – говорит С.Ю. Глазьев, – то у нас сегодня темпы роста ВВП были бы в два раза выше, и мы бы уже вышли на устойчивую траекторию развития. Но эти деньги банкиры использовали в основном для валютно-финансовых спекуляций» [14].

Правящий класс России, состав которого формировался как симбиоз спекулятивного капитала и коррумпированной бюрократии, всё в большей мере становится тормозом устойчивого развития страны. Нынешняя олигархическая власть растрчивает производительные силы, уродует социальный облик страны, углубляет социальный раскол, в который погрузила общество реставрация капитализма. Россия сегодня занимает первое место в мире по неравенству распределения доходов. По данным международных экспертных оценок, на долю 1% россиян приходится 71% всех личных активов РФ; всего 0,2 новоявленных господ владеют 70% собственности в стране. Это абсолютно ненормальная ситуация, и она осуждается абсолютным большинством населения страны. Исследование, проведенное в 2012 г. Институтом социологии РАН, обнаружило, что сильное недовольство устройством жизни в стране испытывают 94% россиян. По данным совместного исследования, проведенного в 2012 г. «Левада-центром» и Центром макроэкономических исследований Сбербанка, 74% опрошенных граждан характеризуют жизнь в России как несправедливую. Выводы этих исследований – вполне определенный «звоночек» правящей олигархической псевдоэлите. Необходимо руководству страны «оторваться от интересов российской и мировой олигархии» (Г.А. Зюганов), пересмотреть курс страны, опираясь на мировой мейнстрим, обозначенный «Рио+20», а так же на общественное мнение и протестное настроение россиян.

Заслуживает всяческого одобрения тот факт, что Президент Российской Федерации В.В. Путин поручил известному экономисту С.Ю. Глазьеву, последовательному противнику неолиберального курса правящего класса, курировать подготовку программы «О комплексе мер по

обеспечению устойчивого развития России в условиях глобальной нестабильности».

Ключевая проблема устойчивого развития России – это согласование мер по слоому олигархо-коррупционного режима со стратегическими задачами формирования нового (шестого) технологического уклада. Основными направлениями формирования нового технологического уклада являются: биотехнологии, основанные на достижениях молекулярной биологии и геномной инженерии, нанотехнологии, системы искусственного интеллекта, глобальные информационные сети и интегрированные высокоскоростные транспортные системы. К ним следует добавить направления – носители нового технологического уклада, представляющие основной спрос на его продукцию: космические технологии, производство конструкционных материалов с заранее заданными свойствами, авиационная промышленность, атомная промышленность, солнечная энергетика.

Наноматериалы обладают уникальными свойствами, создаваемыми целевым образом. Трансгенные культуры многократно снижают издержки фармацевтического и сельскохозяйственного производства. Генетически модифицированные микроорганизмы могут использоваться для извлечения металлов и чистых материалов из горнорудного сырья, революционизируя химико-металлургическую промышленность [15].

Впечатляющие изменения прогнозируются в машиностроении. На основе системы «нанокomпьютер – наноманипулятор» можно будет организовать сборочные автоматизированные комплексы, способные собирать любые макроскопические объекты по заранее снятой либо разработанной трехмерной сетке расположения атомов. С развитием наномедицинских роботов, методов адресной доставки лекарств к пораженным участкам организма кардинально расширяются возможности профилактического лечения, продления человеческой жизни, а также совершенствования человеческого организма и расширения его естественных способностей.

От разработчиков программы устойчивого развития Российской Федерации требуется не только обоснование развития производств нового технологического уклада, но и предельно ясное понимание перспектив экономики знаний. Формирование нового технологического уклада будет сопровождаться превращением науки в непосредственную производительную силу общества, становлением производства как «научного процесса», по выражению К. Маркса, то есть всеобъемлющей интеллектуализацией общественного производства. В итоге будет создан надежный базис устойчивого долговременного развития в форме эконо-

мики знаний, то есть неисчерпаемых ноосферных ресурсов. Это предопределяет ведущее значение для устойчивого прогресса науки, образования и здравоохранения, которые являются базовыми отраслями нового технологического уклада. И, наоборот, сырьевая экономика утратит свое значение локомотива экономического роста в обществе устойчивого развития. Природные ресурсы в силу своей исчерпаемости не могут быть постоянными источниками устойчивого (долговременного) развития.

Культурная революция: от экономики знаний к обществу знаний. В современной западной литературе под «обществом знаний» имеется в виду, как правило, экономика, опирающаяся на системы, основанные на знаниях. Возникает вопрос: «Какого рода знание представляет интерес для этой экономики»? По мнению Э. Агацци, «это, с одной стороны, дигитализуемое, а с другой стороны – знание о наилучшем способе дигитализации знания» [16, с. 11].

Согласно Комиссии ООН по науке и технологии, единственной конкретной характеристикой общества знаний является информационные и коммуникационные технологии для устойчивого развития [17]. Действительно, в странах Запада успешно развивается инженерия знаний, цель которой – «интегрировать знания в компьютерные системы». Это те системы, в которых технология экспертных систем встроена в процесс принятия решений. Невозможно отрицать значимость «экономики, опирающейся на системы, основанные на знаниях» для устойчивого развития мира. Остается, однако, открытым вопрос, почему же в капиталистических странах, где так высоко ценят информационно-коммуникационные технологии и системы искусственного интеллекта, не удастся решить проблему устойчивого развития и остановить системный кризис? «Это приводит нас к осознанию того, что есть обширная область факторов частной и общественной жизни, таких как ценности, нравственные принципы, идеалы, модели того, каким должен быть хороший гражданин, справедливое общество, равномерное распределение благ и возможностей, стандарт жизни, совместимый с человеческим достоинством, уважение к фундаментальным правам человека, которые невозможно вместить в рамки каких-либо технологических инструкций. Эти факторы, однако, не просто дело личных сентиментальных предпочтений или склонностей. Напротив, они всегда были наиболее характерными признаками внутренней сущности и глобальной цельности всякой культуры и цивилизации на протяжении всей истории человечества» [18, с. 16].

Как известно, в технократический образ «общества знаний» не входят гуманитарные знания. Между тем именно эти знания способствуют совершенствованию человеческих качеств и развитию культуры, формируют ценности и цели цивилизационного развития. Только то общество жизнеспособно, в котором присутствуют проекты будущего, ценности и цели, способные придать жизни смысл. Нам нужны вдохновляющие идеалы и ноосферные стратегии, которые могли бы направлять устойчивое развитие, т.е. всесторонний прогресс человечества.

Исходя из вышесказанного, логично предположить, что причиной кризиса, охватившего современную капиталистическую цивилизацию, является отсутствие целостного знания о мире, игнорирование ценностного сознания и культурно-цивилизационных аспектов бытия. Наша позиция заключается в том, что общество знаний можно рассматривать как условие устойчивого развития мира, но при одном условии: сфера знаний будет включать не только технотехнологии, но и знания о человеке и обществе, все культурное наследие человечества.

Классическим образцом общества знаний является древнегреческая цивилизация. Здесь знание представляет не технологическое ноу-хау, типичное для нашего времени, а нечто такое, что помогает совершенствовать нравственные и интеллектуальные качества человека. Отличительной особенностью этой цивилизации является культивирование бескорыстных видов умственных занятий, таких как философия, искусство, этика, математика и т.д., целью которых было внутреннее (духовно-нравственное) обогащение собственной личности, а не внешнее (материальное) обогащение. Известен анекдот об Евклиде, прогнавшем человека, спросившего у него, как он мог бы получить прибыль от геометрии.

Неолибералы много говорят о свободе выбора как о чем-то самом главном в жизни. Это искажение перспективы. Свобода вторична по отношению к знанию, ибо свобода есть осознанная необходимость. Самая главная ценность — это Знание как основа цивилизации, а самый опасный порок — невежество как оправдание варварства.

Современные концепции общества знаний базируются преимущественно на «технологическом применении науки», по выражению К. Маркса. Необходимо согласование научно-технологического и гуманитарно-философского измерений человеческой цивилизации. Словом, идею общества знаний нужно перевести в проект общества, основанного на синтезе научных знаний, интеграции науки и нравственности. Здесь знаки капиталистического преуспевания (деньги, прибыль) должны уступить место ценностям практического гуманизма и созидания.

тельного труда. Основным ресурсом общества знаний является человеческий потенциал, т.е. наличие людей, обладающих творческим мышлением и сильным интеллектом, владеющих современными информационными технологиями. Это означает также, что субъектом перемен станет когнитариат, «работники знаний» (П. Друкер), а главным двигателем – «культурничество» (В.И. Ленин)

Полагаем, что следующей ступенью ноосферного прогресса станет когнитивный социализм. Как отмечал ещё В.И. Ленин, нельзя идти вперед, не идя к социализму. Когнитивный социализм и есть подлинное общество знаний. Есть все основания для того, чтобы считать В.И. Ленина одним из основоположников подлинного общества знаний. Правы авторы книги «Ленин *on-line*. 13 профессоров о В.И. Ульянове-Ленине», которые доказывают, что В.И. Ленин совершил интеллектуальный прорыв в социальной теории, равный идее «индустриального социализма» К. Маркса и Ф. Энгельса [19].

С именем В.И. Ленина связана коренная перемена всей точки зрения на социализм, и эта перемена состоит в том, что «центр тяжести сводится к культурничеству» [20, с. 376]. Во главу угла В.И. Ленин ставит не столько культуру для масс, сколько «культуру самих масс» [21]. Ключевое значение для подъема культуры народных масс имеет всестороннее образование. Знание всех тех достижений и богатств, которые выработало человечество, плюс сознательное творчество высокообразованных масс людей – вот что такое культурная революция, по Ленину. Иначе говоря, «культурничество» и есть смысл подлинного общества знаний, то есть когнитивного социализма. Это подлинно демократическое общество, где каждый человек должен научиться управлять обществом и государством; это подлинно гуманистическое общество, где раскрытие творческого потенциала каждого человека и его свободное развитие являются условием непрерывного общественного прогресса; это общество экологической культуры, развивающееся устойчиво в гармонии с природой.

Основным методом решения проблем построения когнитивного социализма является ненасильственная нравственная революция, или «культурная работа» в масштабах всего общества (в отличие от периода борьбы за власть). В.И. Ленин пишет: «Скажут: вместо насилия Ленин рекомендует моральное влияние! Но глупо воображать, что насилием можно решить вопрос организации новой науки и техники в деле строительства коммунистического общества. Вздор!» [22, с. 56] В послеоктябрьский период В.И. Ленин создает новую «философию политического действия» (И. Пантин), одним из следствий которой является

политика компромисса и конвергенции. Не понятая в свое время, эта политическая философия приобретает исключительную актуальность в наши дни в связи с переходом общества к устойчивому развитию. Путь к устойчивому будущему человечества (в том числе и России) лежит через просвещение и культуру, через компромисс и диалог, через позитивную конвергенцию различных мировоззренческих моделей и социальных структур.

Устойчивое развитие как «связь истории». Конференция ООН «Рио+20» важнейшим императивом стратегии устойчивого развития признала поддержание национальной и культурной идентичности всех народов мира, уважение национального суверенитета каждой страны над её культурными и природными ресурсами. Согласно итоговому документу «Рио+20», каждая страна может выбирать свой путь устойчивого развития в соответствии с национальными планами и традициями. Национальное устойчивое развитие предполагает развертывание внутреннего культурного и человеческого потенциала каждой страны с учетом внешних условий и глобальных проблем человечества. Иначе говоря, стратегия устойчивого развития утверждает гармонию национально-государственных и глобально-планетарных интересов.

Главной целью устойчивого развития любой страны должно стать сохранение земной цивилизации вкупе с поддержанием собственной культурно-цивилизационной идентичности. Сохранение культурного разнообразия (так же как и сохранение биоразнообразия) – важнейшее условие глобального устойчивого развития. С учетом такой диалектики каждый сторонник устойчивого развития в определенной степени предстает консерватором. Но он является консерватором не только в социокультурном смысле, но и в более широком (экзистенциально-бытийном и эколого-этическом) контексте. Речь идет о спасении человека и сохранении жизни вообще, о той самой устойчивости, о которой говорили древние мудрецы и Востока, и Запада (Гераклит, Платон, Лао Цзы, Будда и др.). По мнению В.А. Кутырева, «основная проблема человечества сейчас: как защититься от новаций, не превращая их в инновации» [23, с. 69]. Имеется в виду такое инновационное развитие, которое превращается в трансгресс, т.е. переходит через все границы, не признает никаких ограничений, переступает через человека. Невозможно остановить прогресс, но мы обязаны ограничить его требованием устойчивости и безопасности жизни. Это не произвол, а категорический императив экологической этики, которая сегодня становится философско-мировоззренческой доминантой всей цивилизации. Основоположник экологической этики Лао Цзы предупреждал: «Не торопитесь с

переменами». Сегодня надо передумать, переосмыслить эту мысль. Как говорил один умный человек: «Великие идеи слишком важны, чтобы быть новыми». Если это так, то стратегия устойчивого прогресса не может не опираться на ценности прошлого. Но надо помнить и о том, что традиция (особенно религиозная) очень часто становится оковами общественного прогресса. Нельзя забывать об одном историческом уроке: о крахе нацистской Германии с ее лозунгами о «почве, расе и традиции». Как говорил И.В. Гёте, «нельзя вернуться обратно в чрево матери».

Отвергая риторику конфессионально-националистической реставрации, мы вовсе не хотим ставить под удар такую ценность, как «связь истории». На фоне растущего осознания бесчеловечности глобализирующегося капитализма возрастает интерес и к советскому социализму с его «матрицей человечности», и к русскому православию, которое сохранило дух раннего христианства. Мы можем по-разному относиться к символам православия или социализма, но нельзя пренебрежительно относиться к своей истории. «Связь истории, – справедливо отмечает политолог Л. Бызов, – ощущение её единства и заложенного в ней смысла – это гораздо важнее, чем конъюнктурные споры и идеологические разногласия. Был ли Ленин своего рода «коммунистическим Христом», пророком? Для кого-то – да, для кого-то – нет, и вряд ли мы когда-нибудь придём к единой позиции. Но то, что без Ленина, фигуры исторического масштаба, не состоялся бы XX в., каким бы он ни был, это факт» [24, с. 12].

Правы те, кто говорит: «И Христос, и Ленин были в нашем прошлом, есть в настоящем. Понимая это, и надо жить». В этом отношении весьма символично то, что именно русская православная церковь выступила с инициативой «восстановить в оценках истории советского времени мир и правду», которую оболгали и исказили неолиберальные средства массовой информации. О необходимости объективной оценки советской истории и воспитания чувства уважения к её великим фигурам и символам, к которым, несомненно, относится В.И. Ленин, говорит Президент Российской Федерации В.В. Путин.

Социогуманитарные достижения советского социализма отмечают также многие западные ученые, среди которых такие светила научного мира, как И. Валлерстайн, М. Кастельс, Д. Стиглиц, Ю. Хабермас и т.д. Но более всего привлекает своей перспективой левый (социалистический) поворот в молодежных кругах научно-философского сообщества, который был замечен, например, на Всероссийском философском конгрессе (Нижний Новгород, 2012).

Молодой философ В.И. Шмаков пишет: «Необходимо вспомнить М. Вебера – не может капитализм возникнуть там, где есть православие. Он работает только там, где есть протестантизм. Другой вопрос, что он очень экспансивен. Он захватил Европу, он захватывает и нас, но при этом не порождает цивилизованный капитализм. Он порождает вандализм. Вандалы захватывают цивилизованное государство, и они его разваливают. Сегодня наши капиталисты захватывают то, что сделано при Сталине, при Брежнев, и вывозят за рубеж. Это не национальная буржуазия, а прозападная. Нужно вернуться к идее социализма и власти Советов. Причем к ленинской идее Советов» [25, с. 33].

А вот слова архимандрита Тихона: «В чем были пафос и громадная сила всей этой социалистической затеи в России? Почему она так могущественно коснулась сердец миллионов людей? Была поставлена цель – устремление в общество всеобщей справедливости, счастья, равенства... Без сомнения, эта идея очень часто используется людьми нечестными и злокозненными, но как она трогает сердце и ум! Ради именно этой идеи люди идут на жертвы и даже на смерть – ради справедливости, правды, общего блага. И при всех разных интерпретациях эта идея как цель общества универсальна для всех времён и народов.

В нынешней России подобная идея никак не обозначена. Напротив, декларируется нечто прямо противоположное – личная комфортность. И как часто «комфортность» употребляется в значении ни больше ни меньше как цель человека и его главная задача.

Наверное, за 70 лет мы так обожглись на коммунистическом варианте этой вечной идеи всеобщего счастья и справедливости, что сейчас боимся её даже артикулировать. Но ведь мы всё равно рано или поздно к ней придём, в той или иной форме. Да другой просто и нет. Конечно, цели этой достигнуть невозможно, но стремиться к ней должно каждое здоровое и благородное общество» [26, с. 9].

Социализм с российской спецификой. В последнее время все чаще мы слышим высказывания о том, что капитализм и социализм ушли в небытие. Это сущая неправда: и капитализм, и социализм представляют собой реально существующие формы общественной жизни, производства и потребления. Их нужно изучать, исследовать, сопоставлять друг с другом, оценивать в историческом контексте с точки зрения целей устойчивого развития. Объективной реальностью, данной нам в социальных представлениях, является конвергенция капитализма и социализма; но именно этот исторический факт еще более рельефно оттеняет контуры будущего этих двух противоположных социально-экономических систем. Основная проблема состоит в том, по какому

сценарию и в каких целях происходит конвергенция капитализма и социализма. В постсоветской России она произошла по регрессивному сценарию. Мы имеем в виду соединение наихудших черт капитализма (плутократия, коррупция, имущественное и социальное неравенство и т.д.) и реального социализма (бюрократия, злоупотребление властью и т.д.). «Ловушка негативной конвергенции» позволила внедрить в общественное сознание культ материального потребления и собственнического индивидуализма вместо социалистических идеалов общего блага и общего дела, свободного и всестороннего развития каждой личности.

В то же время в капиталистических странах Западной Европы мы видим многочисленные ростки новой социалистической формации (социальное государство, перераспределение доходов в пользу бедных слоев населения, равенство возможностей, бесплатное обеспечение своих граждан базовыми общественными благами и т.д.). Различные системы социального обеспечения, созданные странами Западной Европы, представляют собой величайшее достижение и мировое достояние.

Европейский союз стремится совместить потребность в экономическом росте и конкурентоспособности с целями социальной справедливости и устойчивого развития. Признавая несомненные преимущества европейской модели конвергенции по сравнению с постсоветской, не могу не заметить, что и эта конвергентная модель носит регрессивный характер, поскольку здесь новая социалистическая формация адаптирована для выживания старого, капиталистического строя. На наш взгляд, по прогрессивному сценарию идет процесс конвергенции в современном Китае. Здесь налицо результаты гармонического симбиоза лучших черт капитализма (конкурентоспособного предпринимательства, экономической эффективности и т.д.) и социализма (гуманизма, народовластия, общего дела в интересах общего блага и т.д.).

По большому счету, с точки зрения логики истории, и не надо искусственно соединять социализм с капитализмом, ибо социализм есть «отчасти капитализм», по выражению Маркса, как переходная форма от капитализма к коммунизму. В Китае капитализм занимает подчиненное положение в процессе конвергенции, поскольку он используется как инструмент для строительства новой социалистической цивилизации. Здесь капитализм поставлен в известные рамки, здесь государственный капитализм рассматривается как «материальная подготовка социализма» (В.И. Ленин). Опираясь на позитивную конвергенцию социализма и капитализма, Китай идет дальше. Парадигмальный вектор

устойчивого развития Китая – это развивающийся социализм с коммунистической перспективой.

XVIII съезд КПК, выражая духовные устремления китайского народа, решил усилить создание системы ценностей социализма, которая будет определять основное направление движения вперед – к коммунизму. Речь идет, в частности, о смене модели развития с временной схемы «рыночного социализма» на традиционную схему: «социализм с китайской спецификой». Словосочетание «китайская специфика» выражает, прежде всего, опору на философскую традицию Лао Цзы и Конфуция, культурно-цивилизационную самобытность и концептуально-мировоззренческую независимость. Это означает, что современный Китай не намерен копировать политико-идеологическую систему капиталистического Запада и ищет собственный путь устойчивого развития. Западным технологиям «управляемого хаоса» Китай противопоставляет философию гармонии мира, беспределу материального потребления – нестяжательство и умеренность среднезажиточного общества, технократической идее «зеленой экономики» – концепцию экологической цивилизации. Удастся ли Китаю добиться мировоззренческой и культурной гегемонии, сформулировать новый глобальный проект мироустройства – покажет время. Возможно, от этого будет зависеть будущее социалистического проекта устойчивого развития, т.е. ноосферный прогресс человечества. Как отмечал еще Антонио Грамши, господство в мировоззренческо-идеологическом дискурсе конвертируется в политико-экономическое доминирование. В борьбе миров побеждает тот, кто захватывает пространство мировоззрения, о чем свидетельствует, в частности, опыт противостояния СССР и США.

Сказанное хотим дополнить одной ремаркой. Было бы, по меньшей мере, наивно, если бы мы попытались подменить привычное преклонение перед капиталистическим Западом благостным очарованием восходящей эволюцией коммунистического Китая. Речь идет лишь о том, чтобы, следуя примеру Китая, выбрать национальный путь развития с опорой на собственную цивилизационную идентичность и начинать строить «социализм с российской спецификой». Полагаем, что следует возродить концепцию русского социализма, основы которого были заложены А.И. Герценом и развиты В.И. Лениным. (Кстати, небезынтересен тот факт, что в 1870 г. умер А.И. Герцен и родился В.И. Ленин.) В контексте вызовов устойчивого развития преимущество идей русского социализма над неолиберальными симулякрами глобализирующегося капитализма становится все очевиднее. Русский (и российский) человек – социалист по природе, а против природы не пойдешь. Следует

вернуться к исторической реальности, возродить природные начала российской самобытности и возобновить социалистическое восхождение к ноосферным высотам.

Постсоветская Россия: суть настоящего и цели будущего. Устойчивое развитие – это управляемое ноосферное развитие, когда есть идеал, когда ясна цель. Например, для КПК Китая идеалом является коммунизм, а целью – построение социалистической экологической цивилизации. Нам также необходимо определиться с идеалом и целью устойчивого развития российского общества, выработать проект нашего общего будущего.

После криминальной контрреволюции 1990-х гг. в нашей стране утвердился олигархо-коррупционный режим, основанный на смычке правящей верхушки с плутократией. Россия сегодня – одна из немногих стран в мире, где сохранился дикий культ капитала, где существует ужасающее имущественное и социальное неравенство. Сравните: в США 1% богатых семей владеет 35% всего национального богатства, в РФ 0,2 % семей – 70% национального богатства. В руках этого сверхбогатого меньшинства находятся и СМИ, в частности телевидение. Поэтому не стоит удивляться тому факту, что интригой российских телепередач стал жалкий поступок французского актера, отказавшегося от французского гражданства из-за налога на сверхбогатство. В то же время наши СМИ обошли молчанием альтруистический призыв миллиардеров Уоррена Баффета и Билла Гейтса к «сильным мира сего» направить на благотворительность не менее половины своего состояния. На этот призыв откликнулись десятки богатейших людей планеты. Безнравственность и абсурдность системы расширенного капиталистического накопления (где богатые богатеют, а бедные беднеют) стали осознавать даже сами капиталисты. Одновременно расширяется общественное мнение, полагающее, что сосредоточение богатства в руках небольшого числа сверхбогачей не только безнравственно, но и преступно. Можно соглашаться и не соглашаться с этим мнением, но ясно одно: нет и не может быть устойчивого социального развития там, где растет пропасть между богатыми и бедными. На этой основе углубляется раскол общества, расширяется разобщение людей. На одном полюсе мы видим паразитизм, «развращенность» богатством и властью, на другом – «муки труда, рабства, невежества, огрубления и моральной деградации» (К. Маркс).

В 90-е гг. прошлого века неолиберальные реформаторы, пришедшие к власти в России, используя факт недовольства населения дефицитом товаров, стали активно насаждать псевдоценности капиталистического

общества потребления. Мы получили рынок товаров, построили общество потребления, но оказалось, что это не просто тупик, а путь к «разрушительному самоедству» (И. Кобзон). Капиталистический вампиризм высасывает все жизненные соки общества. «Герой» нашего времени – циничный торгаш или алчный бизнесмен, умеющий делать деньги, но не человек труда – творец материальных и духовных благ. Благодаря усилиям нео(псевдо)либералов самые низменные свойства человеческой натуры, такие как алчность, получили экзистенциальную легитимность.

Трагическим следствием внедрения общества потребления явилось разрушение духовно-нравственных основ христианско-коммунистического мира (труд, честность, справедливость, сострадание, общее благо и т.д.). В полном соответствии с законом капиталистического накопления, открытым Марксом, восторжествовал принцип «возможного максимума потребления при минимуме усилий для его получения» (Б. Стругацкий).

Последние 20 лет убедили население России в порочности и аморальности капитализма. Капитализм – это беспредел коррупции. Сегодня, очевидно, что борьба с коррупцией не будет иметь успеха до тех пор, пока не будут искоренены идейно-психологические и социально-экономические корни коррупции. Корень зла – неолиберальный хищнический капитализм. Это поняли в Китае, это предстоит понять и нам. Россия и капитализм несовместимы, как гений и злодейство. Следуя примеру великого соседа, нам не следует слепо копировать капиталистическую систему западного неолиберального типа, переживающую глубокий кризис не только финансово-экономического, но и духовно-мировоззренческого характера. Необходимо найти собственный путь цивилизационного развития, опираясь на исторический опыт (в том числе опыт СССР). Необходимо всячески поддерживать усилия Президента РФ В.В. Путина, направленные на строительство справедливого общества и поддержку «креативного класса», на создание нравственной системы управления, которая делает невозможной сверхпотребление, роскошь и коррупцию.

Согласно современной «теории справедливости» (Дж. Ролз), справедливое общество – это, прежде всего, общество честных людей. Опорой и стержнем нравственной системы управления являются честные люди – люди чести и совести, сильные духом и характером, которых невозможно купить ни за какие деньги просто потому, что они не продаются. К числу таких людей можно отнести В.И. Ленина. Не случайно Генеральный секретарь КПК Китая Си Цзиньпин в своей речи перед

партийным активом после XVIII съезда КПК призвал партийных руководителей «быть похожими на Ленина, следовать его заветам».

На одном из круглых столов Конференции «Рио+20» обсуждалась проблема определения критериев личного и общественного благополучия. Было заявлено о целесообразности «переключения» их с культа материального потребления, поддерживаемого показателем ВВП на душу населения, на индекс счастья. В качестве модельной территории для перехода на новый индекс благополучия решением Генеральной Ассамблеи ООН избрано Королевство Бутан. Рост индекса счастья является важным направлением государственной политики устойчивого развития в современном Китае, суть которой можно выразить следующим императивом: «Счастье человека и народа – превыше всего». Полагаем, что нам также следует сформировать коллективный настрой на устойчивое развитие, на исторический оптимизм. Экстатичность и силу настроя определяет великая цель. Такой целью может стать, например, построение новой социалистической цивилизации на принципах устойчивого развития.

Прогрессивным силам российского общества необходимо организовать широкую пропаганду стратегии устойчивого развития, принятой на Конференции «Рио+20»: на её основе можно не только укрепить позиции социального государства, но и продвинуться вперед – к ноосферному (этико-экологическому) социализму. Политический выбор России – подлинная демократия, то есть власть российского народа. Это не власть партийно-государственной номенклатуры (как это было в постленинский период советской эпохи) и не западный «капиталопарламентаризм» (А. Бадью), прикрывающийся именем демократии.

Социокультурный выбор России – практический гуманизм, то есть свободное развитие каждого человека, «сознательное творчество народных масс» (В.И. Ленин). Это не сталинский технократический социализм, детерминированный объективными обстоятельствами индустриального развития и эпохи мировых войн.

Учитывая общемировой тренд на текущий момент, опираясь на живой дух и живую этику «Рио+20», можно выдвинуть следующий тезис: ключ от глобального кризиса российского и мирового капитализма – это социалистический проект устойчивого развития. Проект, возрождающий исторический оптимизм марксистского коммунизма и поддерживающий прометеев огонь гармоничного и всестороннего Прогресса.

Примечания:

1. Дугин А. Время объявить войну мировому правительству [Электронный ресурс]. URL : <http://evrazia.org/article/2184>.
2. Фурсов А. Амбиции живого трупа // Литературная газета, 19 – 25 декабря 2012. №51.
3. Бузгалин А.В., Колганов А.И. «Капитал» XXI века: симулякр как объект анализа критического марксизма // Вопросы философии. 2012. №12.
4. Бузгалин А.В., Колганов А.И. «Капитал» XXI века: симулякр как объект анализа критического марксизма // Вопросы философии. 2012. №11.
5. См.: // Аргументы и факты. №10. 6-12 марта 2013 г.
6. Нилогов А.С. О чем был «диалог мировоззрений»? Интервью с В.А. Кутыревым // Вестник российского философского общества РАН. 2012. №4.
7. См.: Дементьев В.Е. Длинные волны экономического развития и финансовые пузыри. М., 2009.
8. Митяев Д.А. О динамике мировой финансовой системы (сценарии и стратегии). Возможности адаптации и выбор стратегии для России. Сценарно-игровой доклад. М., 2009.
9. Глазьев С.Ю. Стратегия окружающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010.
10. Десягин М., Хазин М. Через депрессию — к освобождению [Электронный ресурс]. URL : <http://anapa-pro.com/category/12/article/2244>.
11. Perez Carlota. Technological Revolutions and Financial Capital: The Dynamics of Bubbles and Golden Ages. London: Elgar, 2002.
12. См.: Глазьев С.Ю. Стратегия окружающего развития России в условиях глобального кризиса. М., Экономика, 2010.
13. Глазьев С.Ю. О стратегии модернизации и развития экономики России в условиях глобальной депрессии [Электронный ресурс]. URL : <http://spkurdyumov.narod.ru/glll1aaaziev.htm>.
14. См.: Сугробов К. Парусник без руля [Электронный ресурс]. URL : <http://www.sops.ru/publikatsii/news/405/>.
15. См.: Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике / Под ред. С.Ю. Глазьева и В.В. Харитонов. М.: Тро-вант, 2009.
16. Агацци Э. Идея общества, основанного на знаниях // Вопросы философии. 2012. №10.
17. См.: R.Mansell and U.When. Knowledge Societies: Information Technology for Sustainable Development. Oxford, Oxford University Press, 1998.
18. Агацци Э. Идея общества, основанного на знаниях // Вопросы философии. 2012. №10.
19. Бузгалин А.В. (Ред.) Ленин on-line. 13 профессоров о В.И. Ульянове - Ленине. М., 2011.
20. Ленин В.И. Полн.собр. соч. Т. 45.

Мантатов В.В. Социалистический проект устойчивого развития общества: теория и практика

21. Межуев В.М. Теория культурной революции как будущее// Ленин on-line. 13 профессоров о В.И. Ульянове-Ленине. М., 2011.
22. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38.
23. Нилогов А.С. О чем был «диалог мировоззрений»? Интервью с В.А. Кутыревым // Вестник российского философского общества РАН. 2012. №4.
24. Бызов Л. Чувство страны великой // Литературная газета. 6 – 12 февраля 2013 г.
25. Цит. по: Спиридонова В.И. Эволюция представлений о российской государственности // Вестник Российского философского общества РАН, №4, 2012.
26. См.: Литературная газета, №9. 6-12 марта 2013 г.

Сведения об авторе:

Мантатов Вячеслав Владимирович – доктор философских наук, профессор, директор Института устойчивого развития, руководитель кафедры ЮНЕСКО по экологической этике при ВСГУТУ, г. Улан-Удэ;

Data on author:

Mantatov Vyacheslav Vladimirovich – doctor of philosophy science, professor, director of the Institute for sustainable development of East-Siberian State University of Technology and Management, head of UNESCO Chair in Environmental ethics, Ulan-Ude.

УДК 316.344.42

© **В.М. Очирова**
Улан-Удэ

РОССИЯ В ПОИСКАХ ПУТИ РАЗВИТИЯ (по материалам социологических исследований в республиках Сибири)

Статья посвящена рассмотрению актуальной проблемы, касающейся определения пути развития современной России. Анализ официальных документов и данных собственных эмпирических исследований позволил определить некоторые черты предпочтительного вектора развития нашей страны.

Ключевые слова: *путь развития страны, внешняя политика, евразийская страна, политическая элита, концепция, стратегические партнеры.*

V.M. Ochirova
Ulan-Ude

RUSSIA IN SEARCH OF DIRECTION AND DEVELOPMENT
(based on sociological research conducted in the Siberian Republics)

This article considers the actual problems which have arisen as Russia defines its own path of development. Its analysis of official documents and the empirical research it includes allow us to define certain preferable trajectories for our country's development.

Key words: aim for country's development, outer policy, Eurasian country, political elite, vision, strategic partners.

С распадом СССР, одной из крупнейших и могущественных держав в мире и образованием Российской Федерации возникло множество вопросов и проблемных моментов, требующих научного осмысления. В их числе оказалась проблема определения оптимального пути развития страны. Прежние ориентиры к тому времени, как известно, уже потеряли свою актуальность, а новые ещё не были созданы. Оказавшись в условиях многополярного мира, российское руководство сформировало подробную Концепцию внешней политики РФ, где определены приоритетные направления сотрудничества России с другими государствами и выделены страны, выступающие в качестве ее стратегических партнеров. Осуществим небольшой анализ положений данного документа, который позволит определить ориентиры развития нашей страны. Дополним его результатами анкетирования, проведенных автором в 2004 г. (опрос 195 представителей политической элиты Республики Бурятия, для проведения анализа отобрано 176 анкет) и в 2009-2010 гг. (опрошено 618 человек, представляющих исполнительные, законодательные / представительные и муниципальные органы власти республик Бурятия, Саха (Якутия), Тыва, для анализа отобрано 576 анкет).

Российская Федерация сегодня является важнейшим субъектом мировой политики и эффективно осуществляет реализацию своего государственного курса. В условиях многополярного мира национальные интересы нашего государства довольно обширны. Так, в Концепции внешней политики РФ записано: «Развитие взаимовыгодных двусторонних связей с Германией, Францией, Италией, Испанией, Финляндией, Грецией, Нидерландами, Норвегией и некоторыми другими государствами Западной Европы является важным ресурсом продвижения национальных интересов России в европейских и мировых делах, со-

действия переводу российской экономики на инновационный путь развития. Россия хотела бы, чтобы в этом же русле использовался потенциал взаимодействия с Великобританией <...> Россия развивает поступательное практическое взаимодействие со странами Северной Европы <...> Россия открыта для дальнейшего расширения прагматичного, взаимоуважительного сотрудничества с государствами Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы с учетом реальной готовности к этому каждого из них <...> Российская Федерация настроена на взаимодействие с Латвией, Литвой и Эстонией в духе добрососедства, на основе обоюдного учета интересов <...> Россия выстраивает отношения с США с учетом не только их огромного потенциала для взаимовыгодного двустороннего торгово-экономического, научно-технического и иного сотрудничества, но и их ключевого влияния на состояние глобальной стратегической стабильности и международной обстановки в целом <...> Важным элементом сбалансированной политики России на североамериканском направлении являются отношения с Канадой, которые традиционно носят стабильный характер и мало подвержены воздействию политической конъюнктуры» [5]. Указанное направление внешней политики России можно назвать «европейским» и оно, безусловно, очень важное. Однако в силу специфики географического расположения Россия принадлежит и к Европе, и к Азии. Именно к такой идентификации нашей страны склонилась значительная часть политической элиты Республики Бурятия в 2004 г.: 50,6% опрошенных отметили самобытность России; 43,2% полагали, что она в одинаковой мере принадлежит как к Европе, так и к Азии; 1,1% отнесли ее к Европе; 5,1% - к Азии. В данной связи большое значение для России представляет восточное, «азиатское» направление во внешней политике. В концепции отмечается: «В контексте многовекторной внешней политики Российской Федерации важное и всевозрастающее значение имеет Азиатско-Тихоокеанский регион, что обусловлено принадлежностью России к этому динамично развивающемуся району мира, заинтересованностью в использовании его возможностей при реализации программ экономического подъема Сибири и Дальнего Востока, необходимостью укрепления регионального сотрудничества в сфере противодействия терроризму, обеспечения безопасности и налаживания диалога между цивилизациями» [5]. Важнейшим направлением российской внешней политики в Азии, согласно данному документу, является развитие дружественных отношений с Китаем и Индией. Причем, указывается, что Россия будет наращивать российско-китайское стратегическое партнерство во всех областях на основе совпадения принципиальных подходов к

ключевым вопросам мировой политики в качестве одной из базовых составляющих региональной и глобальной стабильности. Безусловно, Китай, ввиду его бурного развития, справедливо относится к числу важнейших партнеров нашей страны. Также Российская Федерация выступает за отношения добрососедства и созидательного партнерства с Японией, за наращивание позитивной динамики отношений с государствами Юго-Восточной Азии, прежде всего, за развитие стратегического партнерства с Вьетнамом, а также многопланового сотрудничества с Индонезией, Малайзией, Таиландом, Филиппинами, Сингапуром и другими странами региона, за поддержание конструктивных отношений с КНДР и Республикой Корея [5].

Итак, Россия, как евразийская страна, принадлежит к двум цивилизациям, что отразилось на характере ее внешнеполитических предпочтений. Однако факт двойственного положения страны на протяжении всей истории нашего государства провоцировал споры о том, каким путем должна идти Россия. Достаточно вспомнить бурные дискуссии «западников» и «славянофилов». Данный вопрос актуален и сегодня. Политическая элита Республики Бурятия в 2004 г. ответила на него следующим образом:

- Россия должна использовать весь мировой опыт развития, накопленный как странами Запада, так и странами Востока (47,7%);
- У России должен быть свой, особый путь развития (39,8%);
- Россия должна идти путем, проложенным развитыми западными странами (6,8%);
- Примером для России должны быть быстроразвивающиеся страны Азии, например Южная Корея, Тайвань, Сингапур и другие (5,7%) [6, с. 94].

Анкетирование 2009-2010 гг. выявило фактически тот же результат (см.: таблица 1).

Как следует из таблицы 1, большинство представителей республиканских политических элит вновь отдало предпочтение варианту «Россия должна использовать весь мировой опыт развития, накопленный как странами запада, так и странами востока»: в Бурятии – 53%, Саха (Якутии) – 44,8%, Тыве – 53,4%. На втором месте, по процентному соотношению, снова оказалась позиция, согласно которой «у России должен быть свой, особый путь развития». В отношении третьего места произошли изменения, его занял вариант ответа, ранее находившийся на четвертом месте – «примером для России должны быть быстроразвивающиеся страны Азии».

Таблица 1

Предпочтительный путь развития России, %

Вариант ответа	Бурятия			Саха (Якутия)			Тыва		
	вид элиты			вид элиты			вид элиты		
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная
Россия должна идти путем, проложенным развитыми западными странами	-	-	-	13,9	8,8	14,8	15,5	7,8	3,6
Общий массив	-			12,4			9		
примером для России должны быть быстро- развивающиеся стра- ны Азии	17,1	17,8	17,9	13,9	17,6	16,7	31	14,1	7,1
Общий массив	17,6			16			17,4		
Россия должна исполь- зовать весь мировой опыт развития, накоп- ленный как странами запада, так и странами востока	60	57,2	43,6	56,9	36,8	38,9	53,5	56,2	50
Общий массив	53			44,8			53,4		
у России должен быть свой, особый путь раз- вития	22,9	25	20,6	15,3	25	29,6	-	14,1	39,3
Общий массив	22,5			22,7			17,4		
другое	-	-	-	-	11,8	-	-	-	-
Общий массив	-			4,1			-		
затрудняюсь ответить	-	-	17,9	-	-	-	-	7,8	-
Общий массив	6,9			-			2,8		

Наименее популярной была точка зрения, что «Россия должна идти путем, проложенным развитыми западными странами», она расположилась на последнем четвертом месте, вместо третьего в 2004 г. Заметьте, что в отличие от республиканских политических элит, федераль-

ная элита в сер. 2000-х гг. ориентировалась, в первую очередь, именно на европейский вариант модернизации (последовательное движение к рынку, демократии и правовому государству). Далее следовали: особый российский путь; медленное, эволюционное развитие страны в сторону рыночной экономики при сильном государстве с учетом национальных интересов; чилийский вариант (движение к рынку и демократии через авторитаризм) [4, с. 102]. Соответственно, за последние годы наметилась смена внешнеполитических приоритетов. Вместо традиционно западных государств, примером для России могут выступить страны Азии, развитие которых с каждым годом набирает обороты. В данной связи заметим, что в графе «другое» респонденты часто конкретизировали свою позицию, дописывая, что ориентиром для России должен стать, в первую очередь, Китай.

Размышляя над предпочтительным направлением развития России, многие представители республиканских политических элит указывали, что им может быть восстановление социализма. Респонденты считают возможным использование лучшего опыта СССР в современных российских реалиях. Соответственно, отношение к советскому периоду постепенно переосмысливается. Данный факт можно проследить по результатам различных исследований. Так, для первой половины 1990-х гг. была характерна противоречивость мнений элиты, наблюдалась повсеместная критика периода СССР. По данным ВЦИОМ 1993 г., представители элитных групп, как старых, так и новых, активно декларировали реформаторские установки: более 94% респондентов были не согласны с тем, что «было бы лучше, если бы в стране все оставалось, как было до 1985 года». В то же время отнюдь не все представители элитных групп считали произошедшие перемены позитивными [2, с. 183]. В 2000-х гг. вектор настроений существенно изменился. Стремясь узнать, как политическая элита Республики Бурятия оценивает завершившийся советский период нашей истории, преобладают ли негативные или же позитивные оценки в его отношении, мы в 2004 г. предложили ее представителям определить свое мнение по следующим суждениям, которые с разных позиций характеризуют страну до начала «перестройки»: государство, проводившее имперскую политику по отношению к своим народам; советская страна – дружная семья народов; всеобщая уравниловка; общество социальной справедливости и равных возможностей; плановая экономика, ориентированная на рост благосостояния народа; командно-административное управление экономикой; государство, ограничивавшее права и свободы своих граждан, права трудящихся; государство, гарантировавшее жизненно важные

права и свободы своих граждан; подлинное народовластие; власть номенклатуры, партократия, бесправные массы; тоталитарное государство; общенародное государство; общество социального благополучия, гуманизма, обеспечивающее уверенность в завтрашнем дне; антигуманное общество, где отсутствуют свобода выбора и возможность самореализации; закрытая ядерная страна, поддерживающая авторитет в мире путем угроз и насилия; мощная сверхдержава, пользующаяся авторитетом во всем мире. Суждения, как видим, отражают две диаметрально противоположные оценки, одна из которых явно позитивна, а другая отчетливо негативна. Оценить предлагалось по четырехбалльной шкале от «полностью согласен с суждением» до «полностью не согласен с суждением», предлагался и вариант для тех, кто затруднялся с ответом. Менее половины респондентов – 38,6% выбрали негативные характеристики, описывающие нашу страну в советский период. Большая часть представителей политической элиты – 61,4%, склонилась к позитивным оценкам, либо не смогла сделать однозначный выбор между предложенными суждениями. Причина последнего, скорее всего, заключается в том, что пока минуло не достаточно времени с момента распада СССР, чтобы дать ушедшему периоду объективную оценку. Среди положительных характеристик чаще всего отмечались следующие: общество социальной справедливости и равных возможностей; общество социального благополучия, гуманизма, обеспечивающее уверенность в завтрашнем дне; государство, гарантировавшее жизненно важные права и свободы своих граждан; общенародное государство. Среди отрицательных характеристик доминировали: командно-административное управление экономикой; власть номенклатуры, партократия, бесправные массы; всеобщая уравниловка. Тем самым, представители политической элиты Республики Бурятия, в целом, преимущественно позитивно оценивали период СССР. Недовольство вызывали, в основном, принципы управления государством и экономикой. Негативные оценки социально-экономических аспектов функционирования страны в советский период можно найти и в других исследованиях [8, с. 137]. Изменение вектора настроений в 2000-х гг. характерно и для россиян. Многие жители Республики Бурятия, отвечая в 2003 г. на вопрос «Какой путь развития страны Вы бы предпочли?» (исследование проводилось отделом социально-политического анализа экспертно-аналитического центра Президента РБ) выбирали вариант «возврат к социалистической модели экономики», который занял вторую по процентному соотношению позицию после ответа «продолжение нынешнего курса реформ, подключение к мировой экономике» [10, с. 90]. Со-

гласно социологическому исследованию, проведенному в 2011 г. Институтом социологии РАН, при определении своего отношения к распаду СССР, большинство россиян предпочли следующие варианты: «это беда для многих людей, живущих в республиках бывшего СССР» – 36%, «в этом есть и хорошие и плохие стороны» – 29%, «это катастрофа мирового значения» – 14%. Лишь 3% респондентов указали, что «это положительное событие мирового значения» [3, с. 19]. Исходя из результатов приведенных исследований, идея восстановления социализма, озвученная представителями республиканских политических элит не вызывает удивления. Как справедливо утверждает А.Н. Постников: «... содержанием современного периода истории России может и должен быть переход к социализму, к обществу, в котором должны быть воплощены, реализованы на деле базовые идеи и принципы социализма ...» [11, с. 20]. Мы считаем, что указанная идея имеет право на существование и вполне может быть реализована в современной России, но, возможно, в несколько трансформированном виде. Позитивный опыт СССР, на наш взгляд, не должен быть вычеркнут из памяти, его необходимо повсеместно использовать. Данное понимание постепенно приходит, на смену огульной критике идет объективная оценка советского периода, и это верно.

Итак, современная Россия, в силу своей принадлежности к двум цивилизациям, естественно тяготеет к странам Европы и Азии. Однако она стремится к сотрудничеству и с другими государствами. В Концепции внешней политики РФ отмечено, что помимо указанных нами стран «Россия настроена и далее развивать отношения с Турцией, Египтом, Алжиром, Ираном, Саудовской Аравией, Сирией, Ливией, Пакистаном и другими ведущими региональными государствами в двустороннем и многостороннем форматах <...> Россия будет стремиться к налаживанию стратегического партнерства с Бразилией, наращивать политическое и экономическое сотрудничество с Аргентиной, Мексикой, Кубой, Венесуэлой и другими странами Латинской Америки и Карибского бассейна и их объединениями» [5]. В число важнейших задач внешней политики нашей страны входят следующие направления: «Россия будет всемерно способствовать политико-дипломатическому урегулированию ситуации вокруг ядерной программы Ирана <...> Россия во взаимодействии с другими заинтересованными странами, ООН, ОДКБ, ШОС и иными многосторонними институтами будет прилагать последовательные усилия в целях недопущения экспорта терроризма и наркотиков из Афганистана, достижения прочного и справедливого политического урегулирования проблем этой страны <...> Россия будет

вносить весомый вклад в стабилизацию обстановки на Ближнем Востоке <...> Россия будет расширять разноплановое взаимодействие с африканскими государствами на двусторонней и многосторонней основе и др.» [5].

Таким образом, Россия нацелена на сотрудничество со странами Европы, Азии, Латинской Америки, Ближнего Востока и др. Данный факт раскрывает многовекторный характер современной внешней политики РФ, что, безусловно, крайне важно в условиях многополярного мира. На необходимости взаимодействия с различными государствами настаивают и республиканские политические элиты. Исходя из результатов нашего анкетирования 2004 г., России желательны контакты со следующими странами:

- в политической сфере: Франция, Англия, США, Япония, Китай;
- в экономической сфере: Германия, Италия, Китай, Франция;
- в области культуры: Франция, Англия.

Причем, в числе стран, отличающихся скорее позитивным отношением к России, были названы: Германия, Франция, Италия, Китай, Япония, Монголия, Белоруссия. К государствам, отличающимся скорее негативным отношением к России, по мнению опрошенных, относятся: страны Ближнего Востока, Прибалтика, США, Китай.

В 2009-2010 гг. были получены несколько иные результаты. По мнению политических элит республик Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва, России необходимо налаживать контакты со следующими государствами:

- в политической области: страны СНГ, США, Германия, Франция, Англия, Китай, Канада, Швейцария, Япония, Индия, Иран, Северная Корея;
- в экономике: страны СНГ, Китай, Япония, США, Швеция, Индия, Германия, Франция, Южная Корея, Англия, Бельгия, Швейцария;
- в социальной сфере: страны СНГ, Китай, Монголия, Индия, Франция, Швеция, Норвегия, Канада, Швейцария, Германия, Австрия, США, Япония;
- в области культуры и науки: страны СНГ, США, Франция, Германия, Япония, Италия, Англия, Китай.

Итак, в 2009-2010 гг. предпочтения респондентов изменились в сторону увеличения количества государств, с которыми желательно сотрудничать Российской Федерации. Причем зачастую анкетлируемые высказывались за налаживание контактов со всеми странами, что абсолютно верно и отвечает реалиям многополярного мира. Данное стремление, как мы знаем, находит выражение в современном внешнеполи-

тическом курсе нашего государства. По мнению респондентов, нужно активно перенимать инновации друг у друга, консолидировать усилия во всех сферах, особенно в защите экологии. Однако при этом они подчеркивали, что необходимо взаимовыгодное сотрудничество с теми странами, которые хотят укрепления отношений с Россией, с учетом реальной отдачи для нее. Стратегическими партнерами нашего государства, по данным анкетирования, должны стать страны СНГ, Китай, США, Германия, Франция, Англия. Отметим и увеличивающийся интерес к Индии, Японии, Швеции, Швейцарии и Монголии. Признавая справедливость предпочтений респондентов, нам все же хотелось бы остановиться на некоторых важных, по нашему мнению, моментах.

Взаимоотношения Российской Федерации с Китаем сегодня являются, наверное, наилучшими за всю историю. Вместе с тем, на наш взгляд, не следует забывать демографические проблемы соседа, факты нехватки жизненного пространства для китайского народа и скрытой экспансии Китая на территорию России, активно заселяющего Дальний Восток, Сибирь, в том числе и Забайкалье, ведущего здесь активную предпринимательскую деятельность, связанную с хищническим использованием российских природных богатств. Руководство России, к сожалению, пока не уделяет должного внимания данным проблемам, видимо, не считая их актуальными, либо не желая портить отношения со своим стратегическим партнером. Между тем, миграционная экспансия Китая, принявшая в последнее время опасные масштабы, справедливо признана россиянами одной из главных национальных угроз России (в исследовании под руководством М. Тарусина данный вариант занял 8 место в списке угроз, набрав 13,2% [12, с. 200]). Слабо контролируемая (зачастую и нелегальная) миграция китайского населения на территорию России приводит к потере рабочих мест, ухудшению состояния экологии (ввиду вырубке леса; варварских методов ведения земледелия; добычи диких животных, зачастую исчезающих и т.д.), межнациональным столкновениям, ассимиляции и изменению национального состава субъектов РФ и др. В конечном итоге, она грозит территориальной целостности страны. Приходится констатировать, что мы сегодня постепенно теряем Дальний Восток и Сибирь. Это признают даже китайские специалисты. Эксперт отдела Европы Шанхайского института международных исследований Хуашэн Чжао пишет: «в условиях увеличения численности китайского населения российский Дальний Восток с огромной территорией и малочисленным населением может стать естественным направлением миграции граждан КНР. По достижении определенного числа легально или нелегально переселив-

шихся китайцев возникнет вероятность превышения их численности по сравнению с численностью местного населения. В этих условиях Россия может утратить контроль над Дальневосточным регионом или этот регион, возможно, будет поглощен Китаем» [1, с. 38]. Отечественные исследователи отмечают, что Китай придерживается политики увеличения численности своих диаспор в России, негласно поощряет их проникновение в страну, легализацию и дальнейшее обустройство [14, с. 5]. Конечно, данная политика проводится не только в отношении нашего государства, но в первую очередь его. В этой связи российскому руководству, на наш взгляд, необходимо предпринять оперативные меры по противодействию экспансии Китая, нужно самим осваивать и заселять Сибирь и Дальний Восток. На дипломатическом же уровне обозначенный круг проблемных вопросов должен активно обсуждаться в рамках двусторонних переговоров. России необходимо выработать по ним четкую, учитывающую интересы жителей приграничных территорий, позицию.

Современные отношения России с США также внушают определенный оптимизм. Между тем, учитывая непростые амбиции данной страны на постсоветском пространстве, представляется необоснованной и опасной проводимая Россией политика по тотальному сокращению своего вооружения и ядерных запасов, заключение все новых договоров с США в этом направлении. Необходимо разумно сочетать интересы стратегической безопасности в мире и интересы своего государства, чья мощь в недалеком прошлом поддерживалась, в первую очередь, именно с помощью внушительного военного потенциала. Подобные традиции, на наш взгляд, следует сохранять, в разумных пределах. Еще в 1993 г. лидер КПРФ Г.А. Зюганов совершенно справедливо говорил: «Мощный интеллект, лучшие технологии, оборудование и станки, научно-техническая база, наиболее организованные коллективы должны быть сосредоточены в ВПК, нравится это кому-то или нет. А нынешний курс на развал оборонной мощи страны далее нетерпим» [7, с. 34]. Действительно, исследования показали, что в 1996 г. по расходам на оборону фактические показатели перешли за грань «показателей безопасности» (официально установлены Советом безопасности РФ распоряжением № 14-рсьб от 17 октября 1996 г.), то есть за грань теоретически допустимого падения, на целых 30% [9, с. 123]. Впрочем, современное состояние военной сферы еще более удручающее. До недавнего времени российское руководство поступало с точностью до наоборот приведенной позиции политика, оно планомерно уничтожало армию, флот, военную авиацию, военные учебные заведения, инфра-

структуру и др. Шло массовое сокращение рядов российской армии, высвобождались и продавались целые военные городки, ликвидировались элитные подразделения. Логика данных действий, с точки зрения обороноспособности страны, совершенно не понятна. Смысл подобных преобразований, видимо, лежит в практической, но очень популярной сейчас плоскости - снижение бюджетных расходов и пополнение казны. Порочность такого подхода к военной сфере, на наш взгляд, очевидна всем, кроме российской политической элиты. Даже сложная международная обстановка, ожесточенная борьба государств за минерально-сырьевые ресурсы, военная агрессия США в отношении уже целого ряда стран не побуждала руководство России изменить свою политику в военной области. Некоторые позитивные тенденции стали наблюдаться только сейчас. Однако общее состояние военной сферы очень удручает и вызывает беспокойство за свое Отечество.

В Концепции внешней политики России указано, что приоритетным направлением для страны «является развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами – участниками СНГ» [5]. Мы совершенно согласны с данным положением, именно государства бывшего СССР, которых объединяет единая культурно-цивилизационная общность, должны стать для нас стратегическими партнерами. В данной связи считаем целесообразным проводить более активную политику, направленную на политическую, экономическую и иную интеграцию постсоветских государств. Безусловно, Россия достаточно плодотворно работает в этом направлении. Об этом говорят многочисленные документы, подписанные руководством стран СНГ, в числе которых российско-белорусский договор о создании Союзного государства, соглашение о создании Единого экономического пространства России, Украины, Белоруссии и Казахстана и многие другие. Однако все же этого недостаточно, интеграционный процесс пока еще непоследователен, слишком слаб и подвержен влиянию извне. Например, не секрет, что он весьма беспокоит запад, который, используя политику двойных стандартов, прилагает большие усилия, направленные на разложение СНГ, разрушение союза России и Белоруссии и любых подобных объединений, возникновение конфликтов вокруг Абхазии и Южной Осетии при помощи марионеточного правительства Грузии, выдвигание российского присутствия в Приднестровье и Украине [1, с. 72] и др. В результате у России возникают серьезные проблемы во взаимоотношениях с руководством Грузии, Украины, Белоруссии, прибалтийских республик и некоторых других государств. Примечательно, что население этих стран, понимая важность конструктивного диалога

с Россией, не поддерживает прямого противостояния с ней. Так, по данным социологических исследований, в 2001 г., при ответе на вопрос о том, какая внешнеполитическая ориентация наиболее целесообразна для Грузии, 46,4% грузинских респондентов назвали Россию, 22,2% – Западную Европу и только 13,4% предпочли США [13, с. 108]. На наш взгляд, государства бывшего СССР могут и должны объединиться, они способны вместе эффективно решать собственные проблемы и, отчасти, задачи, стоящие перед мировой общественностью. Будем надеяться, что разумное начало возобладает над мелкими сиюминутными разногласиями, разъединяющими сегодня наши государства и народы.

Таким образом, Российская Федерация является важным актором на международной арене, ведущим равноправный диалог со всеми странами мира. Сегодня, фактически, нет ни одной крупной международной проблемы, в решение которой не была вовлечена Россия. Безусловно, это говорит об авторитете нашей страны, уважении к ней. Вместе с тем следует признать, что ее позиции в мире пока еще не достаточно сильны, так как страна еще не окрепла, она переживает сложный переходный период и находится в процессе обновления. Исходя из этого, Россия слишком часто «оглядывается» на другие государства, идеализирует их и пытается перенять отдельные элементы их функционирования. Между тем, результаты наших анкетных опросов показали, что Россия не должна повторять чужие ошибки и копировать путь развития какой-либо из зарубежных стран. Необходимо эффективно сотрудничать со всеми государствами, использовать весь существующий мировой опыт и, видимо, попытаться найти свой особый путь развития, жаль только, что его сущность, до сих пор четко не определена.

Примечания:

1. Арсентьева И.И. Российские регионы в системе национальной безопасности. М.: Восток-Запад, 2008.
2. Головачев Б.В., Косова Л.Б. Ценностные ориентации советских и постсоветских элит // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. М., 1995. Ч. 2. С. 183-187.
3. Горшков М.К. Россия: двадцать лет спустя (некоторые аспекты социологического анализа реформирования общества) // Власть. 2011. № 12. С. 11-22.
4. Ирхин Ю.В. Политические элиты вчера, сегодня, завтра // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 2. С. 82-104.
5. Концепция внешней политики Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108/shtml>

6. Крянев Б.П., Очирова В.М. Эволюция региональных политических элит в постсоветский период (на материалах Республики Бурятия). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2009.
7. Кудярова Н.Ю. Идеино-политические ориентации элитных групп // Мир России. 1995. Т. 4. № 3/4. С. 25-45.
8. Лаврикова А.А., Шумилова О.Е. Особенности ценностных ориентаций политического, экономического и социокультурного сегментов элитного сообщества Тульского региона // Известия Тульского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. Тула: Изд-во ТулГУ, 2010. Вып. 2. С. 135-150.
9. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Государство и регионы: теория и практика государственного регулирования территориального развития. – 5-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
10. Мэрдыгеев З.Р. Общественно-политические настроения жителей Бурятии (прикладной аспект). Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2005.
11. Постников А.Н. Право на социализм // Современный социум: проблемы и перспективы: сборник статей / отв. ред. Д.Ш. Цырендоржиева. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2011. С. 15-20.
12. Сумма идеологии: мировоззрение и идеология современной российской элиты / М. Тарусин, М. Боков, А. Механик, Н. Попов и др. М.: Типография Наука, 2008.
13. Тощенко Ж.Т. Этнократия: история и современность. Социологические очерки. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003.
14. Трофимов Е.Н. Основные направления формирования законодательной базы национальной политики // Власть. 2007. № 5. С. 3-13.

Сведения об авторе

Очирова Виктория Мункоевна – кандидат политических наук, докторант кафедры философии Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, e-mail: ochirova.v@yandex.ru;

Data on the author:

Ochirova Victoria Munkoevna – candidate of political sciences, doctorate of the philosophy department of the Buryat state university, Ulan-Ude, e-mail: ochirova.v@yandex.ru.

ОСОБЕННОСТИ ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ В РЕСПУБЛИКАХ СИБИРИ*

В статье рассматриваются особенности этносоциальной стратификации в республиках Сибири в условиях социально-экономических преобразований в конце XX – начале XXI вв.; приводятся статистические данные, даётся анализ результатов социологических исследований автора, проведённых в республиках Тыва, Бурятия в 2009 г.

Ключевые слова: этническая и социальная стратификация, индикаторы этнической и социальной стратификации, этническая и социальная структуры, мультиэтническое взаимодействие.

E. V. Petrova
Ulan-Ude

PECULIARITIES OF THE ETHNIC AND SOCIAL STRATIFICATION IN SIBERIAN REPUBLICS

Peculiarities of the ethnic and social stratification in Siberian republics under the conditions of socio-economical transformations in the end of the XX – the beginning of the XXI centuries are considered; statistical data are used; results of the sociological researches conducted by the author in 2009 at the republics of Tuva and Buryatia are analyzed in the paper.

Key words: ethnic and social stratification, indicators of the ethnic and social stratification, ethnic and social structure, multiethnic interaction.

Этносоциальная структура общества и процессы дифференциации, происходящие в нём, связаны с такими понятиями, как социальная и этносоциальная стратификации. Изучать социальную стратификацию начинали еще представители классической социологической мысли XIX в. – К.Маркс, М.Вебер, позже проблема получила более основа-

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 09-03-00520а «Республики Сибири: особенности этносоциальной стратификации в условиях трансформации современного общества».

тельную разработку в работах П.Сорокина и Т.Парсонса, Э.Шилза, К.Дэвиса, У.Мура.

Российские исследователи внесли большой вклад в развитие теоретических и эмпирических основ проблемы социальной стратификации – Т.И. Заславская, Г.Е. Зборовский, В.И. Ильин, Л.Г. Лисина, В.П. Мохов, Г.В. Осипов, В.В. Радаев, Р.В. Рывкина, Ж.Т. Тощенко, Н.Е. Тихонова, О.И. Шкаратан, В.А. Ядов, Л.В. Ярмоленко.

Этносоциальная стратификация как объект социологического изучения разрабатывалась представителями этносоциологического направления в отечественной социологии во второй половине XX в. – Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, М.Н. Губогло, А.А. Сусоколов, В.Н. Иванов.

Наибольший интерес проблемы этносоциального развития в нашей стране вызвали с начала 90-х гг. прошлого века. Связано это было с распадом единой страны, актуализацией этнических процессов, политизацией этничности. Поэтому работ, посвящённых межэтническому взаимодействию, этническим конфликтам, феномену этничности, появилось достаточно много (Р.Г. Абдулатипов, А.Г. Антипов, Г.Т. Галиев, Р.Р. Галлямов, Р.И. Ирнарзов, Т.Г. Исламшина, М.Д. Киекбаев, В.Ф. Ковров, А.В. Кудрин, Н.Г. Скворцов, М.А. Слюсарянский, С.В. Чешко).

Однако небольшое количество работ (А.О. Бороноев, Д.М. Гилязитдинов, В.И. Ильин, Л.Ф. Зайнетдинова), связанных как раз с исследованием проблем этносоциальной стратификации, все же не дают полного представления об изучаемой проблеме, так же как и не формулируют единого определения и не выдвигают единых критериев исследования процессов этносоциальной стратификации. С одной стороны, – это открывает возможности другим ученым в выборе стратегий исследования и наборе индикаторов стратификации, с другой – вызывает некоторые ограничения исследовательского процесса из-за недостаточной разработанности темы.

Чаще всего в контексте исследований социальная стратификация, в том числе этносоциальная, рассматривается как «систематически проявляющееся неравенство между группами людей, возникающее как следствие социальных отношений и воспроизводящееся в каждом следующем поколении. Иначе говоря, изучение факторов и тенденций социальной стратификации позволяет оценить стабильность общества и происходящие в нем изменения» [1; с. 957].

В отличие от социальной структуры, возникающей в связи с общественным разделением труда, о социальной стратификации речь захо-

дит по поводу общественного распределения результатов труда, то есть социальных благ и степени доступности на пути к ним.

Степень обладания группой теми или иными ресурсами фиксирует её положение в обществе и дает возможность сравнить её позиции с положением других групп, выстраивая определенный ранжированный ряд. Тем самым стратификация характеризует общественную дистанцию между индивидами или группами не только по вертикали, но и по горизонтали.

Социальная дистанция между этносоциальными группами – это мера сходства или различия не только в социальных позициях, но и в социальных ориентациях, стратегиях, практиках этих групп. Исследование социальной дистанции в межэтническом взаимодействии даёт возможность оценить реальный потенциал отдельных групп, степень этнической толерантности, выраженность социального неравенства.

В сибирских республиках РФ в настоящее время объективно существует социальное разграничение основных контактирующих этнических групп по таким показателям, как образовательный уровень, социальный статус, занятость в наиболее престижных сферах труда, удельный вес работников квалифицированного умственного труда, представленность в органах государственной власти и т.д. Современную этносоциальную стратификацию можно рассматривать как результат государственной политики советского периода, которая в настоящее время воспроизводится системой и самими этногруппами.

В качестве одного из показателей развития контактирующих этносов в республиках, характеризующих степень их этносоциальной стратификации накануне и в период социально-экономических реформ в России в конце XX – начале XXI вв., можно назвать дифференцированность населения республик по территориальной принадлежности. По итогам Всероссийской переписи населения 1989 г. русские в основном преобладали в составе городских жителей, титульные национальности – в составе сельских.

К началу XXI в. ситуация существенно изменилась в Бурятии, Тыве, Саха (Якутия) и Хакасии. По сравнению с другими сибирскими этническими группами, например, алтайцами, хакасами, якутами, в Бурятии и Тыве в настоящее время удельный вес городских жителей среди представителей республикообразующих этнических групп стал заметно выше, что объясняется скорее миграционными предпочтениями, чем развитием сети городов (табл. 1,2).

Таблица 1

Соотношение городского и сельского населения
среди основных этнических групп республик*, %

Этнические группы	Удельный вес сельских граждан в общем составе населения республик		Удельный вес городского населения в общем составе населения республик	
	1989	2002	1989	2002
Республика Бурятия				
Русские	23,7	24,7	46,2	43,1
Буряты	13,3	14,3	10,7	13,5
Республика Алтай				
Русские	38,2	38,1	22,2	19,3
Алтайцы	27,7	25,6	3,3	5,0
Республика Хакасия				
Русские	17,6	19,3	61,9	61,0
Хакасы	7,1	7,4	4,0	4,6
Республика Саха (Якутия)				
Русские	4,9	2,8	45,4	38,4
Якуты	24,8	29,8	8,6	15,7
Республика Тыва				
Русские	7,4	4,1	24,6	16,0
Тувинцы	45,0	43,8	19,3	33,2

Таблица 2

Национальный состав республик Сибири, %*

Республика	Доля титульного этноса, проживающая в городе, в общем составе титульного этноса, %	Доля титульного этноса, проживающая в селе, в общем составе титульного этноса, %	Доля в населении республики, %		Доля титульного этноса, проживающая в республике, %	
	2002	2002	титульный этнос	русские	1989	2002
Тыва	43,2	56,8	77,0	20,1	96,3	96,7
Саха (Якутия)	34,7	65,3	45,5	41,2	96,1	97,4
Алтай	16,3	83,7	30,6	57,4	85,2	92,5
Бурятия	48,5	51,5	27,8	67,8	59,8	61,3
Хакасия	38,3	61,7	12,0	80,3	80,1	86,5

* *Источник:* Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.; Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989г. – М, 1990. С.102–153.

* *Источник:* Итоги Всесоюзной переписи 1989 г. и Всероссийской переписи 2002 г.

Миграционные стратегии жителей республик за годы реформ существенно изменились: типична миграция из сельской местности в городскую, так как условия проживания в городе значительно лучше, чем в селе. Предпочтения населения, ориентированного на переезд в городскую местность, обусловлены развитостью городской инфраструктуры, широкими возможностями альтернативных стратегий и каналов социальной мобильности, доступностью различных ресурсов, более широким выбором рабочих мест на рынке труда и т.д.

В результате за время между двумя переписями увеличилось число городских жителей из числа титульных этнических групп во всех республиках и уменьшилось число городских русских жителей. Хотя следует отметить, что доля титульного этноса, проживающая в сельской местности, в общем составе титульного этноса осталась по-прежнему меньше, чем доля тех, кто проживает в городе. Мотивы и направления миграций у русского населения связаны либо с переездом в сельскую местность (чаще всего вследствие потери работы в период реформ в результате закрытия промышленных предприятий, где в основном были заняты русские), либо вообще с выездом из республик.

Баланс трудовых ресурсов и занятость населения в разных сферах труда в зависимости от этнической принадлежности также характеризует существующую этносоциальную стратификацию. Баланс трудовых ресурсов населения республик представлен в таблице 3, из которой видно, что в тех республиках, где демографический переход этнических групп еще не закончился, как правило, у титульных групп, удельный вес лиц моложе трудоспособного возраста значительно больше, чем у русских, поэтому, скорее всего, в ближайшее время на региональных рынках труда будет преобладать молодое трудоспособное население титульных групп.

Таблица 3

Баланс трудовых ресурсов населения республик среди
основных контактирующих этнических групп, 2002 г., %*

Этниче- ские группы	Удельный вес лиц моложе трудо- способного возраста	Удельный вес лиц трудоспособного возраста	Удельный вес лиц старше трудо- способного возраста
Республика Бурятия			
Русские	22,2	61,5	16,3
Буряты	26,2	62,4	11,4
Республика Алтай			
Русские	22,9	60,3	16,8
Алтайцы	30,02	59,93	10,04
Республика Хакасия			
Русские	20,3	62,2	17,51
Хакасы	26,37	61,5	12,14
Республика Саха (Якутия)			
Русские	23,7	65,9	10,4
Якуты	30,6	59,51	9,9
Республика Тыва			
Русские	20,9	61,1	18,1
Тувинцы	35,17	58,19	6,64

Для Бурятии в XX в. было характерно широкое участие русских в составе руководителей среднего звена, титульных национальностей – среди управленцев более высокого ранга. Как выглядит ситуация в XXI в. согласно итогам Всероссийской переписи населения свидетельствуют данные, представленные в таблице 4.

* *Источник:* Национальный состав и владение языками, гражданство: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. Т. 4, Кн.1. С.612 – 718.

Таблица 4

Занятое население Республики Бурятия в зависимости
от уровня квалификации и образования
(в расчете на 1000 чел.)*

Занятия	В среднем	Русские	Буряты	Другие нац-ти
Руководители органов власти и управления всех уровней	104	96	118	131
Руководители учреждений, организаций и предприятий	98	92	110	128
Специалисты высшего уровня квалификации	146	114	250	107
Специалисты в области образования	53	37	105	36
Специалисты среднего уровня квалификации	132	130	142	105
Квалифицированные рабочие предприятий, строительства, транспорта	153	167	112	160
Неквалифицированные рабочие	107	115	86	93

Известно, что возможностей для восходящей вертикальной социальной мобильности всегда больше у представителей интеллигенции и их детей. Поэтому те этногруппы населения в республиках, которые к концу 1980-х гг. имели большие отряды интеллигенции (буряты, якуты) соответственно имели больше шансов занять наиболее высокие, престижные должности, по сравнению с русскими. Имеющие высокий статус родители воспроизвели его благодаря своим детям, ориентируясь, прежде всего, на получение высшего образования, расширение степени его доступности, преодоление барьеров и фильтров в процессе продвижения вверх, тем самым выполняя еще одну функцию – пополняя ряды своей национальной интеллигенции.

* *Источник:* Национальный состав населения РБ. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. по Республике Бурятия: аналит. зап. № 02-03-18. Улан-Удэ: Территориальный орган Федеральной службы Госстата по РБ. 2005. С.48-49.

Образование – это один из факторов этносоциальной стратификации, основной канал восходящей вертикальной социальной мобильности и важный индикатор устойчивого развития общества. Кроме того, уровень образования оказывает влияние на социальное самочувствие личности, степень этнической толерантности, а также оценку межэтнических отношений.

Образовательные стратегии русского и титульного населения республик Сибири отражают специфику их развития, указывают на определенную связь с этнической принадлежностью, тем самым фиксируют некоторую этноизбирательность. Согласно итогам Всероссийской переписи населения 2002 г. во всех республиках среди русского населения в процентном соотношении от общего числа граждан в возрасте 10 лет и старше число лиц со среднеспециальным образованием значительно больше (почти в два раза), чем с высшим. Соответственно по республикам: Алтай (21 и 12,12 %), Бурятия (25 и 13,1 %), Тыва (27,8 и 12,7 %), Хакасия (24,4 и 12,5 %), Саха (Якутия) (26,2 и 13,04%). У представителей титульных этносов это соотношение выглядит так: Алтай (6,2 и 10,18 %), Бурятия (18 и 25,7 %), Тыва (16,1 и 7,97 %), Хакасия (16,1 и 11,7 %), Саха (Якутия) (17,8 и 14%) [2; с. 1500].

В современном обществе разные граждане и различные социальные группы имеют неодинаковые возможности получения высшего образования. Проблема доступности становится следствием социально-экономической дифференциации населения России.

Результаты социологического исследования [3], проведенного в 2009 г. в Республиках Бурятия и Тыва (опрос экспертов, фокус-группы) позволили определить современные особенности этносоциальной стратификации в республиках.

Эксперты (русские, анкетирование) практически все уверены, что в Республике Тыве национальность влияет на возможность человека получить высокую должность в органах государственной власти. На вопрос о том, у людей какой национальности больше всего возможностей в Тыве получить хорошо оплачиваемую работу и занять высокий пост в органах власти выбрали тувинцев.

Среди участников фокус-групп (русские) не было такого единодушия в ответах, но все-таки большинство русских выразили мнение, что в этом плане их позиции менее конкурентоспособны. Вот что сказали студенты 1-5 курсов Тувинского госуниверситета: «В Тыве очень все зависит от национальности», «Зависит не только от национальности, а от других качеств человека тоже, но этнический фактор главный», «Чтобы найти хорошую работу национальность очень влияет, конечно

влияет», «Но если человек будет знать тувинский язык, то проблем у него сразу станет намного меньше. В ТГУ мы не изучаем тувинский язык, в школе у некоторых был», «Его почти никто не изучает сейчас, значит, так остро проблема не стоит и экономической необходимости тоже особой нет», «На руководящие посты без тувинского не возьмут, русские есть среди чиновников, но очень мало».

Представители русской интеллигенции 26-45 лет: «На работу устроиться, где высокооплачиваемая должность почти невозможно», «Опыт и знания никому не нужны», «Если бы была фамилия и родственные связи – это уже другой вопрос», «А вот организовать свое дело – здесь нужны деловые качества и организаторские способности – моя свекровь все что хочешь организует, выглядит как славянская женщина – голубые глаза, светлые волосы, но имеет массу тувинских друзей и любое дело она вытянет, у меня такого нет, но это зависит не от моей национальности, зависит от человека, его темперамента и способностей».

Одним из препятствий, в силу которого нельзя получить хорошую должность, будучи даже квалифицированным и профессиональным работником, участники фокус-групп называли знание тувинского языка.

Представители русской интеллигенции 26-45 лет: «В конце 1990-х, 2000-х гг. здесь шла целенаправленная политика, что русский язык здесь никому не нужен и в связи с этим пошел огромный отток русскоязычного населения, потому что обстановка была очень не стабильная. И естественно, что воспиталось не одно поколение тувинцев, которым русский язык действительно не нужен», «Они же плохо знают русских язык, попробуй что-нибудь им объяснить, они же к пятому курсу только начинают разговаривать», «Тем не менее те тувинцы, у которых есть средства они отправляют своих детей в Москву, Новосибирск, за рубежом я знаю учатся», «Некоторые даже в русские классы отдают детей и говорят, а зачем ему тувинский, если он будет учиться в Москве», «Вообще здесь успешен будет тот человек, который будет говорить на двух языках», «Все равно образование однобоко идет у нас, нас русских жителей обвиняют в том, что мы не знаем тувинский язык, но мы говорим: «Будьте так любезны, создайте языковую программу». Я бы с удовольствием изучала язык, чтобы двигаться дальше и чтобы меня противоположный этнос воспринимал достаточно хорошо. Но ничего нет для русских – ни школ, ни учебников. Мы сколько кафедру тувинского языка просим – разработайте учебники для русскоязычного населения и это должно быть не раз в полгода, а систематически изучаться, также как и русский. Может быть, нашему Правительству вы-

годна такая однобокая политика...», «Одно время как-то преподавали в школе, но это было месяц, а потом учителя не было, учителей для русскоязычного населения нет вообще, методика не разработана, язык сложный, уровень образования обучаемых и обучающихся должен быть высокий», «Я, когда в школе работала, точные предметы тувинцам легче объяснять, чем гуманитарные, потому что они не понимают и я им объяснить не могу, потому что я языка не знаю. Тесты они легко пишут, там цифры, а вот изложить материал не могут, термины многие не знают. У нас в школе и в институте язык тувинский не преподавали, поэтому было очень сложно в школе. Мы ведь ведем и в национальных классах, поэтому я считаю, что это недоработка в образовании». «Наша республика многонациональная у нас два государственных языка и если хотят, чтобы другие этносы знали тувинскую культуру не только через русский язык, а и через тувинский, то должны быть систематические занятия с молодым поколением и с более взрослыми тоже». «И еще существует политика двойных стандартов, я столкнулась с этим, когда муж устраивался на работу. Муж, очень хорошо знающий свое дело человек, на тестировании тувинец парень почти ничего не знал, но предпочтение на собеседовании отдали ему, так как он был чей-то родственник».

Эксперты (анкетирование) тувинцы высказывали противоположную точку зрения. Большинство из них уверены, что в республике национальность не влияет на возможность получить высокую должность в органах государственной власти. А возможность получить хорошо оплачиваемую работу, занять высокий пост или открыть свое дело никак не зависит от национальности.

Мнения участников фокус-группы (тувинцы, интеллигенция, 26-45 лет) не были столь единодушны: «В целом сказать, что не влияет, наверное, неправильно, может быть местами могут быть какие-то перекосы, в определенных учреждениях». «В принципе не влияет, у нового Правительства настрой на то, чтобы брать человека с мозгами, а не потому как звучит его фамилия», «Вот еще одна проблема у нас очень заметна, если руководитель тувинец то почему-то все работники у него тувинцы, это есть и я даже могу привести примеры, это искореняется но это есть», «Зависит не столько от национальности, а от того насколько родственники, есть учреждения где вся родня работает». «И в Российской Федерации и в республике отвратительная кадровая политика. Если в республике работает менеджмент тувинский, то он отбор кадров ведет по родо-племенному принципу, клановой принадлежности».

Глубинное интервью эксперта (тувинка): «Что касается доступа к благам, то здесь деления по национальному признаку не проявляется, есть очень влиятельные русские, также как и тувинцы и вот эта элита русская и тувинская она очень между собой спаяна, между ними нет вражды, а присутствует корпоративизм бизнеса. Влиятельные русские, как правило, здесь занимаются бизнесом частным. Представленность русских в органах власти очень маленькая, так же как и в Хурале, хотя надо отдать должное нашему Премьеру, он подтянул и подтягивает русских, их стало в руководстве чуть больше».

Как видим из высказываний экспертов, в республике существуют условия (возможность получить высокую должность в органах госвласти), которые влияют на степень выраженности этносоциального неравенства, а также воспроизводятся барьеры, не способствующие уменьшению дистанции между этносами (отсутствие целенаправленной политики обучения русских тувинскому языку). В настоящее время знание тувинского языка рассматривается в республике как один из определяющих и важных каналов восходящей вертикальной социальной мобильности.

Ситуация в Республике Бурятия отличается от сложившейся в Туве. Так, по показателям социально-экономического развития Бурятия серьезно опережает Туву, межэтнические отношения характеризуются стабильностью, уровень толерантности этнических групп удовлетворительный. В то же время одной из серьезных проблем, является проблема двуязычия. В Бурятии многое делается для того, чтобы бурятский язык систематически изучался в системе начального, общего, профессионального и высшего образования. Однако объективная потребность населения, особенно русского, его заинтересованность выражена очень мало. Так, по итогам Всероссийской переписи населения 2002 г., среди русских, проживающих в Бурятии, 0,7 % (4743 чел.) знают бурятский язык [4; с. 135].

По результатам исследования 2009 г. эксперты (русские, анкетирование) в Бурятии в подавляющем большинстве ответили, что этнический фактор влияет на возможность человека получить высокую должность в органах государственной власти. Среди тех, у кого таких возможностей больше всего выбрали бурят.

Участники фокус-группы (русские, интеллигенция 26-45 лет) также были единодушны во мнении, что национальность влияет на возможность человека получить высокую должность в органах государственной власти: «У бурят если один пришел куда-то, он сразу всех своих

пристроит», «Если приходит руководитель бурят, сразу этнический состав этой организации меняется».

Эксперты буряты за исключением двух человек отметили, что этнический фактор не оказывает никакого влияния на возможность получить высокую должность в органах госвласти, все зависит от работника и обстоятельств.

Большинство участников фокус-групп (буряты, интеллигенция, 26-45 лет) высказали мнение, что национальность в республике не влияет на возможность получения высокой должности в органах госвласти. Прозвучала и такая точка зрения: «Национальность у нас имеет значение и это кадровая политика, изначально известно, что на одни должности будет назначен бурят, на другие русский». В то же время все отметили определяющее значение неформальных практик в процессе жизнедеятельности и, особенно при восходящей вертикальной мобильности личности, но без указания на этническую принадлежность: «У нас такой регион, где большое значение имеют связи, знакомства, без этого никуда, успешным не станешь без них». «Если нет протекции родственников и знакомых, то ничего не получится, это у нас, наверное, одна такая республика, где все делается по знакомству и связям, вот, например, в Иркутской области совсем не так. И это не дает развиваться настоящим профессионалам и поэтому стать успешным трудно».

Показатели этносоциальной стратификации принято рассматривать как факторы потенциальной межэтнической конфликтности, которые нередко детерминируют и характер межэтнических отношений. В настоящее время в республиках существуют факторы, которые объективно могут выступать как способствующие увеличению социальной дистанции между контактирующими этносоциальными группами, а не их интеграции, и тем самым создающие поле для появления конфликтов. Однако чем меньше будет социальная дистанция между этногруппами (согласованность интересов, равный доступ к ограниченным ресурсам, интеграционные процессы), тем с меньшей вероятностью может произойти зарождение конфликта. Следовательно, процесс оптимизации межэтнических отношений может развиваться в сторону регулирования факторов этносоциальной стратификации, создания пространства для межэтнической интеграции.

В Республике Тыва, к примеру, практически все участники фокус-групп (и тувинцы и русские) выражали заинтересованность в оптимизации межэтнических отношений, в воспитании взаимной толерантности, с ностальгией вспоминали советское время, когда и в социально-экономическом отношении республика не была в числе аутсайдеров и

культурные учреждения работали и межэтнические отношения были стабильны. Реальная потребность населения в реализации интеграционной политики есть, необходима систематическая работа в этом направлении и определенные действия местного руководства.

В Республике Бурятия и эксперты, и участники фокус-групп в целом охарактеризовали общий фон межэтнических отношений как стабильный, говорили о проводящейся работе по формированию у молодежи и населения республики взаимной этнической толерантности, выражали надежду на сохранение межэтнической стабильности в регионе.

Примечания:

1. Социология: Энциклопедия / под ред. Гришанова А.А., Абушенко В.Л., Евелькина Г.М. и др. Минск: Книжный дом, 2003 г.
2. Национальный состав и владение языками, гражданство... (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.). Т. 4, Кн.2.
3. Национальный состав и владение языками, гражданство... (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.). Т. 4, К.1.

Сведения об авторе:

Петрова Елена Викторовна – доктор социологических наук, старший научный сотрудник Отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, e-mail: elenapet_05@mail.ru;

Data on the author:

Petrova Elena Viktorovna – doctor of sociological sciences, senior researcher of the Department of history, ethnology and sociology of the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Researches SD RAS, e-mail: elenapet_05@mail.ru.

УДК 81

© О.Б. Истомина
Ангарск

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Язык, являясь производным когнитивных компетенций, претерпевает воздействие процессов и событий всех уровней – от локального до глобального масштабов. Сведения о языке и языковой ситуации обеспечивают определение динамики культуры и социальных ожиданий населения. В условиях распространения тенденций универсализации развитие языковых компетенций способствует

сохранению социокультурного образа региона и формированию транскультурных ценностей.

Ключевые слова: лингвокомпетенции; мажоритарный и миноритарный языки; транскультурные ценности; этничность; языковые контакты.

O.B. Istomina
Angarsk

REPRESENTATION AND LANGUAGE INTERPRETATION IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION

Language, being derivatives of cognitive competences, undergoes impact of processes and events of all levels – from local to global scales. Data on language and language situation provide definition of dynamics of culture and social expectations of the population. In the conditions of distribution of tendencies of a universalization development of language competences promotes preservation of a sociocultural image of the region and formation of transcultural values.

Key words: the languages competences; majority and minority languages; transcultural values; ethnicity; languages contacts.

В условиях динамичного информационно-технического развития, расширения миграционных процессов, экономических, политических, социальных взаимодействий, кардинально меняющих облик социума, роль языков, их контактов актуализируется. Интенсификация лингвовзаимодействий способствует развитию и использованию в речи межнациональных и этнонациональных языков. Однако в ситуации активного употребления мажоритарного межнационального языка значительно сужаются сферы применения этнонациональных языков, что способствует их девальвации. Эти процессы усиливались в результате проводимой в советское и постсоветское время политики, ориентированной на развитие в большей степени языка межнационального общения. В современных условиях глобализации действие данных процессов значительно усугубляется. Но в ответ на распространение тенденций универсализации, нивелирования национальных перегородок, унификации моделей общения усиливаются действия, направленные на сохранение и развитие этнокультур. Внимание к родным языкам этногрупп объясняется их способностью сохранять и развивать национальные культуры.

Язык как эффективная динамичная система, отражающая особенности гео-, социо-, этнокультурного миропонимания, определяющая знание и опосредование эмпирической и трансцендентальной intersubjectивности, в условиях полиэтнической среды в системе идентификаций занимает ведущее положение. Это унаследованная от предыдущих поколений форма мышления и поведения этноса, транслирующая все общественно значимые и востребованные этногруппой свойства в индивидуальный и коллективный дискурс. Язык выполняет роль этнокультурного маркера, отражает признаки этнической ментальности его носителя, производит интериоризацию ценностных установок как субъекта, так и адресата речи и на этом основании формирует этнокультурный образ региона. В случае дисперсного расселения этногрупп многонациональной общности, обуславливающего распространение ассимиляционных процессов, интегративные и консолидирующие способности языка обеспечивают сохранение и развитие этнонациональных культур.

В современном обществе язык является основным инструментом разнообразных форм и механизмов взаимодействий этнических и национальных культур. Это уникальная знаковая система, важное условие существования общества на протяжении всей истории человечества. В языке репрезентируются модель мира, способы восприятия, понимания мира народом, этносом. Язык представляет собой систему, производящую знание и опосредование эмпирической и трансцендентальной intersubjectивности, обладающую условием возможности и значимости понимания и самопонимания. Индивидуальное языковое сознание есть система, организованная на основании предшествующего речевого опыта.

Язык фиксирует особенности мирозерцания, восприятия, понимания и анализа ментальных образов. Он обладает уникальной способностью объединять вокруг себя носителей-коммуникантов, их ценности, диспозиционные ориентации, национально-специфические представления, выражающиеся в конкретной модели поведения, в этом заключается его консолидирующая роль. Поэтому в полилингвальной среде функционирование этнических и национальных языков народов конкретной социально-территориальной общности является обязательным и жизненно необходимым для сохранения «географического образа» региона [3, с. 10]. Контактность как основное свойство языка обеспечивает, по утверждению Т. Парсонса [4], не только акты смыслопорождения, но также социализации и взаимодействия. Языковое поведение мыслится как форма внутреннего

диалога, как осмысленный речевой акт, как результат морально-нравственной регуляции в отношении дискурсивных установок, как интеракционистское действие.

На модель языкового поведения оказывают влияние не только диахронические, но и структурно-синхронические характеристики общества. Этнокультурная, политическая, экономическая, социальная, художественно-литературная специфика конкретного географического пространства определяет уровень репрезентации и интерпретации форм дискурса. Язык, являясь производным когнитивных компетенций, претерпевает воздействие процессов и событий всех уровней – от локального до глобального масштабов.

Особенностью целеполагания современного индивида является прагматичность и ее следствие – аккультурационные и ассимиляционные процессы в отношении культуры и её лингвистического кода. Универсализация, коммуникационно-информационная революция последней трети XX в. усилили влияние на характер трансформации менталитета многих социальных групп, а значит, на их речевое поведение. Вследствие этого влияния происходит радикальная трансформация научного познания, воспринимаемого сегодня в качестве теории и методологии целостного постижения мира, что влечет за собой прагматизацию общественной и личной практики современного человека, формирование менталитета «гражданина мира», ориентированного на приоритеты глобальных ценностей. Прагматичность и предельная рациональность находят отражение в выборе языка общения, переписки и, конечно, публикаций. По данным British Council, соотношение количества ежегодных публикаций выглядит следующим образом: «английский – 28%; китайский – 13,3%; немецкий – 11,8%; французский – 7,7%; испанский – 6,7%; японский – 5,1%; русский – 4,7%; португальский – 4,5%; корейский – 4,4%; итальянский – 4%; голландский – 2,4%; шведский – 1,6%» [5]. Самым распространенным средством сетевого общения являются английский (35,8%) и китайский (14,1%) языки, русский язык уступает многим европейским и азиатским, занимая десятую из двенадцати позиций (2,5%). Вес русского языка в сетевом общении и в общем объеме публикаций незначителен. Очевидно, что национальные и этнические языки многих малочисленных народов, представляющих коммуникационное пространство современной России, практически не обозначены в сфере internet-публикаций, как и в научной, художественной и периодической печати. Прагматизм и рационализм, одной из особенностей которых признается «тождество бытия и

мышления, тождество мышления и языка» [2, с. 853], изменяют содержание целого спектра функциональной языковой применимости.

Сужение рамок социальных сфер использования национальных языков изменяет их функциональную нагрузку и сводит к семейно-бытовой сфере. Однако в современном глобализирующемся мире в противовес проявляющимся тенденциям универсализации усиливается стремление народов России сохранить многополярность культуры, развивать, а в некоторых случаях и возрождать язык нации как зеркало культуры, свидетельство культурно-духовной самобытности, которая создается соединением всех факторов этнообразования, а главное – неповторимостью исторического пути каждого народа, включая историю его религиозного развития, проявляющуюся в морально-правовых нормах, в когнитивно-коммуникативной деятельности, лингвистических символах, идиоматической и фонологической системах, поведении, акциональных кодах. Национально-специфическое сознание закрепляется в языке и становится социально наследуемым. В силу своей кумулятивной функции язык является памятником национальной культуры, зеркалом жизни нации. Поэтому самым эффективным способом сохранения и развития национальных культур признано сохранение их языков.

Язык есть сложная форма, обеспечивающая объединение в обыденном человеческом сознании четырех компонентов: сенсорно-рецептивного, логико-понятийного, эмоционально-оценочного и ценностно-нравственного. Он обеспечивает их успешное функционирование в социальной среде. Кроме того, ценностно-нравственный аппарат является базой национальной языковой картины мира и отражается в моральных установках и ценностных приоритетах этногруппы. Языковая картина мира субъективна, она фиксирует осмысление мира конкретным этносом, включает в себя субъективные оценки, эстетические и нравственные категории, особенности гео-, социокультурного мировосприятия и понимания.

Этнонациональный склад мышления отражен в этнонациональном языке. Без сомнения, слово – кодовое образование, зрительный образ объекта или прототипа, а каждая этноязыковая картина мира – это лексически выраженный комплекс данных прототипов, это некое лексическое воплощение модели мира в сознании этноса или нации. Не овладев знаниями о национально-специфических прототипах, образах, проникнуть в иноязычную картину мира невозможно. В результате взаимодействия с «другой» культурой у реципиента формируется к ней свое отношение, оно детерминируется национально-специфическими

различиями, а также найденными интегральными признаками и универсалиями. Этничность – это коммуникативный ресурс, одна из возможностей в арсенале индивида, позволяющая выстроить его поведение в соответствии с требованиями социальной среды. Этничность может как способствовать социальной компетенции индивида, так и ограничивать ее.

Дискурс как конкретная речевая практика является выражением всего универсального и национально-специфического в когнитивно-коммуникативных актах индивида. А значит, национальная идентичность выражает себя через речевые практики, при этом этничность выступает своего рода ресурсом, который постоянно поддерживается нарративами – художественными лакунами, мифами о культурно-исторической уникальности и предопределенности особой исторической миссии этнической группы, ее героическим эпосом.

В условиях роста межэтнических взаимодействий роль языка актуализируется. Сущность языковых контактов выражается во взаимодействии и взаимовлиянии двух и более языков в результате развития социальных, хозяйственно-экономических отношений. Это эффективная в поликультурной среде форма этноадаптации, роль которой в системе внутригрупповых ориентаций определяется как обеспечение синтеза индивидуального и социального начал языков, а также конгруэнтности межкультурного диалога. В условиях нарастания тенденций глобализации лингвоконтакты усиливают интерес к групповым ценностям когнитивно-мотивационной базы этнического сознания, способствуют преодолению межкультурных барьеров. Наиболее типичной формой выражения является билингвизм как вид дискурса, интегрирующий «рефлексию инаковости» и «рефлексию сходств» в системное качество интерактивных компетенций.

На современном этапе в поликультурном регионе формирование и развитие языковых контактов определяется объективными условиями социальной среды, а также субъективными личностными свойствами участников лингвокультурного взаимодействия. Комплекс данных факторов формирует специфический региональный тип языковых контактов. В межэтнических коммуникациях язык одновременно выполняет роли средства общения, источника информации, выражения эмоций, чувств, и даже национального характера. Являясь этническим символом, язык в ситуации контакта служит маркером уникальных этнических признаков, его свойства «культуроносности» важны и используются в процессах социализации языковой личности.

Коммуникативные компетенции как результат данных процессов обеспечивают не только понимание конкретного текстового сообщения, но и позволяют проникнуть в символическую систему языка. В межэтническом контакте необходимость использовать иной язык, другие речевые стратегии, отличные от привычной однородной языковой среды, связана с потребностью повышения лингвокультурных компетенций, с ростом сознания, самооценки и категоризации языковой личности. А «рефлексия инаковости» как следствие функционирования межэтнических взаимодействий является процессом, способствующим индивидуальной идентификации.

Осознание истории и культуры своего общества обеспечивает самоидентификацию индивида как личности, как представителя культуры, носителя языка и традиций. Общество и все процессы, которые в нем происходят, согласно теории Ю. Хабермаса, являются для коммуникации «специфическим контекстом», «жизненным миром» [8]. Важность дискурса, коммуникативных действий в индивидуальной и общественной практике подтверждается социальными последствиями: «Коммуникативное действие, рассмотренное в функциональном плане, служит в аспекте взаимопонимания передаче и обновлению культурных знаний, в аспекте координации действия – социальной интеграции и воспроизводству солидарности, и, наконец, в аспекте социализации – образованию личностной идентичности» [8, 123].

Опора только на видение и понимание языка в качестве средства, орудия дискурса способна постоянно умалить роль миноритарных языков в процессах социализации, формирования диспозиций, а также может стать пусковым устройством аккультурационных и ассимиляционных процессов, демонстрирующих функциональное преобладание мажоритарного языка, стремящегося на этом основании к статусу родного. Такой подход провоцирует смещение этнического признака в процессах идентификации и, конечно, самовосприятия в актах социальной самокатегоризации. Язык как средство, источник достижения целей в жизненно-практическом пространстве индивида способен трансформировать изначальную первичную идентификацию себя как представителя этногруппы на оценку представителя общемировой культуры с преобладанием в речевом поведении мажоритарного языка, т.е. лингвокода большей части населения конкретной социально-территориальной общности.

Последствия распространения тенденций универсализации отражаются в популяризации инструменталистского подхода в

отношении понимания родного языка, назначение которого видится в содействии индивидуальной социализации, в предоставлении максимально широких возможностей и условий повышения эффективности данного процесса. Современная языковая ситуация характеризуется смещением позиций философско-культурологического аспекта в связи с преобладанием прагматических задач и усилением роли мажоритарного языка как средства успешной социализации.

В современных условиях нарастания тенденций универсализации большую силу обретают прагматические способы и критерии понимания законов и механизмов взаимодействий, в том числе языковых. Прагматичный мир ориентирован на такие же прагматичные, рационально-рассудочные принципы мировоззрения, направленные на максимальную эффективность деятельности, в том числе речевой. Очевидно, что в полиэтническом обществе понятие «родной язык» становится все более неоднозначным в силу его восприятия как средства оформления одновременно внешнего и внутреннего миров индивида. Структура личности находится в прямой зависимости от этнической и национальной структур культуры и, конечно, от структуры языка как квинтэссенции ментальной модели постижения мира.

Понимание важности этноконсолидирующей роли языка, признание его ценностью, частью этнической культуры способствует сохранению родного языка и является одним из немногих способов противостояния процессам универсализации, позволяет расширить рамки сознания, вывести его из рационально-прагматических шор в поликультурную плоскость. Представляется особенно важным понимание необходимости сохранения и развития языков этногрупп как основы этнического самосознания.

Философская трактовка языка как зеркала культуры, духа нации выстраивает корреляционную пару «типическое в культуре – типическое в языке». В системе межэтнических коммуникаций язык является средством социальной интеграции, обеспечения бесконфликтного общения. Коммуницируемость языковой системы есть условие интеракции и обеспечения самой возможности межкультурного взаимодействия. Интегративные и консолидирующие способности языка определяют сохранность и развитие этнонациональных культур.

Современное поликультурное общество характеризуется сложностью реализации интересов всех этногрупп территории. Нарастание дисперсности расселения ввиду расширения миграционных процессов,

изменение этнонационального портрета как государства, так и его регионов в ситуации социально-экономической нестабильности умножает социально-психологическое напряжение, создает дискомфорт в общении. В таких условиях этнонациональные отношения обретают больший динамизм, они способны нагнетать негативные проявления других факторов, имеющих деструктивный заряд энергии. Социально-экономические, культурные, духовно-нравственные разногласия усугубляют уровень критичности в системе межэтнических коммуникаций, влияют на процессы самоидентификации и оценку поликультурного окружения. Также они оказывают воздействие на возможность реализации специфических черт культуры, на проявление культурной особенности.

Вместе с тем в связи с большим распространением прагматических способов и механизмов языковых взаимодействий лингвоэкологические процессы связаны с трудностями внедрения и функционирования принципов государственной национальной политики. Ее основой является интеграция этнических и национальных интересов. Нарушение баланса этих факторов опасно своими социальными последствиями. Преобладание этнического в политической сфере способствует асимметричным формам самоидентификации, перевес национального усиливает действие ассимиляционных процессов. Поэтому задача национальной политики многоэтнического государства – построение сбалансированной модели взаимодействий, позволяющей обеспечить этнонациональное равновесие.

Сложность построения адекватной современному полисемантическому миру модели этнонациональной идеологии, не ущемляющей права ее участников, состоит в том, что нация представляет «воплощаемую в социальную практику идею гомогенного государства с унифицированной идентичностью граждан» [6, с. 51]. Опасность давления данных форм видится в распространении принципов этнонигилизма или этнической индифферентности. Любые несбалансированные формы, крайние оппозиционные проявления этнополитических установок, центристские или нигилистические, становятся причиной психологического дискомфорта в межэтническом взаимодействии.

Необходимость равновесия этнического и национального в поликультурной среде, потребность в балансе интересов этих двух начал дают основания считать, что в современных условиях этническое и национальное должны гармонично интегрировать в общую категорию «этнонациональное сознание». В данном понятии «находит отражение органическое совмещение этнических (прирожденных) и национальных

(социальных) характеристик, присущих определенному этапу исторического развития» [7, с. 180]. Тем не менее, этнический фактор в индивидуальном самовосприятии и самокатегоризации должен сохраниться в качестве первичного критерия.

Тенденции современной национальной политики – это сохранение этнической идентичности, понимание ее важности, но в общегосударственном масштабе, вне нарушений национального единства. Вариантов развития синтетического этнонационального типа сознания несколько, например: «1) формирование идеологии приоритета прав личности перед правами всех надличностных социальных структур, 2) развитие нового элемента в общественном сознании, представляющего собой сочетание российского гражданского сознания и национально-этнического сознания; 3) оптимальное развитие федерализма» [1, с. 41]. Основа современной концепции этнонациональной политики – это этническая интеграция в общенациональном масштабе с предоставлением и реализацией равных прав, привилегий, обязанностей, функций всех этногрупп в едином социокультурном пространстве, когда «иное» не является «чужим», враждебным, а, наоборот, способствует более глубокому и объективному пониманию себя и своей культуры. Данная модель строится на принципе «единство в многообразии».

Этнолингвистическая политика в многоэтническом территориальном объекте как часть всей национальной политики также нуждается в постоянном общественном внимании, в коррекции моделей взаимодействия в зависимости от тенденций текущих социальных изменений. Практика функционального распределения языков доминирующих этногрупп в регионе, включение языков в школьную программу системы организованного обучения, наличие данных языков в культурно-просветительской деятельности определяют характер, формы и механизмы взаимодействий этнонациональных культур. Все это в совокупности обеспечивает аккультурационные процессы с равноправными гражданскими отношениями внутри поликультурной общности, препятствует распространению ассимиляции. Развитие билингвального образования, распространение этнонациональных школьных программ, внедрение учебно-воспитательных технологий, лингводидактических методов способствуют социальной мобильности нового культурного и языкового поколения.

Социальный статус языка, отношение к нему, уровни компетенций и сферы функционального применения напрямую зависят от установок национальной политики государственных и региональных органов власти. Языковая политика в поликультурной среде обретает функции со-

циального контроля и регулятора социальных отношений, крайними позициями которых являются либо межнациональная неприязнь, либо толерантные отношения, основанные на взаимном уважении этнически гетерогенных групп. Использование социокультурных факторов в решении узкопрагматических этнократических интересов губительно и антигуманно. Роль всех языков возрастает, когда общество признает развивающее начало языка, его способность повысить культурный уровень в масштабах отдельной человеческой жизни и в обществе в целом. Расширение лингвистических компетенций повышает уровень общекультурных компетенций, что, в свою очередь, способствует интеграции общества.

Основой современной этнонациональной идеологии является интеграция этнических и государственных интересов, что становится возможным только в условиях билингвизации общества. Язык, выполняя роль посредника, проводника в «иную» реальность, способен стать гарантом стабильности и формирования транскультурных ценностей. Несмотря на трудности интерпретации данных языка, именно сведения о языковой ситуации помогают проследить динамику социальных ожиданий разных категорий населения. Развитие языковых контактов и билингвальных компетенций снижает уровень ассимиляции, сохраняет этническое своеобразие и национально-демографический образ социально-территориальной общности, способствует углублению понимания как самого языка, так и культуры конкретной этногруппы и полиэтнического окружения.

Примечания:

1. Авксентьев В.А., Шаповалов В.А. Этнические проблемы современной России: Социально-философский аспект проблемы. Ставрополь, 1997.
2. Всемирная энциклопедия: Философия. М., 2001.
3. Замятин Д.Н. Геоспациализм: онтологическая динамика пространственных образов // Социологические исследования. 2012. Вып. 2. С. 3–11.
4. Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998.
5. [Электронный ресурс]. URL: British Council 1997, 2000. – <http://www.britcow.org>
6. Рыбаков С.Е. Анатомия этнической деструктивности // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология. 2001. № 3. С. 23–54.
7. Тощенко Ж.Т. Этнократия: История и современность. Социологические очерки. М., 2003.
8. Хабермас Ю. Вовлечение другого: Очерки политической теории. М., 2000.

Сведения об авторе:

Истомина Ольга Борисовна – доктор социологических наук, доцент Ангарской государственной технической академии, г. Ангарск, e-mail: olgaistomina@mail.ru;

Data on the author:

Istomina Olga Borisovna – doctor of sociological science, Associate Professor, Angarsk State Technical Academy, Angarsk, e-mail: olgaistomina@mail.ru.

УДК 373.3(438)

© К. Косела
Варшава

ПАТРИОТИЗМ УЧЕНИКОВ – ПОРАЖЕНИЕ ВОСПИТА- ТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПОЛЬСКОЙ ШКОЛЫ

Данная работа является частью отчета для руководства польского школьного образования об анализе результатов внедрения реформ в систему школьного образования. Исследование объясняет причину весьма неудачного прогноза автора, описывающего национальные установки польских учеников в 1999 г.

Ключевые слова: образование, патриотизм, национальные установки, молодежь.

K. Kosela
Warsaw

PATRIOTIC PUPILS: SETBACKS FOR THE EDUCATIONAL SYSTEM OF POLAND

This work is part of a report prepared for the leaders of Poland's lower education system. It analyzed the results of the introduction of reforms to the primary and secondary educational system, and explains the reasons for which the author's prognosis regarding national education policy in 1999 failed to come true.

Key words: education, patriotism, national education policy, youth.

По результатам анализа установок польских подростков в исследовании учеников из 28 стран тогда мы пришли к выводу, что: «Соотно-

шение факторов, усиливающих национальные чувства, позволяет предвидеть дальнейшую мобилизацию этих установок». [...] Следовательно, можно ожидать, что в следующем исследовании гражданских знаний и установок польские гимназисты не удивят исследователей равнодушием к делам нации» [1, с. 161]. Между тем, в 2009 г. ученики удивили исследователей, выказывая явную сдержанность в проявлении теплых чувств к Родине. Предвидение и результаты исследований стали поражением социологического прогнозирования и свидетельством неудачи школьных воспитательных программ в нашей стране. Нельзя равнодушно пройти мимо таких результатов, необходимо определить причины охлаждения в национальных установках школьников.

Эмпирические данные предоставлены Международным образовательным обществом (*International Association for the Evaluation of Educational Achievement*, сокр. IEA), которое в 2009 г. [2] осуществило повторные исследования 1999 и 2000 гг. [3]. Два удаленных во времени измерения в разных странах представляют интересную картину о воспитательной работе на разных континентах, а также о мировых трендах в области гражданского образования молодежи. Дополнительным источником информации являются результаты исследований, реализованных на общепольских выборках самых старших учеников, оканчивающих обучение на уровне выше гимназического [4].

В 1999 г. польские ученики преподнесли приятный сюрприз, получив самый лучший в мире результат в тестах гражданских знаний. Лишь немногим хуже показали себя их младшие собратья, которые весной 2009 г. выполнили похожие задания. Измерение 2009 г. показало наличие хороших гражданских знаний у польских учеников (6 место среди 38 стран, участвующих в исследовании), одновременно выявив поражение реформ в деле улучшения взаимоотношений между учителями и учениками польских школ. Этот вопрос непосредственно затрагивает группу более 600 000 польских учителей и важные круги политиков. Интригует и явно худший по сравнению с 1999 г. результат польских учеников по шкале патриотизма в 2009 г.

Патриотизм и религия подобны огню – могут приятно греть, а могут обжигать и сжечь. Сравнение национальных установок с огнем показывает, что мы, бесспорно, не занимаемся банальным делом. Воспитатели стараются таким образом формировать молодые умы, чтобы национальные чувства грели, но не обжигали. В Польше эта тема актуальна и горячо обсуждается. Совсем недавно закончились голодовки в знак протеста против решений, продвигаемых Министерством народного образования касательно преподавания истории и гражданского знания в

школах пост-гимназической ступени. В роли посредника между министерством и общественной стороной выступил сам президент Речи Посполитой.

Польский урок. Имеется особая причина, чтобы рассказать о патриотизме/национализме польской молодежи. Российская Федерация была среди стран, участвующих в обоих исследованиях гражданских знаний и позиций (в 1999 г. и 2009 г.), поэтому патриотизм российских учеников появится в сравнениях. Выбор России для данных сравнений был спровоцирован российским корреспондентом, находящимся в Польше. Во всепольской ежедневной газете польский журналист писал, что российский корреспондент государственного агентства РИА «Новости» Д. Бабич сообщал о протестах в Польше против польских программ преподавания истории в школах, готовящих к аттестату зрелости. В ежедневнике «Речь Посполита» можно было прочесть, что российский обозреватель польских событий *«восхищается польским протестом против ограничения преподавания истории в средней школе. Он утверждает, что и в России историю, как и другие предметы, все больше урезают, и сопротивление поляков приводит россиянам как образец»*. Самое интересное, заключается в том, каким образом Д. Бабич закончивает свою статью для российских читателей: *«В современной России выхолащивание школьных программ не встречает такого сопротивления, как в Польше»*. Однако тут же добавляет: *«Как показывает опыт, российское общество с небольшим лагом всегда повторяет все тенденции общества польского»* [5].

Не знаем, что об этом думать, но сейчас мы представляем результаты, относящиеся к польской молодежи, чтобы читатели могли сами решить, стоит ли всегда следовать примеру польского общества.

Успех в 2009 г. Польские ученики способны вызывать у воспитателей много приятных переживаний. Они не являются постоянным источником огорчений и были в состоянии преподнести сюрприз. В исследовании *International Educational Association* под названием *CIVED* в 1999 г. они изумили социологов и воспитателей неожиданно хорошим результатом (наилучшим на свете) теста гражданских знаний. Объяснение великолепного результата не было легким, поскольку трудно было найти причину того, что польские 14-летние подростки опередили в тесте гражданских знаний ровесников из стран, демократических на протяжении многих десятилетий и учеников из бывших социалистических стран. Гипотеза о постоянной обработке в духе коммунистической идеологии не объясняла различий между посткоммунистическими странами, так как коммунистические партии обращались к обществу с

похожим посланием. Однако было различие внутри братского лагеря – в Польше смена строя была настолько долгожданной, что память об этом ожидании передавалась даже подросткам. Эффект долгого ожидания виден в ученических оценках, собранных в 1999 г. (табл. 1).

Польша была той страной, где смена строя была повсеместно оценена позитивно. Можно сказать, что целое десятилетие 1980-х гг. граждане не ожидали перемен и, наконец, в 1989 г. перемены произошли. Они испытали гражданское пробуждение, следы которого можно было заметить даже десятилетие после польского перелома в ответах 14-летних учеников.

Таблица 1

Оценка перемен, сделанная 14-летними учениками из 7 посткоммунистических стран, % [6].

Смена строя после 1989 г. [1990, 1991] принесла:	Польша	Чехия	Венгрия	Латвия	Словакия	Словения	Литва
Больше хорошего, чем плохого	49	34	34	26	24	22	22
Больше плохого, чем хорошего	9	9	11	13	21	11	13
Столько же хорошего, сколько плохого	16	20	25	25	14	28	30
Не знаю	26	37	30	36	41	39	35

Это пробуждение выделяется во многих измерениях, в том числе в измерении национальных чувств. В таблице 2 показана последовательность стран, участвовавших в исследовании *IEA Cived* в 1999 г., с учетом среднего результата по шкале отношений к нации. Польские ученики были на четвертом месте в рейтинге из 28 стран, россияне – на четырнадцатом.

Проблема сильных идентичностей. Крайнее признание для нации можно заключить в трех утверждениях, выражающих сущность, важность и абсолютный характер этой общности:

- нация имеет уникальные черты, миссию и предназначение; лояльность членов нации заключается в их поддержке и осуществлении;

- национальная общность важнее других, так как определяет всю жизнь; поэтому лояльность нации стоит выше других лояльностей;
- человек не выбирает национальную общность, он с ней рождается и умирает; это врожденная общность, а не одобряемая или отталкиваемая применительно к обстоятельствам.

Таблица 2

Средние результаты 14-летних учеников из разных стран на шкале отношений к нации, Cived 1999 г. [7, с. 101].

	Средняя результатов на шкале <i>отношений к нации</i>	Статистическая погрешность	Сравнение с международной средней
Греция	11,40	0,05	↑
Кипр	11,28	0,03	↑
Чили	11,10	0,04	↑
Польша	11,08	0,08	↑
Колумбия	10,87	0,06	↑
Португалия	10,72	0,04	↑
Финляндия	10,47	0,05	↑
Словакия	10,47	0,07	↑
Чехия	10,21	0,04	↑
Румыния	10,14	0,06	
Венгрия	10,05	0,04	
Международная средняя	10,00	0,00	
Австралия	9,99	0,05	
Литва	9,98	0,04	
Россия	9,96	0,05	
США	9,92	0,06	
Словения	9,92	0,04	
Болгария	9,91	0,06	
Норвегия	9,91	0,05	
Дания	9,80	0,04	↓
Италия	9,54	0,04	↓
Латвия	9,47	0,06	↓
Эстония	9,45	0,04	↓
Англия	9,38	0,05	↓

Косела К. Патриотизм учеников – поражение воспитательной системы польской школы

Швеция	9,30	0,08	↓
Швейцария	9,19	0,06	↓
Германия	8,97	0,06	↓
Гонконг	8,87	0,03	↓
Бельгия *	8,44	0,08	↓

↑ средний результат этой страны существенно **выше**, чем средний результат в международной выборке

↓ средний результат этой страны существенно **ниже**, чем средний результат в международной выборке

* только франкоязычная часть

В анкетном исследовании трудно обеспечить хорошую операционализацию такой сложной установки. Для трех вышеприведенных убеждений следовало найти соответствия, приспособленные к ограничениям количественного инструмента и когнитивных возможностей 14-летних школьников из многих стран с культурными различиями. Главные аксиомы националиста были подвергнуты «государственному» переводу, посчитав, что ученики выразят отношение к нации в установках относительно национального государства и его символов. Шкала «позитивных чувств по отношению к своей нации» возникла из реакций: «решительно согласен, скорее согласен, скорее не согласен, решительно не согласен» на четыре утверждения, соответственно подогнанные в каждой из стран-участниц исследования. В Польше высокий результат получал ученик, который решительно соглашался с мнением «*Флаг Польши для меня важен*», с заявлением «*Я очень люблю Польшу*», с мнением «*Польша должна гордиться тем, чего достигла*». Чтобы получить высокий результат, школьник должен был решительно дистанцироваться от мнения «*Я бы предпочел постоянно проживать в другой стране*» [подразумевается – не в Польше]. В утверждениях шкалы находим слово «Польша, Венгрия, Россия...», но не видим культурной общности, рассеянной по континентам, а лишь популяцию, заселяющую территорию, отделенную границей. Для исследования *IEA CIVED* 1999 г. представители нации отчетливо отождествлялись с гражданами государства, имеющего флаг и достижения. Национальные установки четырнадцатилетних учеников идентифицировались со склонностью выражать положительные чувства к символам национального государства и к политической общности. Можно оправдать это плоское замещение, показав тенденции развития национальной мысли, начиная с романтической философии нации, не находящей для государства важного места

вплоть до слияния нации и государства, поскольку десятилетиями государства выступают в облачении национального государства.

В международном исследовании 1999 г. ученикам было предложено целых 10 утверждений, касающихся национального вопроса. Четыре из них служили измерению светлой стороны национальных чувств. Патриотизм определяется как мягкая/светлая форма национальных установок. Он виден в убежденности в необходимости нести ответственность за свою страну, проявляется в приверженности родным традициям. Патриот не посягнет на изъявления любви к Родине, одобрит убеждение, что нация – это прирожденная общность и имеет индивидуальность, заслуживающую поддержки. Он, скорее всего, пожмет плечами, услышав, что нация – это самая важная общность, которой нужно подчинить все другие обязательства. Патриотизм неагрессивен, однако от национализма его отделяет нечеткая граница. Остальные шесть утверждений относились к темной стороне национальных чувств, склонности возводить стены вокруг общности, тенденции к сужению сердца, ксенофобным установкам, неприязненным по отношению к чужим [8]. Теории межгрупповых процессов говорят о двух движениях: внутригрупповом смыкании рядов и отделении, отгораживании от чужих, то есть от внешних общностей. Результаты измерений показывают, что светлая и темная сторона национальных чувств преимущественно сопровождают друг друга, то есть высокий результат человека на шкале патриотизма позволяет ожидать, что он получит также высокий результат в измерении националистических чувств. В этом заключается опасность сильных национальных идентичностей – вызов воспитателям, чтобы они умело формировали эти установки. Склонность к одновременному появлению патриотизма и национализма видна в коэффициентах корреляции в третьей колонке таблицы 3. Оказывается, что там, где повсеместны горячие патриотические чувства (светлая сторона национальных установок), склонность к отгораживанию от чужих, соседей сильнее; там отчетливее видна темная сторона национальных сентиментов.

Позиции стран в рейтингах, созданных с учетом средних результатов учеников в измерении патриотизма (табл. 2) и национализма (табл. 3) можно объяснить, показав геополитическое положение страны. В случае Польши нужно указать на две соседние страны, которые имели черты империи, в случае Греции и Кипра это ситуация страны на периферии, на стыке двух конкурирующих цивилизаций. В то время как на личностном уровне учеников мы видим две стороны того же процесса межгрупповых отношений – повышение престижа своих и обособления

от чужих. Гордость за достижения Польши может свидетельствовать о хорошей укорененности ученика в своем обществе. Однако следует заметить, что эти позитивные декларации преданности своей стране проявляются вместе с убеждениями об экономической или политической опасности, откуда недалеко до нескрываемой враждебности к чужим людям.

Таблица 3

Показатели индекса националистических установок в различных группах учеников
(В предпоследней колонке даны коэффициенты корреляции r Пирсона результатов по двум инструментам)

	Показатель индекса националистических позиций	r Пирсона между результатом ученика на шкале отношений к народу и показателем индекса национализма**	N
Кипр	16,45	0,32	2591
Греция	16,44	0,39	2764
Польша	16,05	0,40	2927
Румыния	15,97	0,34	2244
Словакия	15,90	0,25	2804
Россия	15,73	0,32	1718
Чили	15,71	0,27	4294
Португалия	15,67	0,30	2552
Финляндия	15,50	0,46	1983
Венгрия	15,37	0,38	2946
Литва	15,25	0,36	2445
Эстония	15,18	0,31	2405
В целом***	15,07		68520
Колумбия	15,00	0,25	3916
Латвия	14,98	0,37	1805
Чехия	14,93	0,26	2782
Швейцария	14,79	0,37	1918
Болгария	14,78	0,52	2015
Швеция	14,77	0,47	1963
Австралия	14,69	0,36	2396
Италия	14,40	0,23	2589
Дания	14,39	0,29	1820
Словакия	14,35	0,27	2294

Бельгия*	14,34	0,32	1498
Норвегия	14,31	0,37	2153
Гонконг	14,00	0,31	3521
Германия	13,98	0,40	2414
Англия	13,79	0,36	1877
США	13,50	0,27	1885

* только франкоязычная часть

** все корреляции существенны на уровне $p < 0,001$ в двустороннем тесте.

*** в популяции всех учеников, принимающих участие в исследовании IEA в 1999 г.

Воспитательное поражение в 2009 г. Выявление трендов является самой важной целью повторения исследований. К сожалению, в исследовании школьников в 2009 г. изменилось содержание утверждений, составляющих шкалу установок относительно своей страны. Не только не спрашивалось об ощущении опасности, проистекающей из чуждых вмешательств в дела страны, но также в шкалу отношений к нации были добавлены оценки политической системы и состояния заботы о природной среде [9]. Изменен также формат вопросов, лишивший учеников альтернативного ответа «не знаю». Сопоставимости с измерением 1999 г. можно достичь, отказавшись от готовой шкалы *ATTENT* в пользу простого индекса патриотических установок, построенного после суммирования реакций на четыре утверждения, почти идентичные в обоих измерениях [10]. Достаточно одного взгляда на таблицу 4, чтобы увидеть, что изменилось в силе национальных чувств в течение 10 лет. Патриотизм молодых поляков явно остыл, в то время как молодые россияне начали более охотно выражать свой патриотизм.

Интересные результаты принесла попытка объяснения температуры патриотических чувств на уровне личности, то есть ответ на вопрос, почему 14-летние школьники были польскими патриотами в 1999 г. и перестали ими быть в 2009 г. При объяснении данных результатов следует помнить о двойственной природе патриотических установок. С одной стороны, установка содержит признание своей культурной группы, приверженность традициям и ценностям земляков, а с другой – несет желание отгородиться, недоверие к внешним влияниям, определенную дозу опасности и неуверенности. Этим двум слоям национальных чувств соответствуют две объясняющие гипотезы. Несмотря на сходство воздействий для одних учеников дела народа и Отчизны очень важны, в то время как для других не имеют большого значения.

Первое объяснение провозглашает, что придание значения национальным ценностям является результатом неудовлетворения общественных потребностей и дефицита связи. Люди, лишенные корней, неприспособленные, плохо функционирующие в своем непосредственном окружении, находят себе «замещающие семьи». Для одних людей важной группой становится спортивный клуб, для других – секта, для многих общность, организованная в национальном государстве.

Таблица 4

Индекс патриотизма в 2009 г. Исследование IEA ICCS 2009 г.

Страна	Средняя для страны	N	Страна	Средняя для страны	N
Таиланд	2,469	5263	Финляндия	1,582	3307
Индонезия	2,420	5068	Норвегия	1,553	3013
Гватемала	2,300	4002	Лихтенштейн	1,541	357
Колумбия	2,255	6204	Испания	1,528	3309
Парагвай	2,083	3399	Швейцария	1,491	2924
Чили	2,055	5192	Словакия	1,447	2970
Ирландия	1,993	3355	Н. Зеландия	1,435	3979
Болгария	1,985	3257	Литва	1,427	3902
Россия	1,954	4295	Люксембург	1,347	4852
Мексика	1,951	6576	Ю.Корея	1,293	5254
Домин. Респ.	1,950	4589	Латвия	1,225	2761
Словения	1,808	3070	Швеция	1,122	3464
Кипр	1,796	3194	Дания	1,113	4508
Мальта	1,792	2143	Чехия	1,083	4630
Польша	1,761	3249	Англия	1,074	2916
Австрия	1,758	3385	Голландия	1,043	1964
Италия	1,742	3366	Тайвань - Тайпей	1,002	5167
Греция	1,706	3153	Бельгия (флам.)	0,921	2968
Эстония	1,612	2743	Гонконг	0,810	2902
Международная средняя				1,660	140650

Сильное подчеркивание национальных связей может появляться в ситуации, когда человек ощущает нехватку семейных уз, соседских, рабочих связей, связей с ровесниками, с религиозной общиной и других.

Обездоленность ввиду социального статуса порождает потребность в лояльности к абстрактной общности – народу. Этот механизм приводит к тому, что сильнейшие патриотические чувства следует ожидать у школьников, находящихся на низших ступенях социальной лестницы, хуже обучающихся в школе и уязвимых в группах сверстников, потерянных, ощущающих неуверенность и опасность.

Конкурирующая гипотеза наделяет привязанность к Родине позитивным знаком. Согласно альтернативному объяснению, явно декларируемый патриотизм свидетельствует о хорошей приспособленности, полном усвоении культуры своей общественной среды, о том, что человек находится «у себя дома», живя в своем национальном государстве. Метод регрессионного анализа позволил решить спор между гипотезой о депривационной природе положительных чувств к своей нации и гипотезой патриотизма как признака признания своего общественно-го *status quo*. Гипотеза депривации и национальной компенсации индивидуальной обездоленности оказалась более удачной, чем соперничающая с ней гипотеза.

Таблица 5

Результат множественного регрессионного анализа

Независимые переменные	Городская среда	Деревенская среда
величина семьи	0,10**	0,07*
образование матери	-0,16**	
образование отца		
количество книг в доме		
образовательные запросы		
ведение дискуссии на политические темы с родителями		
ведение дискуссии на политические темы со сверстниками		
ведение дискуссии на политические темы с учителями		
просмотр политических новостей по телевизору	0,10**	0,11**
прослушивание политических новостей по радио	-0,08**	
чтение политических новостей в газетах	0,11**	0,11**
участие в общественно-воспитательных организациях		
свободное время, посвящаемое общественно-воспитательным организациям		
свободное время, проводимое с друзьями		

Косела К. Патриотизм учеников – поражение воспитательной системы польской школы

свободное время, посвящаемое TV и видео		
размер школы		
свобода школьных дискуссий	0,11**	0,10**
убежденность в силе совместных действий	0,18**	0,18**
Откорректированное значение R^2	0,11	0,08

* $p < 0,05$ ** $p < 0,005$

Во второй и третьей колонке находятся стандартизированные коэффициенты регрессии β , показывающие силу связи с независимой переменной – результатом на шкале патриотизма в 1999 г.

В пользу гипотезы о депривационной подоплеке патриотизма говорит заметная и в городе, и в деревне связь силы национальных чувств и размера семьи. В Польше большие семьи являются в то же время более бедными. Отрицательная корреляция итогов на шкале с образованием матери имеет подобное значение. Она видна только в городах, поскольку деревенское население достаточно однородно с точки зрения образования. Оказывается, что чем лучше образование родителей, тем хуже результаты ученика по шкале патриотических установок. Образование матери – это характеристика с социологическим значением, сходным со значением образования отца, величины семейной библиотеки и уровня образовательных запросов ученика. За всеми этими характеристиками стоит общественно-экономическое положение семьи. Чем это положение выше, тем слабее декларации связи с символами и национальным государством.

В таблице 5 находятся также данные, позволяющие расширить набор теорий патриотизма. Ясно видно, что готовность декларировать патриотизм сопровождается просмотром политических телевизионных новостей и поиском этих новостей в прессе. Любопытно, что это связь с поиском новостей, а не с сопоставлением своих мнений в дискуссиях с родителями и ровесниками. Собственная активность неважна, поскольку в шкале оказалось неважным также «воспитание действием», то есть формирование установок, являющееся следствием активности общественно-воспитательных организаций. Таким образом, декларациям патриотизма идет на пользу заинтересованность политическими вопросами, проявляющаяся в поиске информации на телевидении и в прессе. Но если мы взглянем на последние строки таблицы, то убедимся, что самой важной является атмосфера школы. На ум приходит теория Эрнеста Геллнера, говорящая о близкой связи, соединяющей систему образования с успехами национального государства [11]. Школа должна обучать патриотизму – такую миссию назначает ей государст-

во. Данные, содержащиеся в таблице, показывают, что польская школа выполняет эту функцию тогда, когда не отталкивает учеников от себя. Этот существенный вывод заслуживает более широкого обсуждения.

Регрессионный анализ показал, как беспомощны исследователи, пытающиеся показать признаки, которые способствуют национальным чувствам. Последняя строка таблицы 5 объясняет силу всех переменных, вызванных в регрессионной модели для ответов 14-летних респондентов. Результаты статистического анализа не особенно захватывающи. В подгруппе городской молодежи удалось объяснить 11%, а в подгруппе учеников деревенских школ – всего лишь 8% вариативности результатов шкалы патриотизма. Такой ничтожный результат статистического анализа несет важную информацию о природе явления. Большая фракция необъясненной дисперсии свидетельствует о том, что в Польше ученики впитывают национальные сентименты из воздуха, с улицы, отовсюду. Национальное содержание пронизывает повседневную жизнь. Скорее всего, сами ученики не смогли бы дать развернутый ответ, почему они хотят жить именно в этой стране.

Почему остыл патриотизм польских учеников? Ответ на вопрос о причинах ослабления патриотических деклараций польских школьников является непростой задачей. В объяснениях этого факта можно сослаться на несколько наблюдений. Первый след – это улучшение материальной ситуации польского общества и вероятное сокращение областей социальной депривации. Успех трансформации строя ведет к тому, что поляки, разбогатев и отстроив свои сообщества, уже не нуждаются в «замещающих семьях» и «воображаемых общностях».

Альтернативная гипотеза заявляет, что под конец первого десятилетия нового столетия произошло возвращение к средней после ненормальных условий к XIX в. В 1999 г. ученикам передалось национальное возбуждение, ибо то было особенное время. Вступление Польши в НАТО, приготовления перед вхождением в ЕС и постоянное обсуждение шансов принятия Польши в Евросоюз накручивали дискуссии, которые велись в национальных и геополитических категориях. Нынешнее состояние является, таким образом, возвращением к норме, а результат учеников в международных сравнениях показывает, что национальная горячка спала.

Еще одно, вероятно комплементарное объяснение указывает на новые тенденции, заметные в публичных дискуссиях после 2004 г., подогреваемые конфликтом и соперничеством политических партий. Эти тенденции можно назвать усилиями «дискредитации закрытого патриотизма». Острую форму они приняли после начала строительства «Чет-

вертой Речи Посполитой» и явным обострением политического конфликта в Польше. Словарь оппонентов показывает, что стороны не намереваются знакомиться с доводами оппонента и относятся друг к другу с презрением [12]. Сдержанные национальные установки могут быть признаком успеха разоблачителей национальных мифов.

Объяснения перемены, указывающие на роль школы. Последний след, которым стоит заняться, это статистическая связь, соединяющая результаты по шкале патриотизма, результаты шкалы «открытости школьной атмосферы дискуссии» и убеждения в необходимости совместных действий учеников на благо школы. В 1999 г. отчетливой была закономерность одновременного появления патриотических деклараций и замечания учениками, что в классе они поощряются к открытому выражению своих взглядов.

Те ученики охотнее проявляли преданность символам и национальному государству, к которым в школе относились как к субъектам, демонстрировалось, что их мнение заслуживает внимания. Заметное принятие разнообразия мнений, оказание ученикам уважения и согласие на выражение личных взглядов содействовали чувству связи с национальной общности. Видение того, что собственные мнения и мнения других учеников воспринимаются с уважением, вело к признанию национальной общности и ее самого важного знака – флага. В 1999 г. польские ученики занимали высокое место в международном рейтинге ввиду *оценки открытости атмосферы школьных дискуссий*. По среднему результату на этой шкале они оказались на четвертой позиции вместе с другими национальными командами [13]. По прошествии 10 лет они занимали гораздо низшее место в этом важном измерении, то есть рычаг, который в 1999 г. сильно поддерживал патриотизм польских учеников, значительно ослаб (табл.6).

Ученики в России еще хуже, чем ученики в Польше, оценивают свои школы с точки зрения их открытости к разнообразным мнениям, а связь результатов школьников по шкале патриотизма в России незначительно слабее, чем у польских школьников[15].

Из исследований 1999 г. следовало, что для патриотических деклараций учеников важно, что они хотели бы увидеть в школе, нежели то, что они видят. Среди характеристик школьника, принятых тогда во внимание в регрессионной модели, фактором, который сильнее всего определял пылкость патриотических деклараций, были результаты, полученные по шкале *«убеждения в необходимости совместной активности в школе»*. Отклонение или одобрение нескольких утверждений выявили веру учеников в эффективность своих групповых, организо-

ванных действий; убеждение, что совместное действие с другими учениками для улучшения состояния дел в ближайшем окружении может принести пользу. Неожиданно оказалось, что с отношением к национальным ценностям очень сильно коррелировала сила убеждения, что группа учеников, совместно действующих на территории школы, может иметь влияние на решение существующих в школе проблем.

Таблица 6

OPDISC [14] *Student perceptions of openness in classroom discussions* - шкала восприятия учениками открытости, созданной в классе для дискуссии, самостоятельности и активности учеников в школе. *ICCS IEA* 2009 г.

Страна	Средняя страны на шкале восприятия учениками открытости класса к школьным дискуссиям	Статистическая погрешность	Страна	Средняя страны на шкале восприятия учениками открытости класса к школьным дискуссиям	Статистическая погрешность
Дания	54,76	0,34	Мексика	50,26	0,22
Индонезия	54,74	0,30	Словакия	50,05	0,25
Италия	54,32	0,27	Словения	49,90	0,27
Н. Зеландия	53,46	0,32	Парагвай	49,86	0,28
Англия	53,20	0,31	Литва	49,60	0,27
Гонконг	53,03	0,44	Финляндия	49,50	0,22
Гватемала	52,73	0,24	Бельгия (флам.)	49,10	0,28
Норвегия	52,49	0,34	Россия	49,05	0,31
Чили	52,37	0,30	Чехия	48,89	0,23
Ирландия	52,35	0,29	Нидерланды	48,53	0,48
Таиланд	51,30	0,22	Лихтенштейн	48,39	0,51
Швеция	51,04	0,30	Болгария	48,07	0,35
Греция	50,97	0,26	Швейцария	48,03	0,31
Польша	50,91	0,31	Испания	47,99	0,25
Кипр	50,69	0,32	Люксембург	47,99	0,16
Латвия	50,52	0,30	Австрия	47,75	0,32
Эстония	50,46	0,29	Домин. Респ.	47,63	0,27
Тайпей,	50,46	0,29	Мальта	45,93	0,21

Косела К. Патриотизм учеников – поражение воспитательной системы польской школы

Тайвань					
Колумбия	50,29	0,24	Южная Корея	38,13	0,25
Международная средняя				50,00	0,00

Самыми важными оказались нормативные ответы, не описывающие, а показывающие действительное состояние. Ученическая оценка потенциальной эффективности групповых действий, предпринимаемых для решения проблем школы (и для преодоления проблем со школой), исходит из наблюдения существующего положения. Школа, оставляющая поле для групповых действий, окрыляет учеников, что в итоге приводит к декларациям преданности национальному государству и его символам. Ученики, которые не видят смысла в групповых действиях, дистанцировались от нации, ее государства, гимна, флага. Их вера в сообщество была подорвана, убеждение в смысле обществ сломлено.

В 1999 г. польские ученики заняли высокое третье место в ряду из 28 элементов на основании убежденности в значении совместных действий на благо хорошего функционирования школы [16]. В 2009 г. оказалось, что в Польше значительно ослабла характеристика, которая сильно подогревала патриотизм польских учеников в 1999 г. Польские ученики с очень высокого места в 1999 г. опустились до позиции в середине международного пелетона и ввиду замечания благотворных для школы эффектов своей активности оказались рядом со своими российскими ровесниками [17] (табл. 7).

Школьный опыт – это первый гражданский опыт молодых людей, поэтому школа является важным институтом обучения жизни в обществе. Международные исследования гражданского воспитания показали в Польше, что на рубеже веков было важным, как обучает школа. Атмосфера школьных дискуссий и создание площадки для групповых действий учеников оказались связаны с декларациями патриотизма, так ценимыми воспитателями. Как из этого видно, в интересах общества, заботящегося о своей сплоченности, то, чтобы школа была институтом, любимым воспитанниками – этот вывод банален, но недооценен.

Какое знание проистекает из этих нескольких статистических анализов? Статистически мы можем объяснить небольшую часть вариативности национальных установок, что означает, что установки по отношению к нации формируются многими средами и социальными акторами, в том числе и СМИ. Обзор условий деклараций патриотизма ведет к выводу, что преданность национальным ценностям не поддается попыткам привязать их к каким-либо характеристикам социального статуса учеников. Лишь немногим плодотворнее пробы соотнесения их

с характеристиками воспитательной среды. Молодые поляки черпают свой патриотизм из воздуха, поэтому так трудно формировать их установки. Кажется, что исторические события прошлого все еще определяют судьбу личности и целых групп. Нация для поляков является общностью судьбы – интересно, что следы такого мышления можно обнаружить у соотечественников как старшего, так и молодого поколения.

Таблица 7

VALPARTS [18] *Students' perceptions of the value of participation at school* – шкала замечания учениками благотворных для школы результатов их активности. ICCS IEA 2009 г.

	Средняя страны на шкале замечания учениками ценности участия в школе	Статистическая погрешность		Средняя страны на шкале замечания учениками ценности участия в школе	Статистическая погрешность
Чили	56,36	0,22	Дания	49,94	0,20
Гватемала	55,78	0,22	Финляндия	49,70	0,19
Домин. Респ.	55,01	0,29	Бельгия (флам.)	49,69	0,24
Парагвай	54,37	0,25	Италия	49,20	0,19
Колумбия	54,13	0,19	Болгария	48,86	0,29
Греция	52,98	0,25	Швеция	48,74	0,24
Норвегия	52,23	0,23	Н. Зеландия	48,62	0,29
Индонезия	51,95	0,21	Латвия	48,44	0,28
Таиланд	51,14	0,19	Англия	48,15	0,30
Мальта	51,13	0,32	Гонконг	47,72	0,31
Ирландия	51,10	0,24	Литва	47,65	0,21
Мексика	50,97	0,20	Лихтенштейн	47,27	0,62
Испания	50,76	0,24	Нидерланды	46,92	0,49
Кипр	50,74	0,24	Чехия	46,84	0,24
Польша	50,67	0,28	Словакия	46,82	0,24
Тайпей, Тайвань	50,63	0,20	Люксембург	46,80	0,15
Эстония	50,29	0,29	Швейцария	46,19	0,29
Россия	50,12	0,26	Ю. Корея	45,64	0,22
Словения	50,07	0,27	Австрия	45,58	0,20
международная средняя				50,00	0,00

Отчизна, как и религия, может греть, или же обжигать и служить возведению стен вокруг общности, в то время как мы, воспитатели не можем эффективно влиять на температуру национальных установок

воспитанников. Совместное появление результатов на шкале национальных чувств и ценностей индекса национализма показывает, что признание нации и символов национального государства сопровождается склонностью к отгораживанию от других обществ. Во всех странах патриотизм был достаточно тесно связан с декларациями опасности и склонностью укрепления границ вокруг своей национальной группы.

(Ограниченный) успех процедур статистического анализа заключается в том, что они показали верность «компенсационной» теории патриотизма, заявляющей, что люди, ощущающие дефицит связей и депривацию, плохо укоренившиеся в обществе, пребывающие на его периферии, ищут «замещающую семью» и находят ее в нации. В принадлежности к народу они видят собственное достоинство, поэтому одобряют символы этой общности. Теория о депривационной подоплеке национальных сентиментов находит свое подтверждение.

Неожиданно исследование выявило значение характеристик школы для патриотизма. Школа оказалась важным институтом, подогревающим или остужающим общественный энтузиазм молодежи. В 1999 г. фактором, сильнее всего связанным с патриотизмом, было убеждение в важности совместного действия – пылкая школьная гражданственность. В течение 10 лет очень сократилась убежденность в ценности группового действия школьников, то есть убеждение в том, что их участие в принятии школьных решений может улучшить работу школы, что если ученики будут действовать вместе, то в школе может произойти много положительных изменений, что ученики могут иметь большее влияние на жизнь школы, когда действуют сообща, нежели по отдельности, что организация учеников с целью выражения своего мнения может помочь в решении многих проблем в школе, и что все школы должны иметь ученическое самоуправление. За этими предложениями стоят два убеждения: первое, что голос учеников важен, второе – голос учеников, умноженный и согласованный, имеет особенный вес и силу. Если школа не проявляет уважения к взглядам личности и подавляет выражение различных мнений, то отрицает то, что какое-либо значение заключается в общности людей. Если она не создает поля для совместных действий, то окончательно хоронит веру в смысл общих начинаний.

Механизм, соединяющий замечание свободы школьных дискуссий учениками и убеждение в потребности уважения их голоса с выражением патриотических деклараций, кажется самым важным фактором этого анализа. Ученики говорят воспитателям: когда вы уважаете и слушаете наш голос, тогда мы в свою очередь слушаем то, что школа

говорит нам о делах общества. Если институт взрослого мира вызывает доверие, то его важные дела, такие как отчизна и нация кажутся важными для воспитанников. Если представитель взрослого мира антипатичен и не вызывает доверия, то его дела, ценности и символы непривлекательны и незначительны для учеников. В какой-то мере патриотизм таков, каково отношение к институтам, для которых патриотизм важен. Для российских исследователей и воспитателей этот урок из польского анализа может показаться интересным. Можно влиять на дидактический процесс, а отношения внутри школы можно улучшать. Эта часть общественного мира поддается исправлению, хотя результаты польских усилий после 2000 г. не дают повода для оптимизма.

Примечания:

1. Kosęła K. 2004. *Postawy nastolatków wobec narodu*. w: Dolata R., Kosęła K., Wiłkomirska A., Zielińska A. *Młodzi obywatele. Wyniki międzynarodowych badań młodzieży*. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego.
2. Международный исследовательский проект под названием *International Civic and Citizenship Education Study IEA* был реализован в 38 странах Европы, Америки, Азии и Океании осенью/зимой 2008 г. (в южном полушарии) и весной 2009 г. (в северном полушарии). В Польше полевая фаза проекта имела место в марте-апреле 2009 г. Популяция учеников: раздел 8 (обязательный) 14 лет и раздел 9 (для исследования тренда, немногие страны). Словесная выборка в странах-участниках: как минимум 150 школ в стране, случайная выборка одного класса в каждой из выпавших школ, случайный выбор учителей, преподающих на ступени 8 в выпавших школах (нет связи между учеником и учителем). В этом крупнейшем международном измерении гражданских знаний приняло участие: более 140 000 учеников (в Польше 3249 учеников; степень реализации 90,4%; после добавления школы из запасного списка 91,1%), - из более, чем 5000 школ (в Польше 150 школ); более 62000 учителей и ведущих уроки в этих школах (в Польше 2081 учителей; степень реализации 95,8%; после добавления школы из запасного списка 96,2%). См. Schulz W., Ainley J., Fraillon J., Kerr D., Losito B. 2010. *ICCS 2009 International Report: Civic knowledge, attitudes, and engagement among lower-secondary school students in 38 countries*. Amsterdam: International Association for the Evaluation of Educational Achievement (IEA).
3. Исследование IEA CIVED 1999 см.: Torney-Purta J., Lehmann R., Oswald H., Schulz W. 2001, *Citizenship and Education in Twenty-eight Countries. Civic Knowledge and Engagement at Age Fourteen*, Amsterdam: International Association for the Evaluation of Educational Achievement (IEA).
4. Опросы Центра исследований общественного мнения (CBOS) из серии *Молодежь* реализуются достаточно регулярно с 1983 г. на похожих выборках самых старших учеников школ полного общего образования.

5. Piotr Skwieciński "Debilizacja" historii - Czy uczniom potrzebna jest gruntowna wiedza historyczna? Czy też szkoły powinny opuszczać "przygotowane dla potrzeb pracodawcy półfabrykaty"? – публицист «Речи Посполитой» о российской реакции на польские протесты. Речь Посполита, 23.04.2012, A17.
6. Результаты взяты из исследования IEA CIVED 1999 г. Похожие зависимости дал дополнительный опрос с использованием графической шкалы: «Что принесла смена строя [Польше, Чехии, Словакии, Венгрии и т.д.]: богатство - бедность, безопасность – отсутствие личной безопасности, более легкую жизнь – более тяжелую жизнь, взаимопомощь и заботу – эгоизм, равенство – неравенство, справедливость – несправедливость?» «В результате смены строя Польша [Литва, Латвия и т.д.]: стала эффективной – неэффективной, стала моральной – неморальной, стала чувствительной к несправедливости – нечувствительной к несправедливости, стала честной – нечестной, стала родной - чужой?».
7. См. Torney-Purta J., Lehmann R., Oswald H., Schulz W. 2001, Citizenship and Education in Twenty-eight Countries, Civic Knowledge and Engagement at Age Fourteen. Amsterdam: International Association for the Evaluation of Educational Achievement (IEA).
8. Сопоставление утверждений – стимулов для шкалы установок по отношению к нации и для индекса националистических установок.

В шкале установок относительно нации размечены реакции на следующие утверждения:	- флаг <i>Польши</i> для меня важен, - я очень люблю <i>Польшу</i>, - <i>Польша</i> должна гордиться тем, чего достигла, - я бы предпочел постоянно проживать в другой стране [<i>подразумевается – не в Польше</i>].
В индексе националистических установок суммировались реакции на следующие утверждения:	- мы должны покупать вещи, произведенные в Польше, чтобы защищать рабочие места в Польше - мы должны удерживать другие страны от попыток влиять на политические решения в Польше; - мы всегда должны быть бдительными и предупреждать опасности для независимой Польши со стороны других государств; - люди должны поддерживать свою страну даже тогда, когда нам кажется, что она делает что-то плохое; - мы не должны позволять, чтобы чужаки влияли на традиции и культуру Польши.

9. Шкала ATTENT в исследовании 2009 г.: Students' attitudes towards their country

IS2P28A	The <flag of country of test> is important to me
IS2P28B	The political system in <country of test> works well
IS2P28C	I have great respect for <country of test>
IS2P28D	In <country of test> we should be proud of what we have achieved
IS2P28F	I am proud to live in <country of test>
IS2P28G	<Country of test> shows a lot of respect for the environment
IS2P28H	Generally speaking, <country of test> is a better country to live in than most other countries

10. Утверждения, использованные в построении индекса патриотизма для исследования 2009 г.:

- флаг *Польши* для меня важен,
- я очень уважаю *Польшу*,
- *Польша* должна гордиться тем, чего достигла,
- я бы предпочел постоянно проживать в другой стране [*подразумевается – не в Польше*].

К сожалению, во втором утверждении была произведена замена слова *люблю* (1999) на глагол *уважаю*.

11. См.: Gellner E., *Narody i nacjonalizm*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1991.
12. Сопоставление лексикона оппонентов в дискуссиях, касающихся польского патриотизма:

Упреки, формулируемые:	
Стороной, которая организует / поддерживает голодовки по причине урезания школьного обучения истории	Стороной, представляющей так называемый открытый патриотизм
евроцентризм, неразумное принятие стороны европейских интересов, нигилизм, оставление мышления в категориях национального интересов, проявление пренебрежения своему обществу и его традициям, высмеивание символов, интегрирующих национальную общность, избавление от твердых идентичностей и др.	фашизм, гробовщический патриотизм, затхлый национализм, шаблонность в торжественном отмечании национальных годовщин, подстрекательство к насилию по отношению к меньшинствам, отсутствие толерантности к инаковости и др.

13. Выше всего была Колумбия со средним результатом по шкале - 10,8; потом Норвегия - 10,6, Греция - 10,5, США - 10,5, далее Польша - 10,4, вместе с Кипром - 10,4, ФРГ - 10,4 и Италией - 10,4.
14. Вопрос к конструкции шкалы **OPDISC** *Student perceptions of openness in classroom discussions*: Как часто во время дискуссии на уроках об общественных и политических делах бывают следующие ситуации? *Пожалуйста, отметьте только одно окошко в каждой строке.*

	Никогда	Редко	Иногда	Часто
Учителя поощряют учеников к выработке своего мнения.				
Учителя поощряют учеников к выражению своего мнения.				
Ученики поднимают важные политические вопросы во время дискуссии в классе.				
Ученики выражают свое мнение во время урока, даже если оно отличается от мнения большинства учеников.				
Учителя поощряют учеников к дискуссии с людьми, имеющими другое мнение по данному вопросу.				
Учителя представляют разные точки зрения, объясняя какую-то проблему в классе.				

15. В обеих странах связь просто слабая: в России 0,07, в Польше 0,12.
16. Наилучший результат получили по этой шкале школьники Кипра 11,3; Греции 10,8 и Португалии 10,8. Чуть ниже были ученики Чили 10,5 и Польши 10,5.
17. Что интересно, в России более сильная корреляция замечания учениками благотворных для школы результатов их активности с результатом на шкале национальных чувств, чем в Польше – в России 0,33; в Польше 0,14. То есть в России воспитатели располагают рычагом для пробуждения патриотизма учеников, который уже исчез в Польше.
18. Вопрос к конструированию шкалы VALPARTS *Student's perceptions of the value of participation at school*: В какой степени ты согласен или не согласен со следующими утверждениями на тему участия учеников в жизни школы? Пожалуйста, отметь только одно окошко в каждой строке.

	Решительно согласен	Согласен	Не согласен	Решительно не согласен
Участие учеников в принятии школьных решений может улучшить работу школы.				

Много позитивных изменений может наступить в школе, если ученики будут действовать сообща.				
Самоорганизация учеников с целью выразить свое мнение может помочь в решении многих проблем в школе.				
Во всех школах должно быть ученическое самоуправление.				
Ученики могут иметь большее влияние на жизнь школы, если действуют совместно, нежели отдельно.				

Сведения об авторе:

Косела Кшиштоф – доктор гуманитарных наук, профессор Варшавского университета, Польша, г. Варшава, e-mail: k.kosela@is.uw.edu.pl;

Data on author:

Kshishtof Kosela – doctor of the humanities, professor of the Warsaw university, Poland, Warsaw, e-mail: k.kosela@is.uw.edu.pl.

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

Диалектика межэтнических коммуникаций
(о книге О.Б. Истоминой «Языковые контакты: сущность, формы,
тенденции (региональный аспект)». – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского
госуниверситета, 2012

BOOK REVIEW

«The Dialectic of Multiethnic Communication (a review of O.B. Istominy's «Linguistic Contacts: Essence, Forms, Tendencies (and their regional aspect)». – Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2012

Проблема межкультурных коммуникаций приобретает особое значение в современном российском обществе ввиду усиления миграции, изменения национального состава не только Сибири, но и государства в целом. Трансформация национально-демографического облика региона отражается на социальной структуре региона, на типе отношений внутри социальных групп и между ними, изменяется уровень коммуникативной дистанции между участниками взаимодействий. Состояние физической и психологической проксемики требует внимательного отношения в подобных условиях. Регуляция межэтнических контактов является сегодня важной задачей органов власти и национально-культурных автономий, т.к. важно не допустить нарастание межэтнической напряженности.

Актуальность проведенного О.Б. Истоминой исследования связана с осмыслением поиска и выбора перспектив дальнейшего развития страны, обусловленных современными процессами самоидентификации, происходящими в российском обществе в сфере межэтнических, межъязыковых коммуникаций. Интенсификация языковых контактов способствует развитию межнациональных и межкультурных отношений, формирует основания для лингвокультурных компетенций индивида.

Язык, являясь доминирующим инструментом коммуникаций, выражает характер контактов этносов на многонациональной территории. Изучение феномена языковых контактов как самостоятельного научного объекта имеет длительную историю, на современном же этапе развития общества особенно необходим системный подход, потому что язык понимается не только как эффективная живая система, производящая знания и

опосредование эмпирической и трансцендентальной intersubjectивности, но и как показатель, при помощи которого можно выявить многие пласты общественной жизни людей.

Проблема языковых контактов, билингвизма является интегративным знанием, исследуемым многими научными дисциплинами. Содержательность и полнота изложения материала обеспечиваются апелляцией исследователя к таким видам общественности, как философия, лингвистика, социология, психология, педагогика, культурология и др. Эмпирическая достоверность формируется на базе данных федеральной, региональной, государственной статистики, материалов социологических исследований, в том числе проведенных автором в Предбайкалье. Обращение к данной проблеме вызвано необходимостью решения задачи построения сбалансированной модели взаимодействий, позволяющей обеспечить этнонациональное равновесие в условиях многонационального сообщества, что становится возможным на основе методологии социально-философского познания.

Предложенный автором подход, основанный на принятии двух линий понимания билингвизма как механизма приобщения к иноэтнической культуре и как механизма культурных трансмиссий, способствует более полному изучению языковых контактов и языковой ситуации в целом. Региональный аспект, взятый за основу исследования, крайне важен, т.к. опираясь на синтез специфического и общего, можно значительно углубить понимание проблемы и разработать практические рекомендации по улучшению психологического климата в многонациональных регионах, по снижению напряженности в межэтническом взаимодействии. Региональный фактор имеет большое значение и в структуре национальной лингвополитической деятельности.

Материал монографии представлен в трех главах. В первой главе «Теоретико-методологические основы исследования языковых контактов в современном российском обществе» раскрывается сущность языковых контактов как социокультурного феномена, представлен социально-исторический анализ языковых взаимодействий. В исследовании языковые контакты представлены как взаимодействие двух и более языков, оказывающее влияние на их структуру и словарь, складывающееся из-за необходимости взаимодействия между языковыми группами по любым социально обусловленным причинам. Кроме того, в главе анализируются коммуницируемость, диалогичность языковых контактов. Данные качества приводят к развитию общекультурных характеристик, формируют транскультурные компетенции, обеспечивают понимание специфических черт культур.

Во второй главе «Условия, факторы, формы функционирования и развития современных языковых контактов» автором проанализированы условия и факторы формирования межэтнических контактов в Иркутской области. К ним отнесены: свойства социальной системы, ее исторические, экономические, политические, демографические, этнокультурные характеристики. Также исследована зависимость речевого поведения от характера социальной дифференциации общества. В работе справедливо указана и раскрыта зависимость выбора языкового варианта и лингвокомпетенций в целом от территориальной, гендерной, возрастной, образовательной, социально-профессиональной, социально-классовой, конфессиональной подструктур общества.

В третьей главе «Тенденции и механизмы развития современных языковых контактов» раскрыты наиболее важные механизмы развития билингвальных компетенций и тенденции их функционирования. Небезосновательно автором обращено внимание на важность присутствия региональных этноязыков в первичных стадиях социализации, т.к. наряду с жизненно-практическими и научными знаниями они сообщают эмпирические сведения на основе интуитивных, созерцательных представлений, непосредственных перцептивных наблюдений. Данные материалы имеют широкое практическое применение в национальной школе и могут использоваться в качестве методических рекомендаций в образовательной деятельности.

О.Б. Истоминой проведен глубокий анализ и всесторонняя систематизация теоретических подходов и концепций, которые применяются как стержневой элемент в раскрытии сущности языковых контактов, условий, форм, тенденций их функционирования и особенностей проявления в полиэтническом регионе современного российского общества. Автор опирается на понимание связи этнической, лингвистической идентификаций и конкретных форм социального поведения, важности национально-специфических характеристик для индивидуальной и групповой самоидентификаций, которые отражены в европейской и отечественной науке.

Монография Истоминой О.Б. – научное исследование, содержащее новые обобщения и выводы о месте языка в поликультурной среде, о растущей роли двуязычия, о своеобразии организованного обучения в этих условиях в современном российском обществе. Автором выявлены следующие тенденции: сохранение этнокомпонентов билингвального образования и развитие национальных школ; изучение языков доминирующих этногрупп в образовательной системе в «заинтересованных» языковых зонах; ориентация на раннюю билингвизацию личности, на-

чиная с дошкольного и раннего школьного возраста; развитие преимущественно национально-русского двуязычия; билингвальное образование с этнонациональным компонентом представлено только в сельской среде. На основе компаративного анализа динамики двуязычного образования выявлено, что региональная система организованного обучения характеризуется расширением структуры, однако эффективность изучения этноязыков зависит не только от интенсивности межэтнических контактов в регионе, но и от идеологических установок социальной среды. Система мероприятий, направленных на гармонизацию межэтнических и межнациональных отношений формируется на основе этнических средств массовой информации, национально-культурных организаций, деятельность которых координируется в соответствии с принципами государственной национальной политики. Нельзя не согласиться с автором, что названные формы работы, обладая свойством преобладающей, влияют на валентность этноидентичности, регулируют состояние культурной дистанции между этногруппами, создают мотивационные основы билингвизации дискурса. В условиях дисперсного расселения этногрупп Иркутской области, социально-статусной неопределенности их языков, утраты национальным окружением статуса автономии в результате интегративных процессов с областью эффективностью могут обладать только комплексные меры, ориентированные на сохранение и развитие культур этногрупп. Эффективность этих мер возрастает при оптимальном соотношении региональных и общегосударственных интересов в национально-политической деятельности.

Исследование Истоминой О.Б. обладает новыми идеями и обоснованными выводами, важными для практики коммуникаций. В работе представлено комплексное изучение языковых процессов в многонациональном регионе Предбайкалья как основы межэтнических коммуникаций. Выводы авторских исследований применимы в разработке инновационных проектов в области языкового развития народов региона, в лингвоэкологической, образовательной политике.

Очевидно, что в эпоху глобализации роль билингвального дискурса возрастает, она связана с возможностью включения в общемировой коммуникативный процесс и желанием сохранить национально-языковые картины мира этногрупп поликультурного региона. Языковые контакты формируют когнитивно-коммуникативную деятельность, обеспечивают процессы успешной социализации и внедряют принципы толерантного отношения к иным культурам, расширяют когнитивные возможности носителей языка и вместе с тем являются условием для процессов формирования и восприятия этнической и социальной иден-

тичности. Исследование, предпринятое О.Б. Истоминой, имеет дальнейшие перспективы развития, связанные с динамикой билингвальности, которая, прежде всего, является условием отражения образа многонационального региона или государства.

П.И. Осинский,
доктор философских наук
Аппалачский государственный университет (США)

М.В. Бадмаева,
доктор философских наук
Бурятский государственный университет (Россия)

P.I. Osinskiy,
doctor of philosophy science
Appalachian State University (USA)

M.V. Badmaeva
doctor of philosophy science
Buryat state university (Russia)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ЕВРАЗИЙСТВО И МИР

The Journal
of Eurasia and World

2 / 2013

Редактор И.И. Осинский
Компьютерная верстка О.Ж. Гончикдоржиевой

Подписано в печать 23.10.13 г. Формат 70 x 100 1/16.
Усл. печ. л. 13,8. Уч.-изд. л. 9,4. Тираж 1000. Заказ 594.
Цена договорная

Отпечатано в типографии Издательства БГУ
670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 3а